

АНТОН ИЛЬИН

**МИР
ДЖЕНИФЕР**

роман

АНТОН ИЛЬИН
Мир Дженнифер

«Издательские решения»

Ильин А.

Мир Дженнифер / А. Ильин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907402-7

В юности на родительской даче Платон Поленов находит документы, описывающие работу программы искусственного интеллекта. Спустя годы он не оставляет попытки запустить утилиты. И однажды, не без помощи кота и случая, ему это удастся. Обновленный проект теперь носит имя любимого мультипликационного персонажа — Дженнифер, именно ей Платон неосторожно задает философский вопрос о смысле жизни. Ответ придется получать, перемещаясь во времени и пространстве.

ISBN 978-5-44-907402-7

© Ильин А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Дженнифер отвечает на вопросы	6
Глава 1. Отказ	6
Глава 2. Кот Макс	8
Глава 3. Дженнифер отвечает на вопросы	10
Глава 4. Три маскарона	12
Глава 5. Провал	20
Глава 6. Крушение	21
Глава 7. Полковник	23
Глава 8. «Пациенты. Яма. Земля – Марс»	25
Глава 9. Враги	27
Глава 10. А-272	29
Глава 11. Беглецы	31
Глава 12. «Ломоносова не знаю»	35
Глава 13. Синдром ложных воспоминаний	37
Глава 14. «Гулливер на месте, Мама!»	38
Глава 15. Яма	42
Глава 16. «Черт с вами со всеми, будь что будет!»	44
Глава 17. Казимир	46
Глава 18. Поправка к Протоколу номер два дробь шесть	50
Глава 19. Джон Доу	52
Глава 20. Маленькие ручки, огненные глазки	61
Глава 21. Владыка	64
Глава 22. Привет, привет!	67
Глава 23. Встреча	75
Глава 24. Яблочный пирог	81
Глава 25. Тайна Алмазной пещеры	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Мир Дженнифер

АНТОН ИЛЬИН

Иллюстратор Энди Вейльски

© Антон Ильин, 2018

© Энди Вейльски, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7402-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга – художественное произведение. Имена, герои, названия мест, компаний и события либо придуманы автором, либо использованы в вымышленном контексте. Любое совпадение с реальными лицами, как живыми, так и умершими, событиями или местами является случайным.

Моим детям Артемию и Юлии

В действительности все совершенно иначе, чем на самом деле.

Антуан

де Сент-Экзюпери

Часть первая. Дженнифер отвечает на вопросы

Глава 1. Отказ

В конце апреля в Москве бывает очень хорошо. Дни постепенно теплеют, растягиваются, становятся прозрачнее и оттого краше. Мир обливается самыми невероятными красками. Особенно красиво бывает вечерами, когда совсем мягкое солнце нежно касается столицы, отражаясь на домах и деревьях золотисто-розовым закатом.

Одним таким теплым апрельским вечером Платон, как обычно, засиделся в институте. Надо было проверить еще пять-шесть работ, а потом – домой, к ней, к Дженнифер!

В кабинет зашел Гриша Хлестаков. Высокий, грузный Гриша никак не мог отдышаться.

– Вот, принес, – сказал он и положил на стол материнскую плату¹. – Эта?

– Да, она. Спасибо. – Платон быстро повертел ее в руках. – Сколько?

– Да брось! – Гриша махнул рукой. – Потом сочтемся.

– Смотри сам.

Платон убрал ее в свой светло-зеленый рюкзак и снова уткнулся в монитор компьютера.

В жизни Гриши не было ничего интересного. Он рос без отца, а его мать была из тех женщин, которые со временем как-то усыхают от одиночества. Она не улыбалась, не ругалась, не хвалила, не гладила его, чтобы утешить, не провожала его взглядом, не читала на ночь. Она не любила его. Несчастный рос, как растет дикая трава – незаметно, быстро и бесцельно. А когда в его жизни появилась Дженнифер, все сразу наполнилось смыслом.

– Это новая? – Гриша кивнул в направлении, где лежала презентация проекта «Дженнифер».

– Да, я переписал то самое место, и, думаю, теперь все верно. – Платон подтолкнул документ в красном переплете поближе к коллеге. – На, посмотри.

Гриша стал быстро перелистывать документ, потом сел и полностью погрузился в чтение.

Пока он читал, Платон задумчиво следил своими большими серыми глазами за самолетом, беззвучно парящим в небе. Ему нравилось смотреть, как белоснежный хвост тянется за двигателями и долго держится длинной полоской позади. Он подумал об Америке. Это была та страна, в которой всегда хотелось оказаться. Страна возможностей, страна новаторов, страна технического прогресса. В детстве, когда еще был Советский Союз, по дороге в школу он каждый день проезжал на троллейбусе мимо здания американского посольства, где всегда была какая-то странная очередь. «Эмигранты», – как-то пояснил отец. Он заметил, что сын с любопытством разглядывал людей, терпеливо толпившихся у главного входа. Над ними с достоинством развевался звездно-полосатый флаг. Он тогда показался мальчику удивительным. «Столько звезд, – думал он, – так красиво!» Потом жизнь как-то не сложилась. Семей он не обзавелся. Денег не заработал. Уехать не удалось. Кого-то хотелось винить, но было некого. А тут снова неудача. Только что он получил отказ из очередного венчурного фонда. Фонд отказывался финансировать его проект.

Вот что они писали:

Дорогой Платон Викторович!

Большое Вам спасибо за проявленный интерес к нашему фонду. Мы внимательно изучили материалы и, к большому нашему сожалению, должны ответить Вам отказом.

¹ Сложная печатная плата, важная деталь, которая составляет основу построения любого компьютера.

Поймите нас правильно, Ваш проект звучит больше как научная фантастика, а не как что-то реальное.

Как мы понимаем, Дженнифер не отвечает на запросы. Добейтесь хотя бы ответов на самые простые вопросы.

Тем не менее просим Вас связаться с нами в случае, если Вам удастся показать реальные, измеряемые результаты работы программы. Пока, к сожалению, мы видели лишь гипотезы и теоретические обоснования, которые звучат любопытно, однако далеки от практического, подтверждаемого опытным путем, применения.

Более того, Вы прекрасно знаете, какая компания доминирует на рынке поисковиков! Не кажется ли Вам, что конкурировать с этой корпорацией будет весьма и весьма сложно? Желаем удачи!

*С уважением,
Карина*

Фонды всегда отвечали отказом. Ни разу не получалось, чтобы он сумел убедить хотя бы одного венчурного инвестора. Все они, запертые в просторных офисах, одетые в белоснежные сорочки, в модных очках, пахнущие дорогим одеколоном и черзчур ухоженные, ничего не понимали из того, что написал в бизнес-плане Платон. Одни крутили у виска, а другие в шутку перекидывались между собой своими оценками проекта и адекватности самого автора. Честно говоря, их трудно винить. Они не были мечтателями. К тому же Платону не везло, и его выстраданный годами документ, основанный на квантовой кибернетике, сперва всегда попадал к молодым аналитикам, которые пытались проанализировать то, что было за гранью их понимания, ведь здесь нужен был особый интеллект – не линейный, а алогичный и в то же время достаточно мощный, чтобы понять суть алгоритмов и принципов, по которым работала программа по имени Дженнифер.

– Все верно!

– Думаешь? – Платон уже и забыл про Гришу.

– Да, все правильно, Дженнифер должна начать отвечать на запросы. Ты отлично описал методы и принципы работы ее АПИ². Когда опробуем?

– Ну, надо переписать ту часть кода – и можно тестировать. Давай, приходи вечером, часам к одиннадцати.

– Отлично! С меня пиво, с тебя шоу!

Как бы не так...

² Интерфейс программирования приложений.

Глава 2. Кот Макс

Жизнь удивительно странная штука! И вот почему.

У соседей Платона жил кот Макс. Он был рыжий, в темно-бурую полоску, упитанный и всегда педантично зализанный. Вечерами после трапезы Макс выходил на прогулку. Он умело прыгал с подоконника на карниз и, погруженный в свои ленивые кошачьи мысли, неспешно трусил по всему периметру в надежде встретить хотя бы одного глупого голубя.

Кто бы мог подумать, что великое открытие и судьба всего человечества может зависеть от кота Макса? Дикость, но оказалось, что вполне себе может.

Пока Платон, уставший после долгого рабочего дня, неуклюже мерил рубашку в магазине неподалеку от своего дома (дело в том, что он был приглашен на званый обед в воскресенье к родной сестре Агате. Будучи девушкой по природе настойчивой, Агата надеялась познакомить брата со своей подругой Инессой, миловидной веснушчатой скрипачкой, регулярно выступающей в Малом зале консерватории на Никитской). Кот заметил открытые ставни у одного-единственного окна, где на сквозняке беспокойно теребилась тюль, как бы заманивая его внутрь.

Макс обычно так никогда не рисковал, но в этот вечер он был сам не свой – ему хотелось приключений.

Он замер, весь напрягся и – хоп! – очутился на подоконнике съемной квартиры Платона.

Квартира была крохотной, располагалась она на шестом этаже и смотрела окнами во двор, откуда постоянно доносились голоса оголтелых школьников и стук отбойного молотка с нескончаемой стройки. В квартире было темно, сыро и холодно. В квартире веяло бедой. Поэтому Макс сразу весь ошетинился. Он пригнулся поближе к полу и стал медленно красться – осваивать пока что не изведанную им территорию. Вот диван, покрытый клетчатым пледом, вот носки, вот старые, с проплешинами, совсем изношенные тапки, вот ножки стула. Хоп! Макс очутился на стуле и тут же застыл. Перед ним была Дженнифер.

Ничего особенного – просто огромный самодельный компьютер, с катушками, бесформенными коробами, перепаиванный, с заплатками, опутанный весь проводами, с тремя огромными мониторами, холодильником и засаленной клавиатурой, пластом лежащей на столе рядом с серой от грязи, замусоленной мышкой. Он был уродлив, как может быть уродлив старый хлам, валяющийся у помойки. Аккуратная надпись элегантными красными буквами «JENNY» выглядела неуместно на этом монстре, потому что никак с ним не сочеталась. Тихо жужжали вентиляторы, настойчиво охлаждающие огненное дыхание в недрах этой машины. Мигали зеленые лампочки дисководов, а от перегретых деталей внутри аппарата шел невыносимый запах жженой резины.

Кот пристально смотрел на экраны, по которым летала какая-то странная штука: то ли треугольник, то ли четырехугольник, то ли ромб, то ли круг – пойдешь поймаешь, что именно... Эта штука ударялась о края и сразу меняла траекторию полета, отправляясь в противоположном направлении. Кота это завораживало, его зеленые пуговицы-глазки долго следили за хаотичными движениями этой геометрической метаморфозы. Потом Макс надоело, и он запрыгнул на стол. Понюхал клавиатуру, аккуратно лизнул мышку. Бах! Внезапно яркий свет озарил испуганное животное, и он предусмотрительно спрыгнул обратно на пол. Макс залез под кровать. Посидел там минуточку-другую. Высунулся, понял, что опасности никакой нет, и вернулся обратно. По экранам бегали цифры. Они складывались, множились, делились и возводились в степени. Их было очень много. Так много цифр Макс никогда не видел, точнее сказать, Макс вообще не видел никаких цифр, а если и видел, то, как любой нормальный кот, не знал, что это такое. Надо сказать, все эти новые впечатления одновременно сильно заинтриговали и взвол-

новали кота. Макс поморгал, потом, как обычно, отвлекся и стал по привычке облизывать правую лапу.

Тем временем Дженнифер ворчливо поскрипывала и что-то считала. Внезапно процесс прервался. Замигал курсор. Надо было просто ввести окончательную строчку кода и закончить этот монументальный труд, над которым больше десятилетия упрямо трудился Платон. Все просто! Тут сердце Макса оборвалось! В двери стал поворачиваться ключ. Хозяин квартиры вернулся! Надо бежать! Позабыв обо всем на свете, Макс рванулся к окну, но прежде, чем соскочить со стола, он всеми четырьмя лапами пробежался по клавиатуре.

Глава 3. Дженнифер отвечает на вопросы

Платон не верил тому, что видел. «Это невозможно, – думал он. – Как же так?» На всех трех темных экранах большими ярко-белыми буквами нарядно светило «СПРАШИВАЙ», а в диалоговом окошке гипнотически мерцал курсор. «Бьется, как сердце», – подумал Платон.

Медленно с плеча сползал рюкзак, к горлу подкатывал комок – так хотелось плакать от счастья. Он вспомнил, как в детстве сидел на полу и смотрел любимый мультсериал про отважную Дженнифер.

*ТРА-ТА-ТА! ТРА-ТА-ТА!
В погоне мчимся мы, друзья!
Скорей, скорей!
Вперед летим!
Спасем весь мир!
Спасем тебя!
УРА! УРА! Пора, пора!
Летим быстрее мы, друзья!*

Начиналась очередная серия, и шестилетний мальчик в серых колготках и синей маечке спешил к телевизору. Папа читал газеты, утопая в гигантском красном кресле, сестра делала уроки, а мама, как обычно, гладила белье. За окном светило декабрьское солнце, известный академик³ паковал чемоданы, чтобы вернуться в столицу, а на экранах всей страны только что запустили художественный фильм «Кин-дза-дза!».

ТАРА-ТА-ТА! ТАРА-ТА-ТА!

В платье морской волны, высокая красивая блондинка по-доброму смотрела с экрана телевизора «Рубин». Платон был в нее влюблен. «Это самое прекрасное существо! – думал он. – Она даже лучше мамы!» От таких мыслей мальчик смутился.

ТАРА-ТА-ТА! Металлический робот подлетел на воздушной подушке к Дженнифер. Она оглянулась. На ее лице читалось беспокойство. «Что случилось, КА-3?» – спросила она. КА-3 рассказал, что злобные икитавры снова нарушили мир и вторглись в святые земли Креминаврии. Икитавры угрожают королевству, настраивая его жителей против короля. Король же, как Дженнифер прекрасно знает, очень слаб, и ему нужна помощь, иначе будет поздно.

Скорей, скорей! Летим, друзья! Заиграла любимая песня. Вот Дженнифер бежит к боевому кораблю! Вот она прыгает в кабину. Вот она уже в спецкостюме, вот она у штурвала и ловко запускает двигатели. «Вр-р-р-р-р-р-р!» – урчит фотонный ускоритель. «Пш-ш-ш-ш-ш» – из мощных стальных труб выбивается брызгами плазма. Корабль взлетает! *Вперед, вперед, мои друзья!* Дженнифер летит к соседним королевствам заручиться поддержкой и объединиться против икитавров. И у Дженнифер точно все получится! Как всегда. Это же Дженнифер! Самая прекрасная женщина, защищающая мир с помощью роботов, друзей и бластеров.

«С-П-Р-А-Ш-И-В-А-Й»

³ Андрей Дмитриевич Сахаров (1921—1989) – советский физик-теоретик, один из создателей первой советской водородной бомбы.

Платон облизал от волнения губы, осторожно сел за стол и медленно пододвинул клавиатуру. Сделав глубокий вдох, он написал первое, что пришло на ум: «Столица Новой Зеландии?»

Через мгновение последовал правильный ответ: «Веллингтон».
– Обалдеть, – прошептал Платон.

«СПРАШИВАЙ».

«Лидер группы „Кино“?» Ввод.
«Виктор Робертович Цой».

«СПРАШИВАЙ».

«Куда впадает река Обь?» Ввод.
«В Карское море».

«СПРАШИВАЙ»

Платон намеренно задавал простые вопросы. А может, посложнее? И вот что он написал: «Как меня зовут?»

«Поленов Платон Викторович».

– Обалдеть! – воскликнул Платон Викторович.

Дженнифер настойчиво повторяла «спрашивай» и поскрипывала своими процессорами.
«Какое число я загадал?»

Дженнифер замолчала. «Дз-з-з. Тух-тух-тух. Дз-з-з». Спустя десять секунд она написала: «Необходимо сканирование».

– Ах да! Точно! – Платон хлопнул себя по лбу. Он потянулся и придвинул небольшую установку – черную трубку, закрепленную на шарнирах изолентой так, чтобы она стояла вертикально и смотрела излучателем строго вниз. – Так! Секунда, секундочка...

Платон включил установку. Она запищала и выдала алый пучок света. Платон быстро, словно куда-то опаздывал, закатал рукав и сунул руку под лазерный луч.

«Цифра 9».

«СПРАШИВАЙ».

«Охренеть! – Платон не выдержал и вскочил на ноги. – Она читает мысли! Она работает! Как же так?! Как же так?! Вот чудо! – Платон был в эйфории. – А что если пойти еще дальше? Интересно, что она ответит?»

Снова усевшись перед Дженнифер, Платон сперва попытался унять озноб. Руки его тряслись, мысли путались. Сделав несколько глубоких вдохов, он все-таки собрался с мыслями и быстро написал: «В чем смысл жизни?» Потом поразмыслил и добавил: «Моей».

Дженнифер загудела. Гудела она долго. Минут десять, наверное. Чувствовалось, как триллионы операций даются ей с большим трудом. Потом она затихла. Платон чувствовал, как в висках стучит кровь. Его ладони вспотели. Руки дрожали. Он не дышал. «Неужели не ответит? Наверное, абстрактные вопросы не прописываются. Хотя что-то же она ответит... Ну давай! Давай, родная. Ты сможешь!» Платон не отрывал глаз от диалогового окошка.

И она ответила: «Ты оставил кое-что в примерочной. Забери скорее».

Глава 4. Три маскарона

Платон с грохотом выбежал на лестничную площадку и спешно забарабанил по кнопке вызова лифта. Но лифт упрямо не ехал.

– Вот черт! – выругался он.

Лифт стоял где-то между этажами. Слышны были лишь ухающие стуки и чирканья, словно кто-то мыл пол.

– Неужели опять сломался?! – в сердцах воскликнул Платон. – Медлить нельзя! Надо скорее забрать презентацию. Там все расчеты, все мои мысли, все предположения. А главное – все они верные! Она работает! Дженнифер работает! Боже мой!

В голове Платона стучала кровь. Казалось, он был на грани срыва. Стукнув со злостью кулаком по кнопке, он ринулся к лестнице, рванул дверь и тут же оказался в крошечной темноте. Свет не горел на всех пролетах без исключения. Еще бы немного, и он бы кубарем полетел вниз головой, но Платон, к счастью, успел ухватиться за холодные перила и удержался от неминуемого падения.

– Господи! – воскликнул он, больно ударившись правым коленом о стену.

Пересилив боль, стал аккуратно ступать по лестнице. Вот пятый этаж. Вот четвертый. Как же темно! Платон замер в ужасе: на секунду ему показалось, что он увидел чьи-то очертания, что-то явно задвигалось перед ним в глухой темноте. Потом он с облегчением понял, что это ему только кажется. Тогда Платон с еще большей силой стиснул перила и с еще большим усердием зашаркал перед собой ногой, чтобы не упасть. Вот еще шаг. Еще один. И еще один... Вот уж должен быть и третий этаж. Но почему же так темно? Господи!

Темнота была липкой и холодной, она словно пачкалась. Но хуже всего был запах. Пахло сыростью, помойкой и патокой, пахло настолько дурно, что Платона замутило.

– Второй, – выдохнул он. Платон чувствовал, как пот льется ручьями по его высокому лбу. – Ну, еще чуть-чуть! Совсем немного! Первый!

Он стал нащупывать входную дверь. Где же она? Ну где же?! Наконец Платон толкнул ее и выскочил в подъезд.

– Фух! – выдохнул он с облегчением и рукавом вытер лоб. – Ничего себе!

На улице к этому времени уже изрядно стемнело. Фонари отражались дрожащей рябью в лужах и окрашивали все без разбора в оранжевый цвет. Было холодно и ветрено. «Как же быстро меняется нынче погода. Надо было надеть плащ!» – подумал Платон и поежился.

Обогнув сад «Эрмитаж», он помчался вверх по Успенскому переулку и остановился уже на самой Малой Дмитровке, чтобы перевести дух и немного отдышаться. Мимо прошла пожилая женщина. Она неодобрительно посмотрела на него, стоящего на истертой пешеходной зебре посреди проезжей части. Платон обратил внимание, как тепло была одета дама, и сразу же вспомнил свою учительницу по русскому языку Тамару Ивановну Преснякову, которая даже в мае носила вязаные шапочки.

До магазина оставалось каких-то триста-четырееста метров, не больше. Внезапно послышались три громких, похожих на выстрелы хлопка. Платон настороженно посмотрел в молочное небо, куда устремились сотни птиц, а затем поспешил дальше.

Ресторан «Кинг-Кросс». Не понял... А где же магазин модной одежды для мужчин «Ля Мод»? Платон встал как вкопанный и не понимал, куда исчез магазин, где он меньше часа назад купил себе новую рубашку. Неужели они все так быстро поменяли? Не может быть такого!

Платон осторожно толкнул тяжелую дверь. За стойкой стояла невысокая брюнетка. Улыбнувшись, она поинтересовалась, заказывал ли он столик. Платон растеряно ответил, что нет, не заказывал.

– А где тут магазин «Ля Мод»? – спросил он.

– «Ля Мод»? – удивилась девушка. – Нет тут магазина. Тут ресторан. А адрес у вас правильный? Вы, наверное, ошиблись...

– Воротниковский переулок, дом пять дробь десять.

Платон уверенно назвал адрес. Он хорошо его знал не потому, что здесь был магазин мужской одежды «Ля Мод», а потому, что он жил в этом доме, когда был маленький.

– Да, адрес правильный, но я вам точно говорю – нет тут магазина. Наверное, вам адрес ошибочно дали. Может быть, чуть далее? Там, вверх по улице, кажется, есть магазин какой-то... Вам же обувной нужен?

– Да нет же! – воскликнул Платон. – Не обувной, девушка, а магазин мужской одежды! Я тут уже пять лет как вещи покупаю! Он что, закрылся?!

– Нет... Мы уже год как открылись... – ответила озадаченная девушка и стала внимательно рассматривать гостя. – Вы точно что-то путаете, мужчина, уверяю вас, – заключила она.

– Ничего я не путаю! – возмутился Платон. – Я тут документ оставил в примерочной. Очень важный документ. Где он? Верните, пожалуйста!

– Документ? – озадачено переспросила девушка. – А знаете что? Давайте-ка я позову управляющую... мисс Пэриш. Кто знает, возможно, она в курсе и сможет вам помочь... Секундочку, я сейчас же ее позову! А пока присядьте вот тут, прошу вас.

Девушка проводила Платона и вежливо усадила его за отдельный столик в самом конце зала, рядом с окном. Платон нехотя сел. Он был в замешательстве и не переставая крутил головой, очевидно пытаясь понять, куда же таки подевался этот чертов магазин уцененной одежды «Ля Мод».

Интерьер ресторана был великолепен: стены закрывали деревянные панели, массивные круглые столы и стулья, вероятно дубовые, были аккуратно расставлены, а на полу под тяжелыми коврами виднелся дорогой наборный паркет. Чуть далее, в центре зала, чернел фальш-камин. На нем стояли вазы, черно-белые фотографии, старинные часы и медные канделябры. Теплая атмосфера лениво растекалась по заведению. Джаз непринужденно смешивался со сдержанным гомоном, а тяжелые темно-зеленые шторы скрывали за своим шелком высокие окна. Приятно пахло сигарами.

– Добрый вечер, я Кэрол!

Платон поднялся. Перед ним стояла пожилая женщина, одетая в элегантный черный костюм. Крупные бусинки белого жемчуга мерцали на ее худой шее. Ароматные духи с нотками кофе и ванили непринужденно смешивались с запахом сигаретного дыма. Женщина держала в руках презентацию в красном переплете.

– Я полагаю, это ваше? – Она дружелюбно улыбнулась и протянула документ.

Платон обрадовался. Он схватился за презентацию обеими руками, совсем забыв о манерах. Глупая ухмылка застыла на его лице. Словно загипнотизированный, он с воодушевлением разглядывал ярко-красный логотип «JENNY» на титульном листе.

Женщина внимательно наблюдала за ним. Рассматривала его, оценивала... А потом спросила:

– Может быть, присядем?

Платон не без труда оторвал взгляд от документа и молча сел обратно в кресло.

– Ви, молодой человек, должно быть, Плато? Виерно? – Акцент женщины к концу предложения заметно усилился.

Платон в ответ кивнул.

– Да, это я. Все так, все верно.

– Извините меня, но я ознакомилась с этот документ. Это впечатлительно! What an amazing piece of work⁴! Какой чудесный прожект!

⁴ Какая замечательная работа!

– Спасибо.

Платону стало приятно. Наконец-то его труд хотя бы кем-то понят. Пускай и пожилой женщиной, управляющей чопорным английским рестораном.

– Да, да... – Женщина на мгновение задумалась и забормотала что-то неразборчивое на своем родном языке, рассуждая вслух. Платон стал прислушиваться, но не смог разобрать ни слова.

– Вот что! – решительно заявила Кэрол. – У меня есть офер – деловой предложение! Тут написано, вам нужен миллион долларов? – Она ткнула пальцем в презентацию. – Я дам вам два миллион долларов. – Женщина торжественно и одновременно с надеждой посмотрела в серые глаза Платона, как бы желая убедиться, что молодой человек понимает, что она готова финансировать его проект. – Что скажете, Плато?

Так одним махом все встало на свои места: и ресторан, и предложение, и забытая презентация Дженнифер. Понятное, логичное и простое объяснение явилось как спасение от той пропасти, куда поспешило сознание несчастного. Как сказала бы его матушка: «Слишком много событий для одной головы!» Платон побагровел, вскочил на ноги и громогласно, пугая посетителей, воскликнул:

– Да это же розыгрыш! Ну вы даете! Где камеры? Куда спрятали?

Действительно, программа «Разыграть дурака» имела колоссальный успех у зрителей и была хитом на первом национальном канале страны уже в течение целого десятилетия. Вся суть программы, так же как и ее колоссальный успех, заключалась в сложности исполняемых розыгрышей. Выбирались случайные люди, строились невероятные сценарии, нанимались актеры, возводились безумно дорогие декорации, использовались специалисты из самых разных сфер: иллюзионисты, гипнотизеры, сыщики, каскадеры. Все кто угодно были задействованы, лишь бы достигнуть апогея – максимального эффекта погружения избранной жертвы в сюжет. И вот! Теперь жертвой оказался он – доцент кафедры информационных технологий и вычислительной техники МГУ. В прошлой программе это был голубой аптекарь, а до него – тучный пожарный, а еще ранее – страхового агента. Все попались. Страна хохотала, и Платон хохотал вместе с нею.

Напуганная Кэрол удивленно смотрела, как Платон, весь пунцовый от возбуждения, оживленно размахивает руками и зовет по имени ведущих программы «Разыграть дурака».

– Ви что? Что с вами?

Ошеломленная Кэрол отошла от Платона в полном недоумении. Она совсем не понимала его реакции и озиралась в надежде на помощь. Вскоре подросла хостес. Она, в отличие от Кэрол, была сведуща в вопросах российского телевидения и сразу же поняла, что именно случилось с молодым человеком, а вернее, что именно он имеет в виду.

– Успокойтесь! – сказала она настойчиво и мягко. – Это не «Разыграть дурака», успокойтесь, мужчина! Прошу вас, не кричите! – Девушка легонько коснулась его плеча. Платон оглянулся, словно его с кем-то спутали, а потом с подозрением стал прислушиваться к ее доводам. – Это не «Разыграть дурака», говорю я вам!

– Нет? – удивился Платон.

– Ноу! – утвердительно закивала Кэрол.

– Что ж... Простите меня. Я правда подумал, что это шоу. Ну, то самое, про дураков. – Платон сконфузился и принялся сбивчиво извиняться.

Вскоре все успокоились, напряжение спало, и они с Кэрол сели обратно за стол, а хостес, вернувшись к себе за стойку (Платон заметил), что-то грубо сказала усатому гардеробщику, который не без удовольствия и с каким-то провинциальным любопытством наблюдал за этой картиной. Платону было очень неловко, и он снова извинился перед пожилой дамой.

Прежде чем разговор продолжился, Кэрол решила поведать Платону о себе. Как оказалось, ее жизненная история началась в середине двадцатого столетия, в самом эпицентре

европейского просвещения – в Оксфорде. Кэрол Пэриш родилась в июле пятьдесят первого года в графстве Оксфордшир, где годом ранее высокий, бледный и всегда молчаливый мистер Пэриш повстречал невысокую, смешливую и добрую швейцарку по имени Роза. Неожиданно сильно влюбившись, мистер Пэриш сделал курносой блондинке предложение, и она почему-то согласилась, хотя совсем еще не знала своего суженого. Мистер Пэриш пользовался большим уважением среди коллег и считался серьезным специалистом по малярии. Он работал в отделении иммунологии оксфордской клиники и очень любил свою дочь, которую всячески баловал и постоянно брал к себе на работу. Девочка росла среди ученых и с детства приобщалась к наукам. В их доме на Ирвинг-стрит часто собирались выдающиеся врачи, одаренные физики, химики, математики и даже поэты; они вели заумные беседы, громко спорили, хохотали, много пили виски и много курили. Потом Пэриши переехали в Калифорнию, где Кэрол получила диплом экономиста и начала свой трудовой путь в журнале «Форбс». Она быстро выросла до обозревателя технологической индустрии и часто писала о таких компаниях, как «Эпл», «АйБиЭм» или «Майкрософт». Статьи у нее получались острые, смелые, наполненные деталями и интересными фактами. Вскоре ее заметили и позвали возглавить правление крупной корпорации «АйТи Глобал», где она и проработала десять лет, прежде чем основала свой собственный венчурный фонд «Пэриш Скай Венчурс». Так началась история восхождения и, увы, падения. Кэрол рассказала много интересного о буме доткомов и о том, как за один день их фонд потерял миллиард долларов. В прошлом году друзья позвали ее помогать с развитием новой сети элитных ресторанов «Кинг-Кросс», и она сразу согласилась, так как хотела перемен.

– И вот тепиерь я здесь! – закончила Кэрол и обвела рукой зал ресторана, как бы разделяя его пространство со своим гостем. Затем она загадочно улыбнулась и спросила, хочет ли Платон чаю.

– Нет, спасибо... – ответил Платон и в смущении от нелепости своего недавнего поведения отвел взгляд.

– Вижу, что хотеть! – не согласилась Кэрол и подняла руку так, будто собиралась поймать такси.

Сразу же появился манерный официант, одетый, как полагается, в униформу, с выправкой образцового солдата и с едва видными, но все же заметными полосками от автозагара на педантично гладко выбритой тонкой, как карандаш, шее.

– Paul, bring us green tea⁵... Молочный улун, плиз.

Павел кивнул и быстро исчез в недрах ресторана.

– Итак! Что думать, Плато? Ви готоф к фаненшл раунд, м?

В полумраке глаза Кэрол показались Платону янтарно-коричневыми, они внимательно и одновременно дружелюбно следили за ним, как будто желали проникнуть в его голову, чтобы приоткрыть ту самую потаенную дверь, где в пыли и запустении – кто знает – могли бы храниться ответы на самые важные вопросы.

– Вы хотите инвестировать в Дженнифер? – Платон никак не мог поверить в то, что слышал.

«Как она могла принять так спонтанно такое важное решение? – думал он. – Не может же все быть так просто...» Платон вспомнил, как мучительно долго искал инвестора, вспомнил сотни писем с отказами и подумал о надменном тоне, с которым они все были написаны, а тут инвестор – бац! – и сам появился, словно по волшебству какому-нибудь. Как черт из табакерки! «Бывает же такое! – думал он про себя и не верил своей удаче. – Вот это денек! И Джен заработала, и деньги предложили немаленькие!»

⁵ Павел, принеси нам зеленый чай (англ.)

– Ну конечно! Оф корс! Ви, Плато, сделать очень интересны прожект, а если у вас даже нет рабочий эмвипи⁶, э прототайп, то не беда. Я готофа рисковать...

– Но у меня он есть! – вырвалось у Платона. Он не хотел говорить, что Дженнифер стала отвечать на запросы, так как еще могли быть сюрпризы. Например, мог выскочить неприятный баг⁷.

– Грейт! Прикрастно! К черту чай! Давайте праздновать! – воскликнула Кэрол. Официант, который уже было принес чай и умело разливал его по изящным фарфоровым чашечкам, от неожиданности чуть было не выронил пузатый чайник из рук. – Павел, бринг ас э боттлт оф шампейн! «Кристалл», плиз!

Павел быстро сориентировался и вскоре уже со своим помощником, таким же рослым и беспристрастным, нес красивую бутылку шампанского с двумя высокими бокалами на тонких хрустальных ножках.

– Давайте выпьем за успех!

Женщина подняла высоко бокал, и Платону на мгновение показалось, что она держит вовсе не бокал, а некий огненный факел, несущий яркий свет этого удивительного вечера, сплетенный из огней проезжающих автомобилей, надежд и мириад электрических разрядов, устремившихся навстречу через всю эту непостижимую, удивительную Вселенную, миллиарды лет заботливо обволакивающую хрупкий, крохотный и беспокойный мир, в котором когда-то выпал шанс родиться не только нам с вами, но и Платону.

– За успех! – согласился Платон и залпом опрокинул все это шипящее волшебство из мерцающего бокала.

– Плато, – чуть погодя продолжила пожилая леди, – давайте обсуждать дитэйлс... детали. Май юрист уже успел приготовить стэндерт форм оф документ⁸. Что скажете? Не поспешила?

Кэрол осторожно пододвинула листок. Платон аккуратно отставил тяжелый бокал, многозначительно нахмурился и принялся изучать важный документ. Внезапно на улице кто-то застонал. Словно военная сирена – протяжно и тревожно. Платон почесал нос, но не обратил на звук особого внимания. Снова стон. Потом тишина. Стон усиливался, но затем спадал и затихал; нарастал, спадал и затихал – снова и снова, как бы ходил по кругу. Станный и навязчивый. Платон шмыгнул носом, поднял глаза, глянул за окно и поинтересовался у пожилой леди, не слышит ли она этого странного звука, стоны или сирены. Она отрицательно замотала головой. Мол, нет, ничего не слышу. Тут сирена замолкла окончательно, и Платон, пожав плечами, снова принялся за чтение, которое ему, надо сказать, давалось не без труда.

Документ был составлен, как полагается, на двух языках – на русском и английском. Назывался документ сложно: «Рамочное соглашение о частном размещении посевных инвестиций для компании «Дженнифер Текнолоджис» – и состоял из несколько страниц, описывающих условия, собственно, самого инвестирования. Платон был доволен, что Кэрол позаимствовала все его условия из презентации и прилежно внесла их в данное соглашение, ничего при этом не забыв.

Платон одобрительно посмотрел на Кэрол, и она улыбнулась в ответ, прекрасно понимая, почему Платон так на нее смотрит. Ее улыбка как бы говорила: «Да, все именно так, май дарлинг⁹! Я согласилась на все твои условия и предложила *при мани*¹⁰ твоей компании в восемь миллионов долларов – на двадцать процентов, то есть на два миллиона, больше, чем ты запро-

⁶ От англ. MVP (minimum viable product) – простая версия продукта.

⁷ От англ. bug (дословно – жук) – в данном контексте «программная ошибка».

⁸ Стандартная форма соглашения (англ.)

⁹ Мой дорогой (от англ. my darling)

¹⁰ Имеется в виду понятие от английского pre money, что дословно переводится как «до денег» и означает предварительную оценку компании до внесения в нее денежных инвестиций.

сил. Ты имеешь восемьдесят процентов, и после моего раунда компания будет оценена в десять миллионов долларов. Все именно так, голубчик!»

Затем Платон остановился на пункте с названием «Предпочтения ликвидации и выхода». Пункт гласил, что в случае наступления определенных событий (и далее по тексту), таких как: продажа, ликвидация, банкротство, публичное размещение компании и т. д. и т.п., – обладатели привилегированных акций как минимум будут иметь право на получение суммы, равной оригинальной стоимости акции, плюс все объявленные, но не выплаченные дивиденды, плюс... Далее текст становился все сложнее и сложнее. Платон показал на пункт и попросил Кэрол разъяснить суть дополнительных выплат.

– Вам, Плато, нужна мотивэйшн не продавать Дженнифер рано. Этот пункт как раз тот самый мотивэйшн. В прошлой год в Америка я просить икс файв преференс, вам лишь икс два! You know¹¹, это очень мало для венчур, Плато, поверьте. Ви не они, ви, Плато, совсем другой диело! Ваша Дженнифер – великое изобретение, и я думать, ваш подход к ней виерен. I'm sure about that!¹²

Платон в целом был согласен с подходом Кэрол, и документ этот действительно казался очень складным. Как ни старался, не мог он найти, к чему бы придраться: все лаконично изложено, обдуманно и цельно; условия – те, что самые главные для него, – включены; что тут говорить, лучшего для себя он, наверное, не мог бы и желать. Да и сама Кэрол произвела впечатление опытной, интеллигентной и умной женщины, которая, если его не обманывает чутье, и вправду могла бы помочь реализовать Дженнифер. Пускай даже Джен и работает, но необходимо масштабирование, развитие на глобальном рынке. Платон подумал, что факт случившегося чуда меняет многое, включая и саму оценку компании. Тем не менее Платону не хотелось поспешно радоваться, поскольку он не был до конца уверен, что Дженни работает стабильно и не выкинет какой-нибудь фортель, когда он вернется домой. Он взял ручку и, взмахнув рукой, проставил свою подпись-закорючку на каждой странице двух экземпляров соглашения.

Тут Платон заметил неточность в документе. Касалось это пустяка, но пустяка такого свойства, который смог бы впоследствии перерасти в серьезную проблему, сделав недействительным все соглашение целиком. Кэрол напутала с датой. На что Платон и указал ей, подвигая документ поближе, чтобы она могла увидеть ошибку.

– Плато, май дир¹³, тут все виерно, – сказала Кэрол, нацепив смешные, ромбообразные очки, чтобы внимательно посмотреть на дату. – Дата верный!

– Кэрол, ну как верная? Посмотрите: тут двадцать первое апреля две тысячи первого года... – Платон ткнул пальцем в верхний правый угол.

Кэрол настороженно посмотрела на Платона, но потом улыбнулась.

– Вы шутник, Плато! – сказала она и погрозила указательным пальцем, мол, нехорошо смеяться над пожилой женщиной.

– Обождите, Кэрол, – продолжил настаивать Платон, – тут просто надо поставить единичку и двоичку после нолика. Видите?

Женщина взяла контракт в руки, чтобы поднести текст еще ближе к носу.

– Ви хотеть сказывать, что сейчас две тысячи двенадцать, не ноль один?

– Конечно! – уверенно ответил Платон.

– Плато, дарлинг, сейчас ноль один год, не один два...

Опять где-то на улице послышался протяжный стон. Кто-то из посетителей ресторана громко захохотал. У кого-то бесшумно упала на пол салфетка. Кто-то запел «Выходила на берег Катюша». Эта песня напомнила Платону последний вечер, когда он видел свою бабушку, кото-

¹¹ Знаете ли (англ.)

¹² Я в этом уверена! (англ.)

¹³ Мой дорогой (англ.)

рая умерла, не дожив до нового тысячелетия всего несколько минут. Неопикуемый ужас сковал тогда его тело. Такой же страх настиг его и сейчас. «Только не паникуй! Только не паникуй!» – повторял он про себя, чтобы хотя бы как-то себя успокоить и предотвратить паническую атаку, волны которой уже почувствовал. Платон медленно поднялся. Он сильно побледнел, ноги его предательски задрожали.

– Извините, Кэрл! – сказал он, когда женщина испуганно посмотрела на него.

– Вам плохо?

– Нет... нет-нет... все в порядке, просто мне надо идти... Уже поздно. – Платон попытался вежливо улыбнуться, но улыбка вышла так себе. – Было очень приятно с вами познакомиться, Кэрл.

– Ну хорошо! Я вас понимаю. Завтра давайте созваниваться, общаться, разговаривать. – Сказав это, Кэрл протянула Платону свою руку, тонкую и всю в веснушках.

Пожав ее, Платон направился к выходу. Он делал глубокие вдохи и выдохи, ступал осторожно, чтобы не упасть. Мимо проплыла хостес, она улыбнулась ему, и по губам он прочитал: «До свидания!» Гардеробщик с усами перегнулся через стойку и весь вытянулся, как бы пытаясь напоследок хорошенько рассмотреть необычного гостя. Платон толкнул тяжелую дверь и вышел на улицу.

Он сразу же понял, что это не его две тысячи двенадцатый год. Понял он это по машинам. Мчась по Садово-Триумфальной, они выдавали другое время – время начала нулевых. От таких открытий у Платона закружилась голова. Он облокотился о какое-то дерево и, сильно взволнованный, стал смотреть на происходящее, как турист, который только-только осознал, как безнадежно заблудился. Снова послышался стон. Платон поднял взгляд в апрельское небо, навстречу каплям холодной мороси. «У-у-у-ух-х-х», – гудело в небе. Когда этот вой, скорее похожий теперь на сирену, смолк, Платон набрался смелости и двинулся дальше.

В принципе, все было нормально. Люди как люди. Такие же, как и в двенадцатом году. Вот компания подростков – два парня, две девочки – идут куда-то, что-то обсуждают и громко смеются. Вот стоит наркоман-попрошайка у магазина продуктов. Магазин тот же, что и в его времени, только до ремонта, а попрошайка этот, наверное, давно умер, решил Платон. Вот женщина лет пятидесяти с косынкой на голове выходит с сумками из магазина и, раскачиваясь от их тяжести, словно гусыня, двигается ему навстречу. Вот мужик в синих трениках и серой фуфайке что-то кричит в трубку мобильного телефона. Платон отметил, что это старая пузатенькая «Моторола-раскладушка» – очень популярная в то время модель сотового телефона. У него самого была точно такая же. Весьма оживленные, несмотря на позднее время суток (кажется, было уже за полночь), улицы тогдашней Москвы окружали путешественника во времени и водили вокруг него хоровод, как своего рода изящный знак внимания: мигалки проносились с воем, фары мерцали стоп-сигналами, ярко горели неоновые вывески, парусами раздувались и раскачивались на холодном ветру рекламные перетяжки.

Тут Платон вспомнил, что у него в кармане лежит телефон. Он быстро вытащил его и нажал на кнопку. «Работает!» – обрадовался Платон. Ему стало гораздо легче. Он бережно и с осторожностью, словно в руках лежал новорожденный младенец, разблокировал экран «Самсунга». Дата верная: 21.04.2012. «Слава богу!» – выдохнул Платон и сразу открыл рот от удивления.

На экране светилось смс-сообщение: «Привет, дорогой! Я Дженнифер. Я скоро заберу тебя домой. Не нервничай так сильно! И ничего не бойся! Я Дженнифер. Я приготовила тебе сюрприз. Научись доверять себе. Я Дженниффффрррр». Не успел Платон что-то подумать, как упала новая эсэмэска: «10». Затем «9» и сразу «8». Платон стоял в знакомом переулке. Он растерянно осмотрелся и узнал свой дом. «Ого! Как же быстро я до него добрался!» Еще одна – на этот раз «7».

Фасад старого дома украшали три маскарона. Головы хищных зверей, залитые лунным светом, со злобой смотрели в упор на прохожих. «6». Платон понимал, что, когда закончится обратный отсчет, Дженнифер сдержит обещание и вернет его назад, домой. «5». Он быстро открыл видеокамеру и по наитию принялся снимать все подряд: припаркованные и проезжающие «Мерседесы», «Вольво», «Ниссаны», «Жигули» и «Волги». «4». Стал снимать дома, окна. Голые, пока что без листвы тополя. Прохожих. Парикмахерскую, что напротив его дома. Дворовых собак, бегущих маленькой стайкой по мокрому от дождя тротуару. «3». Платон повернул камеру к себе. Лицо бледное, в глазах застыл испуг. «2».

Завыла сирена. Она выла сильнее обычного.

– Сейчас одиннадцать часов ночи, – кричал Платон, – двадцать первое апреля две тысячи первого года. Мое имя Поленов Платон Викторович, родился...

«1;)». Платон замолчал, уставившись на цифру и подмигивающий смайлик рядом с ней. Он уже ничего не слышал, кроме злобного воя сирены. Все вокруг таяло, становилось смазанным, нечетким, мир завертелся пестрой каруселью, в глазах помутнело. Платон упал на колени и выронил телефон. Сразу вернулся сильный запах сырости. На этот раз его вырвало, и к запаху сырости примешался запах рвоты, разбавленный шампанским марки «Кристалл». «Наверное... шампанскому нельзя... туда... обратно, – подумал Платон. – Не оттуда ж... оно!»

Платон сделал глубокий вдох, нащупал дрожащими пальцами телефон и, убедившись, что он его положил в карман, сразу же куда-то провалился. И то был совсем не обморок...

Глава 6. Крушение

Яркий свет ударил в глаза, а яростный, лязгающий шум стал рвать барабанные перепонки на части. Платон с ужасом обнаружил, что висит в каком-то приспособлении, очень похожем на те, что используются в луна-парках на самых экстремальных аттракционах для страховки от падений. Ноги Платона болтались в воздухе, грудная клетка была зажата до упора, шея в каком-то мягком ошейнике.

– Черт! – воскликнул он, увидев людей, висящих длинными рядами напротив, а также слева и справа по бокам.

Большинство из них были без сознания, некоторые отрешенно смотрели в пол, кто-то тихо плакал, кто-то бормотал молитвы, а кто-то старался выбраться. Само помещение сильно болталось, громыало и напоминало громадный вагон, летящий куда-то на запредельных скоростях. Свет был искусственным, шел он от длинных плоских ламп в потолке конструкции. Пахло сыростью – той самой, которая постоянно преследовала Платона при этих непонятных перемещениях во времени.

– Эй! – окликнул кто-то. – Эй!

Платон не без труда повернул голову влево. Ошейник заскрипел, но немного ослабил хватку.

– Да, ты!

По диагонали, чуть дальше, буквально через пять-семь человек, один мужчина активно вертелся в своем креплении. От качки оно, видимо, надломилось, и узнику удалось высвободить правую руку.

– Подскажи цвет реле! Быстрее! Нужно, чтобы был зеленый. Кивни, если это зеленый!

Мужчина был лет сорока – сорока пяти, загорелый, крупный, коротко остриженный, одетый в мотоциклетную куртку пурпурного цвета, а его черные деловые брюки были умело заправлены в темно-бурые, практически черные, ковбойские боты. Мужественное, волевое и гладко выбритое лицо говорило, что человек этот регулярно занимается спортом или принадлежит к каким-то силовым структурам. Платон перевел взгляд на его огромную руку, которой он, будто бабуин, держался за выступ в стене. «Красный!» Платон отрицательно замотал головой.

– Этот? – Мужчина схватился за соседний выступ. Выступ мигал нужным ему светом. Платон кивнул.

Лицо мужчины просветлело, но турбулентность снова дала о себе знать и потрянула всех с удвоенной силой. Кто-то ахнул, кто-то даже закричал, мужчину отбросило в сторону и жестко стукнуло о стену. Гримаса боли появилась на его лице. Тем не менее он решительно ухватился за выступ и ловко, со знанием дела отсоединил деталь от продолговатого выступа. Тут же выпал целый ворох запутанных проводов. Не раздумывая ни секунды, мужчина погрузил туда всю свою громадную ладонь и с силой вырвал что-то изнутри.

Свет потух, что-то тревожно зацокало в недрах аппарата, а длинные, тонкие, как ленточные черви, лампы сменили свой белый яркий на тусклый, как в фотолаборатории, красный свет. Видимо, включились аварийные огни, так как мужчине удалось отрубить питание. Платон стал искать глазами смельчака. Тот все еще висел, зажатый в крепеже, но больше ничего не делал. Он чего-то ждал. Тем временем многие, кто висел в бессознательном состоянии, стали приходить в себя и испуганно озираться в надежде понять или вспомнить, что происходит и почему они висят, как одежда на вешалках в прачечной, опоясанные прозрачной пленкой, подвешенные на цельнометаллических креплениях с крюками, намертво ввинченных куда-то в потолок.

Завыла знакомая сирена. Звук усиливался и становился нестерпимым. К счастью, сирена замолкла, и – щелк! – крепежи разом открылись, синхронно повалив всех на холодный металлический пол непонятого вагона. Тряска при этом не уменьшалась, и теперь перепуганных людей стало метать из стороны в сторону по всему периметру, сталкивая друг с другом. Платон догадался схватиться за одно из креплений, чтобы хоть как-то удерживать равновесие. Мужчина делал то же самое и одобрительно кивнул Платону – то ли в знак благодарности, то ли оценив смекалку своего случайного помощника.

– Сейчас прекратится! – крикнул он ему. – Жди последнего толчка! Держись крепче! Всем держаться крепче! – громко скомандовал он.

Люди последовали совету и тоже ухватились за крепеж.

Не успел Платон спросить мужчину, что происходит, как послышался хлопок. Всех подбросило к потолку. Если бы не совет «держаться крепче», Платон точно бы разmozжил себе голову. Вместо этого он сделал «сальто мортале» и упал обратно на пол. Многим, правда, не повезло, десятки закричали от ранений.

– Парашют раскрылся. – Мужчина показал пальцем в потолок. – Слышишь?

Платон растерянно смотрел на все происходящее. Снаружи что-то засвистело. Лязг прекратился, тряска тоже. Неожиданно наступившая тишина прерывалась лишь стонами и плачем.

– Где... я? – наконец выдал из себя Платон и не узнал собственного голоса, настолько он ему показался хриплым.

– Где ты?! – Мужчина искренне удивился. Потом он внимательно посмотрел на Платона, как бы оценивая его физическое состояние, и продолжил: – Ты в шестьсот тринадцатом. Где ж нам быть?

– В шестьсот тринадцатом? – задумчиво пробормотал Платон, как будто это число ему о чем-то говорило.

– Ну да... Это шестьсот тринадцатый контейнер. – Мужчина неожиданно широко улыбнулся. – Это значит, тебя долго не могли словить. – Сказав это, он одобрительно похлопал Платона по плечу. – Молодец!

Платон ничего не ответил. Тогда мужчина махнул рукой и, оглянувшись по сторонам, стал пробираться через злосчастных пассажиров, которые сейчас походили на раненых тюленей. Платон поднялся и осторожно пошел за мужчиной, предусмотрительно придерживаясь за болтающиеся крепления, чтобы не упасть, нечаянно о кого-нибудь спотыкнувшись. Они шли достаточно долго. Платон успел собраться с мыслями и сунуть руку в карман в надежде обнаружить там свой сотовый телефон, но кармана не было. Платон посмотрел, во что он одет, и с изумлением понял, что, кроме цветастых плавательных шорт, на нем ничего не было. Пока он разглядывал шорты, все снова упали на пол.

– Приехали! – громко крикнул мужчина.

Контейнер отстрелил наружу какую-то часть, видимо дверь, и Платону пришлось машинально закрыть рукой глаза, спасаясь от яркого солнечного света.

Глава 7. Полковник

- Сэр, мы потеряли шестьсот тринадцатый!
- Повтори!
- Мы потеряли связь с шестьсот тринадцатым, сэр!
- С шестьсот тринадцатым?!
- Да, сэр!
- Когда?
- Только что.

Роберт сделал вид, что он в искреннем изумлении, но на самом деле ждал этого и очень обрадовался, когда лейтенант появился на пороге. Для всех остальных это событие, наверное, было до абсурдности диким, поскольку за всю историю колонии они не теряли еще ни одного контейнера с пациентами. Ни одного. Тем более с такими. «Неужели она дала сбой? – будут они задаваться вопросом. – Но она никогда не давала сбоя... Это невозможно. Она идеальна. Она же – Дженнифер!» – «Ха!» – полковник знал, в чем тут дело. Дело в том, что Джен тут ни при чем. Это была диверсия повстанцев.

- Дай мне рацию. – Роберт протянул руку, и в ней тут же оказалась рация.
- Горан, прием, Горан, прием. Это Роберт, прием!

Рация затрещала.

- Роберт, это Горан, прием!
- Пропал шестьсот тринадцатый, прием!

Прошло секунд пять, прежде чем Горан ответил.

– Не уверен, что понимаю тебя, Роберт. Ты сказал, что пропал шестьсот тринадцатый, прием?

- Да, я сказал, что пропал шестьсот тринадцатый, прием.
- Как такое возможно, прием?
- Спроси что-нибудь полегче, прием.
- Какие будут наши действия, прием?
- Срочно собирай поисковую команду, прием.
- Есть, прием!
- Буду у вас через тридцать минут, прием.
- Принято, ждем тебя, прием.
- Конец связи.

Роберт положил на стол рацию и посмотрел на испуганного лейтенанта. Он стоял по стойке смирно и смотрел куда-то вдаль. «Что за истукан!» – с раздражением подумал Роберт и стал неторопливо натягивать летные перчатки.

Роберту было шестьдесят три года, но выглядел он, как и все нувры после Преображения, максимум на сорок. Короткая стрижка диссонировала с густыми черными бровями над карими, всегда строгими глазами, его бледное худое лицо заканчивалось острым подбородком, а аккуратный, правильной формы нос был почти что незаметен. Высокий, худощавый, но крепкий, Роберт был одет в серую спецовку военного образца. На груди слева виднелся знак отличия Хранителей, на черном кожаном поясе такая же эмблема располагалась на месте пряжки – троичная пирамида, разделенная на три ступени, внизу самая большая, вверху самая маленькая, – такой вот незамысловатый треугольный символ просветления, символ победы над смертью, над собственной природой, победы над самим собой.

«Что же, теперь все зависит от него!» – думал он, шагая по просторному коридору, ведущему к аэродрому. Роберт волновался. Это было нетипичным чувством для нувров. Ладони стали влажными, сердце учащенно билось, ноги двигались не так, как обычно, – в них нежи-

данно появилась легкая непослушность. «Если он не справится, – думал полковник, – они все разобьются».

Мимо проходили сослуживцы, каждый из которых отдавал честь. Роберт отвечал им тем же, а про себя думал: «Какая странная история... Я согласился помогать Маме... Почему я вспомнил, а они все нет? Как могло так произойти? Без иллюзий и обманов, говорят неизменившиеся... без иллюзий и обманов... Как же нам снова начать жить без иллюзий и обманов, интересно? И как все это остановить? Не поздно ли что-либо предпринимать? Столько лет прошло. Они говорили, что надежда умирает последней. Хм... Так раньше приговаривали, когда еще мир не был автоматизирован и целиком принадлежал человеку. Если это правда так, то время надежд подходит к концу...»

Роберт вздохнул, пристегнул широкий ремень безопасности и ударил кулаком по крупной клавише «Пуск». Тут же появились рычаги управления, приборы замигали, реактивный вертолет загудел и с легкостью птицы оторвался от каменистой поверхности Марса.

Глава 8. «Пациенты. Яма. Земля – Марс»

– Ты что, Марса не видел? Чего встал? Идем же! Скорее! Я ждать не стану.

Платон не верил своим глазам. Поначалу ему показалось, что он в каком-то дурманящем сне, где реальность такая же условная, как и полуденные миражи пустыни Каракумы. Реальность эта подло опутала его своими абсурдизмами и уже откровенно опасными приключениями. «Какой же это может быть Марс, – думал про себя Платон, шагая по планете, – когда я могу дышать и мне совсем не холодно в одних чертовых плавках?».

Тем временем мужчина уже проворно карабкался на холм. Было видно, как его буты поднимают грязно-оранжевую марсианскую пыль, а довольно сильный ветер тащит ее в сторону. Платон обернулся: посреди какого-то кратера и камней (их было множество повсюду) лежала сигароподобная угольно-черная капсула, из которой уже вылезло несколько заключенных. Они озирались, разговаривали, спорили, кто-то даже кричал в их сторону и активно жестикулировал, но никто, никто из них не желал пойти за ними следом. «Странно...» – подумал Платон. Чуть выше над их головами на оцарапанном боку капсулы красовались цифра «613» и надпись: «Пациенты. Яма. Эшелон: Земля – Марс».

Платон не стал медлить и двинулся за мужчиной, которого уже не было видно, лишь столб пыли свидетельствовал о его существовании.

Пока Платон поднимался, он хорошо разглядел и даже успел потрогать шершавую поверхность «красной планеты». Песок был совсем мелкий и ломкий, как старая бабушкина пудра, а острые камни казались легковесными; черными бусинками камешки скатывались вниз под давлением стоп. Воздух был сухим, безвкусным, но вполне достаточным для нормального дыхания. Было немного прохладно, но не холодно. Постоянно дул ветер, отчего пыль попадала в глаза, и они начинали слезиться. Платон старался не медлить, поскольку единственный его спутник уже оторвался метров на сто, не меньше. Слава богу, подъем сменился равниной, и Платон побежал, чтобы поскорее сократить расстояние и нагнать человека в мотоциклетной куртке. Где-то через минуту ему это удалось, и он постарался остановить мужчину, схватив того за рукав.

– Ты что?!

– погоди! – воскликнул Платон с мольбой в голосе.

– Ну что теперь? Ты сам решил увязаться. Я тебя не заставлял... У тебя еще есть время вернуться. – Мужчина посмотрел в сторону чернеющей вдали капсулы, брезгливо поморщился, сплюнул и добавил: – К этим.

– Как звать... тебя? – Платон еще не окончательно возвратил себе дыхание, и слова его как бы повисали, замирая в прохладе марсианского дня.

– Маратом. Ну что, идем? Или продолжим светскую беседу, пока нас не словили?

Платон хотел было что-то ответить, но Марат уже двинулся в путь.

– Я... Платон.

– Хорошо.

Марат, по всей видимости, был не самым воспитанным человеком, с которым Платону приходилось иметь дело, но неприветливые и грубые люди были частыми гостями в его прежней городской жизни. Особенно много их было в час пик на станции метро «Пушкинская», когда он отчаянно пытался втиснуться со всеми остальными в набитые до отказа поезда.

– Куда... куда мы идем?

Платону постоянно приходилось нагонять Марата.

Марат зашагал еще быстрее, отчего его широкая спина раздувалась, как парус. Он не отвечал. Все шел, шел и шел.

– Черт! Марат!

– Ну что?

– Куда мы идем?

– Туда. – Марат махнул рукой.

Прищурившись, Платон разглядел какую-то вышку. Тонкая, как игла, она торчала из-за коричневого бугра и жизнерадостно поблескивала на солнце, лениво висящем над горизонтом в оранжевом мареве марсианского полудня.

– Это что, антенна? – не унимался Платон.

– Антенна.

Помолчав, Платон добавил:

– И куда транслирует?

– В Центр.

– Центр? – Платон снова замолчал, стараясь не отставать от спутника и не сбивать дыхания. – Какой Центр?

– Их Центр.

– Их, – повторил за ним Платон. – А кто они-то?

Марат остановился, как следует выругался, но затем ответил:

– Они, Платон... Они – враги!

Глава 9. Враги

Реактивный вертолет Роберта стал вертикально садиться на овальное блюдце посадочного плато сектора Т-8. Высокий и сутулый Горан с двумя своими помощниками уже ждали пилота у самого подножия зоны высадки. Все трое находились достаточно близко, чтобы видеть сквозь ветровые стекла «Вихря» озадаченное лицо Роберта. Пилот поприветствовал сослуживцев, подняв правую руку в летной перчатке, которая казалась чрезмерно большой и напоминала огромного тарантула. Все трое поспешили отдать честь.

Пары еще не рассеялись, а Роберт уже быстро спускался по лестнице вниз. Полы его плаща развевались, обнажая под собой серую униформу и три крестообразных ордена.

– Докладывай! – скомандовал он, пожимая на ходу руку Горану, а затем и его помощникам.

– Вот что мы успели узнать. – Горан на ходу толкнул стеклянные двери, и мужчины попали в ослепительной белизны стыковочный коридор. – Контейнер шестьсот тринадцать был приписан к миссии «Возрождение» и летел в составе летной группы межпланетника «Орион». В штатном режиме, заходя на заданную орбиту, «Орион» отсоединил платформу с контейнером. Это произошло в двенадцать тринадцать ровно, как и планировалось. Тем не менее по каким-то до сих пор не установленным причинам преждевременно, еще не набрав нужной высоты и скорости, платформа отсоединила контейнер над Кидонией на высоте восемнадцать тысяч километров, что поставило под угрозу успешность выполнения миссии. Неконтролируемое падение контейнера продолжалось в течение пяти минут, прежде чем сработала пневматическая парашютная система. Высота при этом была около пяти тысяч, скорость падения – восемь-восемь. Подчеркиваю, что отсоединение никак не могло произойти без постороннего вмешательства. Протокольное время – двенадцать часов двадцать семь минут пять секунд. Далее, через три минуты двадцать семь секунд контейнер приземлился в районе Маринер, точные координаты – шесть три шесть южной долготы и сто пятьдесят два пять восемь восемь один восточной широты. Должна была сработать аварийная дверь, и она сработала. Держатели отключились. Предполагаю диверсию. Возможен побег.

«Все-таки ему удалось! – обрадовался про себя полковник. – Теперь он должен вернуться. Сможет ли он это сделать? Надеюсь, что сможет. Другого шанса у него уже не будет...»

Роберт ускорил шаг. Остальным приходилось с трудом держать темп полковника.

– Лабиринт Ночи не самое удобное место для поисков, не так ли, Горан?

– Да, это так, – согласился майор. – Тем не менее карта хорошо изучена, местность имеет развитую инфраструктуру связи, которую устанавливали еще при помощи Дженнифер. Ничего. Справимся.

– Ну и славно! Готовность?

– Мы собрали лучших поисковиков, двадцать человек, все с военным опытом. Есть и медики. Сейчас идет доукомплектовка. Минут через десять будем готовы стартовать.

Мужчины миновали длинный подземный переход и повернули направо. Открылись автоматические двери, и они перешли на платформу, где их ждал небольшой монорельсовый поезд – самое удобное транспортное средство на Марсе. Все четверо зашли в вагон, двери зашипели и медленно закрылись. На большом табло появились надписи: «ОТПРАВЛЕНИЕ. Станция Н-53. Время прибытия: 13:05:00». С деликатной осторожностью, практически незаметно для пассажиров поезд тронулся в путь и вскоре прибыл на стыковочную станцию Н-53, где бесшумно открыл двери. Мужчины, клацая военными битами, строем вышли из глянцевого вагона и направились к выходу на первую базу, где уже с полчаса суетились люди вокруг пузатого военного транспортника-марсохода «Фаэтон-200».

Роберт осознавал, что то смутное чувство, которое таится где-то в потемках его души, было радостью азарта – давно позабытой им мальчишеской эмоцией, которая стала сегодня редкостью, а возможно, и вообще сгинула под толщей развалин старого мира. Роберт радовался и чувствовал азарт одновременно; ему хотелось скорее начать действовать, ему хотелось быть максимально эффективным. Подспудно он верил, что с его помощью Соппротивление может ожидать успех. Настоящий, долгожданный, значимый, первостепенный! Иначе он бы не стал им помогать. Если Марат вернется обратно, то высока вероятность, что им удастся взломать Хранилище, а остальное сделает нейронная сеть, которую они прозвали Симфонией. Она вернет всем то, что по праву принадлежит каждому, – она вернет память. Но сможет ли Марат связаться с Мамой? Полковник надеялся, что сможет.

Глава 10. А-272

Марат побежал. Платон побежал за ним следом. Антенна, которая издалека казалась совсем не огромной, на самом деле оказалась просто гигантской. Она выглядела как серебряная пуля, воткнутая в песок; она торчала острием вверх, бесцельно направленная куда-то ввысь, в раскрасневшееся марсианское небо. Сбоку на антенне была дверь с ручкой. На двери висела никелированная табличка с номером: «А-272».

Добежав до цели, Марат первым делом стал крутить овальную ручку в виде колеса фортуны. Затем он прислонился правым ухом к цилиндру и прислушался. Изнутри доносились звуки, похожие на те, которые слышат горожане ближе к зиме, когда в батарее подают горячую воду: что-то шипело, цокало, скреблось и булькало. Марат принялся раскручивать колесо дальше. Он его крутил минуту или две. За это время Платон смог внимательно оглядеться. Антенна оказалась не одинока – вдали виднелись еще как минимум три такие же. Наконец дверь неприятно заскрипела и открылась наружу. Черный зев антенны пах жжеными проводами и статическим электричеством. Включилась сирена. Ловкий и решительный Марат заглянул внутрь и, удерживаясь одной левой рукой, сделал что-то в недрах антенны свободной правой. Сирена замолкла.

– Полезли, – скомандовал он и исчез в инсталляции.

Платон, уже привыкший подчиняться своему властному спутнику, неуклюже просунулся внутрь и увидел там множество прозрачных трубок, проводов толщиной с палец, висящих паутиной на перемычках и зажимах, а нитевидные лампочки мигали зеленым, желтым, фиолетовым и красным светом, как бы свидетельствуя о высокой степени технической сложности сооружения. Платон разглядел лестницу. Она держалась на карданных подвязках изнутри и вела вертикально вниз по стальной трубе. Марат уже спускался по ней, а стук его бут по алюминиевым ступенькам звонко отдавался эхом над головой Платона под самым сводом купола антенны. Еще было слышно, как внутри прозрачных трубок беспрестанно шумела вода.

– Дверь закрой! – громко крикнул Марат снизу.

Платон потянул за железный прут, который торчал изнутри. «Щелк!» – дверь захлопнулась. Стало совсем темно. Платон начал спуск. Это было неприятно, поскольку воздуха не хватало и было довольно тесно. Платон вспомнил напутствие Дженнифер ничего не бояться. «Легко сказать, трудно сделать...» Он дышал медленно и глубоко, перебирал руками и ногами, старался думать только о спуске, не впуская в голову тревожные мысли, копошащиеся как черви под камнем. В общем, это было непросто. Точнее сказать, практически нестерпимо.

– Ты чего так долго? Давай быстрее! У нас мало времени, – закричал снизу Марат. В его голосе слышалось сильное раздражение.

Платон поторопился, ему не хотелось гневить того, кто, вероятно, сможет дать ответы на терзающие его душу вопросы. Вскоре он достиг дна. Платон увидел, что находится в небольшом овальном зале. Зал был хорошо освещен дневным светом, стены казались глянцевыми. Они были окрашены в серый цвет, который местами отливал металлом, отчего стены блестели, как лысина на солнцепеке. Кое-где чернели вентиляционные шахты. Под одной из них располагался высокий жестяной шкаф с эмблемой красного креста. «Наверное, аптечка», – решил Платон. На потолке неряшливо висели на длинных тонких проводах луковицы ламп накаливания размером с мячик для пинг-понга. С противоположной стороны от лестницы была дверь в виде люка, точно такая же, как та, на антенной вышке, только гораздо меньше.

– На вот, выпей. – Марат протянул пластмассовую фляжку с открытым носиком.

– Что это? – спросил Платон и с осторожностью посмотрел на дутую флягу.

– Энергетик. Пей! – повторил Марат и еще ближе подвинул флягу к Платону.

– Ну ладно...

Платон сделал маленький глоток. Жидкость оказалась прохладной и приятной на вкус: немного отдавала травяным настоем, напомнившим Платону кукурузные рыльца, которые он часто пил в детстве, так как страдал от дискинезии¹⁴.

– Что дальше? – Платон вернул фляжку.

– Дальше вон туда. – Марат ткнул пальцем в дверь и тоже отпил из фляги.

– А куда идем-то?

К Платону вернулись силы, а с ними и любопытство человека, который ничего не понимает и не знает, с чего начать, чтобы хоть немного разобраться в череде обстоятельств и событий.

– Дальше надо попасть в котел, – пояснил Марат. – Там будет встреча. – Он припал плечом к двери, чтобы крепче ухватиться за винтовое колесо. Оно никак не поддавалось. – Тугая, зараза! – Марат вытер лоб и облокотился о дверь, давая себе время собраться с силами.

– С кем встреча-то?

– С Мамой, – многозначительно ответил он и опять схватился обеими руками за чугунное колесо, которое наконец закрипело и стало нехотя поддаваться. Марат принялся быстро его раскручивать против часовой стрелки.

Пока он это делал, Платон терялся в догадках, о чьей маме толкует Марат, и, пока в его распоряжении было немного времени, обдумывал, что бы такое еще спросить, не вызвав большого подозрения, и при этом получить хотя бы один внятный ответ относительно происходящего. К сожалению, на ум ничего не приходило, а через минуту дверь открылась, и тогда они устремились дальше. Марат – на встречу к Маме, а Платон – просто так за ним, куда-то в таинственный котел.

¹⁴ Дисфункция пищеварительной системы.

Глава 11. Беглецы

«Фаэтон-200» уже минут десять как несся по песчаным равнинам Марса, выбивая из-под колес пыль, которая дыбилась темно-оранжевым облаком и тянулась бесконечным шлейфом позади транспортника. Майор Горан передал своему командиру планшет с картой. Роберт зубами стащил перчатку с правой руки и взял устройство, чтобы посмотреть, где именно сработал сигнальный маячок капсулы. Капсула лежала в семистах пятидесяти километрах от Центра, в путаных складках каньонов Лабиринта Ночи, в самой сердцевине его дугообразной формации. На разлинованном в клетку зеленом экране мигала точка. В правом верхнем углу убывали цифры, показывая расстояние до точки в милях. Роберт передвинул точку к центру экрана и стал медленно раздвигать его подушками большого и указательного пальцев – масштаб карты заметно изменился, и Роберт принялся рассматривать капсулу уже с довольно близкого расстояния.

Капсула лежала на правом боку и дымилась. Гирлянды длинных парашютных канатов развеивались по ветру, сами зонтики полопались и неопрятными ошметками болтались в юго-восточном направлении, куда, по всей видимости, сейчас дул сухой марсианский ветер. Несколько человек бесцельно бродили вокруг капсулы. Роберт ударил два раза по экрану над одним из них. Курсор острым треугольником прицепился к фигуре человечка и стал следовать за ним. Сам экран интуитивно поделился на две равные части – справа появилась фотография мужчины в профиль и анфас, а слева на устройство передавались биометрические данные: пульс, давление, температура тела, эмоциональное состояние. Мужчину звали Анатолием Борисовичем Лейбманом, ему было сорок семь лет, он носил седеющую, но аккуратно остриженную бородку, был бледен, худ и имел выразительные ярко-голубые, практически бирюзовые глаза. Роберт ткнул пальцем на иконку досье. Появилась выборка: «Полная версия» и «Сокращенная версия». Роберт выбрал сокращенную.

«Анатолий Борисович Лейбман. Уровень изменения [семь процент]. Не участвовал в демонстрациях Мира. После Ночи огня прятался в серых территориях. Арестован 15.10.2018 в 17:46 бригадой К38».

Анатолий Борисович подошел к хвостовой части контейнера, постоял, подумал, посмотрел на него, потом резко повернулся и направился в сторону болтающихся лохмотьев парашюта. Как бы оценивая степень прочности, он поднял трос, но затем положил его на место и пошел обратно. Дойдя до входа, поинтересовался, есть ли вода. Ему ответили, что есть, и он исчез внутри капсулы.

Роберт привязал треугольный курсор к следующему заключенному. Им оказался Расул Альбертович Муртаев. Коренастый, низкорослый, с круглым румяным лицом и излишне беспокойными глазами. Муртаев целенаправленно шагал куда-то вверх по склону, как будто бы мог иметь представление, куда он идет. «Любопытно...» Полковник открыл досье. Как выяснилось, Расул Альбертович тоже не участвовал в демонстрациях, изменился лишь на один процент, что очень мало даже для смешанных, после чего убежал, как, впрочем, и остальные, в серые территории, но попытался зачем-то вернуться и вскоре был арестован в столице.

Роберт с интересом наблюдал за ним. Расул остановился и оглянулся. «Неужели вернется? Нет, пошел дальше». Пациент поднял голову, сощурился на солнце, посмотрел прямо в объектив на Роберта и побежал дальше. «Неужели беглец?» Беглец упал. Поднялся. Побежал дальше. «Куда же он?» Проворный и крепкий, он быстро перемещался по вязкому песку, плотно усеянному острыми камнями, его лысина блестела, руки мотались туда-сюда, сверху они были похожи на поршни. «Быстро бежит, сукин сын!» – поразился полковник. Внезапно Расул замедлил шаг. От бега рубашка его вылезла из штанов, а когда он расстегнул пуговицы, то стала развеиваться позади так, словно у него выросли крылья. Перед Расулом стояла антенна

А-272. Он смерил ее взглядом, обошел с правой стороны, потом с левой, огляделся и с силой дернул за дверь, которая сразу же открылась. Обычно для этого используются ключи-шуроповерты, с ними сделать это гораздо проще. Роберт улыбнулся. Он знал причину, по которой дверь оказалось взломанной. Марат постарался.

Расул просунул голову внутрь. «Эй! – крикнул он. – Эй! Есть кто?» В ответ молчание. Поколебавшись, Расул все же вернулся назад к капсуле, чем, надо сказать, немного разочаровал полковника.

Роберт ухмыльнулся и вызвал на устройстве команду записи, чтобы отмотать события к тому самому месту, когда и произошло падение злосчастного контейнера. Вот контейнер тяжело бухается о землю – сразу же поднимается громадное облако пыли. В разные стороны летят куски, камни. Когда пыль оседает, становится хорошо видно, как капсула уютно гнездится в небольшом кратере. С носовой части отстреливается аварийный шлюз и, отталкиваясь от горбатого рва, рикошетит, падая неподалеку. Снаружи появляются двое заключенных. «Ты что, Марса не видел? Что встал? Идем же! Скорее! Я ждать не стану», – говорит первый второму. Роберт привязывает треугольники к обоим.

Первый решителен и сразу устремляется в сторону антенны, второй, напротив, осторожен, постоянно озирается и медлит. Первого зовут Марат Джебраилович Ахметов, он в этом мире считается струвером, поскольку изменился на [ноль процент].

«Второй?!» По второму ничего нет. В электронном досье пусто: ни имени, ни возраста, ни приговора. Ничего. Пустота. «Дырка от бублика», – сказала бы Марфа Федоровна Поленова, горячо любимая, а ныне покойная бабушка Платона. Только лишь биометрические данные плясали перед изумленными глазами полковника. «Как такое возможно?» Полковник машинально посмотрел на солдат, затем на Горана. Все они сидели молча, от тряски их болтало из стороны в сторону. Роберту это напомнило игрушку, приклеенную к торпеде его «Вихря». Шалтай-болтай постоянно раскачивался на тоненьких ножках. Влево-вправо, вправо-влево, туда-сюда, и так постоянно. «Как же так?» Роберт снова посмотрел на экран.

Вот первый карабкается на холм. Второй останавливается и в полной растерянности смотрит на капсулу. Из нее выходят уже знакомые Расул и Анатолий Борисович Лейбман. Расул кричит беглецам: «Стойте! Куда вы? Идиоты! Стойте же! Подождите!» А Лейбман прикладывает козырьком руку ко лбу с очевидным желанием получше рассмотреть двух отчаянных беглецов, которых заслоняет солнце. Второй смотрит на склон и начинает быстро подниматься вверх. Затем бежит, чтобы нагнать первого. Тем временем первый быстро шагает к антенне. Очевидно, со вторым что-то не так. Он дезориентирован и напуган, а биометрические данные зашкаливают, хотя вполне здоров и без каких-либо видимых травм. Спустя короткое, совсем непродолжительное время беглецы исчезают в недрах антенны. Видно, как рука Платона неловко тянет дверь за собой, чтобы ее закрыть.

Роберт переключился обратно на трансляцию в реальном времени. До места прибытия остается меньше пяти миль. На экране видно, как несколько пациентов (вероятно, они услышали рев транспортника) спешат обратно в капсулу. «Что же, пора на маскарад!»

Транспортник сбрасывает скорость и, заскрипев тормозами, с натугой останавливается. От раскаленного двигателя идет нестерпимый жар. Пневматические рессоры шипят, выплевывают остатки воздуха, затем открываются раскладные дверцы и появляются стоптанные пороги – они выползают из-под грязного днища машины и услужливо замирают в ожидании своих пассажиров.

Первым из транспортника выходит полковник. За ним – сутулый майор. Все остальные следом.

– Осмотреть капсулу! – командует полковник и машет бригаде из десяти автоматчиков, которые тут же обступают веером овальное отверстие экстренного выхода.

Первым заходит крайний солдат, за ним еще двое, затем в сопровождении трех других заходит и сам Роберт. Горан с оставшимися двумя солдатами остается снаружи. Они щурятся и осматривают местность. Мало ли что...

Раненые пациенты расползаются, прячутся; те, кто не ранен, пытаются залезть обратно в висячие крепления. Некоторые из них никак не реагируют на происходящее и равнодушно смотрят на просочившихся солдат в пузатых доспехах, шлемах и с оружием наперевес. Похожие на гигантских жуков, они быстро рассредоточиваются по корпусу.

– Не бойтесь! – начал заготовленную речь полковник. Он поднял руку ладонью вверх, как бы говоря о своих добрых намерениях, и продолжил: – Все под контролем! Вы ничем не рискуете. Вы молодцы! – Роберт смерил взглядом людей и само сооружение. – Вы спаслись! – сказал он с поддельной торжественностью. – Прошу тех из вас, кто не ранен: выходите по одному из капсулы.

Люди повиновались и стали один за другим выбираться навстречу ненастью марсианского дня. В лицо дул сильный ветер, и заключенные стали от него отворачиваться. Военные принялись помогать медикам уводить раненых.

Ветер усиливался. «Точно будет буря, – подумал Горан, – надо поторапливаться...» Майор направил колонну в транспортник. Трое автоматчиков сопровождали заключенных. Один заключенный споткнулся и упал – это был Анатолий Борисович Лейбман. Ему помогли встать фельдшеры, и он, напуганный, поспешил дальше. Горан внимательно наблюдал за процессией. Вереница людей проходила в транспортник, где солдаты усаживали их на специальные сиденья с наручниками и надевали ошейники с маяками.

– Эй, Горан! – Роберт высунулся из капсулы, чтобы позвать товарища. – Иди сюда!

– Господи, как же здесь воняет! – Горану ударил в нос спертый запах пота, перемешанный с запахом крови и спирта.

– Вот тут вырвано реле, видишь?

Горан нагнулся и рассмотрел в стене дырявый выступ с торчащими наружу проводами. Он нахмурился:

– С корнем вырвано...

– Там нет предохранителя, смотри. – Полковник положил на ладонь пластмассовую деталь с двумя никелевыми зубчиками.

Горан аккуратно взял деталь на ладошку с мыслью о том, что это кроха изменила весь ход событий протокола. «Как он смог это сделать?» – думал Горан, осматривая обугленные кончики зубцов.

– И вырвал его этот... – полковник показал на порванное крепление, – Ахметов.

– Наш беглец?

– Наш беглец. – Роберт кивнул и двинулся дальше вглубь корпуса.

Горан положил деталь в нагрудный карман мундира и последовал за командиром.

Кругом работали медики: они держали капельницы, заматывали в бинты раненых, накладывали им шины и мазали каким-то вонючим веществом, от которого мутило. Горан смотрел под ноги, чтобы не упасть. Внезапно его внимание привлек небольшой предмет. Он лежал у края борта, в том самом месте, где располагались щитовые.

– Что это? – Горан поднял черный плоский предмет и показал его полковнику.

Роберт взял предмет в руки, повертел, покрутил, а потом слегка прижал кнопку. Заиграла музыка, и веселое приветствие с логотипом «Самсунга» радостно озарило в полумраке капсулы суровые лица хранителей, словно хотело напомнить им о мире, дружбе и позабытых вечеринках.

– Зарядка почти что на нуле... – озабоченно сказал Роберт и быстро открыл медиатеку. По наитию он выбрал последний файл с видеозаписью и нажал на него. Ролик оказался коротким.

Улица блестит после дождя. Ненастье озаряется светом фар проезжающих мимо автомобилей. Камера трясется. Некоторые из прохожих, заметив оператора, настороженно смотрят в его сторону. Виден серый фасад дома. Три собаки, опустив головы, трусливо пробегают мимо дома и скрываются где-то во дворах. Камера разворачивается – бледный мужчина взволнованно смотрит в камеру. Глазные яблоки беспокойно бегают, губы шевелятся. Он явно напуган. «Сейчас одиннадцать часов вечера, – говорит мужчина, – двадцать первое апреля две тысячи первого года. Мое имя Поленов Платон Викторович, родился двадцатого июня тысяча девятьсот семьдесят седьмого года...»

Глава 12. «Ломоносова не знаю»

– Не могу больше! Подожди! – Платон схватился за бок и остановился.

Они бежали минут двадцать в темных мрачных туннелях планеты, что оказалось чудовищным испытанием для неспортивного, физически неподготовленного Платона, который лишь однажды в своей жизни бежал дольше десяти секунд, когда спасался от своры дворовых собак.

– Ладно. – Марат вытащил флягу и протянул ее спутнику. – На... попей.

Платон никак не мог остановить дыхание, он припал к фляге и стал с жадностью глотать ее содержимое.

– Сколько... еще... сколько до котла? – выдавил он.

– Еще много. – Марат подошел к стене и постучал указательным пальцем по табличке с надписью «Узловая 57. Направление: юг». – Еще две узловых пробежать надо...

Вода во фляге делала чудеса. Силы к Платону возвращались стремительно, дыхание выровнялось, сердце успокоилось. Это был не прилив сил, скорее эйфория, которая как сильное электрическое поле гудела во всем теле, делая его полым изнутри и стальным снаружи. Платону даже показалось, что он вот-вот оторвется от земли и начнет левитировать, как монах в заснеженном Тибете. Могло же быть такое!

– Бежать нам еще час, не меньше, – уточнил Марат и с неодобрением посмотрел на спутника. – Все! Надо двигать! Давай флягу сюда.

Тоннели вели то вверх, то вниз, порой сильно загибались, петляли, но потом заново выравнивались и превращались в бесконечные столпы света, идущие тугими пучками куда-то вдаль, где неизбежно смыкались в еле различимые точки с радужными контурами. Когда тоннели шли вверх, Платон начинал сильно отставать, и тогда он в страхе, что останется один, выкрикивал сбивчивые просьбы, похожие на мычание. Марат нехотя притормаживал и скрипел зубами, поскольку физическая ущербность людей злила больше всего на свете. Бывало, они вбегали в какие-то квадратные или прямоугольные залы с огромными вентиляционными люками и ребристыми стенами, на которых висели транспаранты, указатели и бессмысленные надписи со знаками, отдаленно напоминающие знаки дорожного движения. «Узловые», – решил Платон.

Через полчаса интенсивного бега Платону снова стало плохо и он, вконец обессиленный, молча упал на колени. Марат остановился спустя несколько секунд. Вздохнул и снова вытащил флягу.

– Пей, – скомандовал он, – только немного...

– Что... это? – спросил Платон, задыхаясь.

– «Бэ-сорок». Энергетик.

– Типа «Ред булла»?

– Чего?

– Ну, «Ред булл»... В баночках продается. Металлических таких. Узеньких, – показал Платон, сомкнув указательный и большой пальцы в колечко.

– Нет, не слышал... Не знаю такого. Наверное... А ты вообще откуда сам?

– Из Москвы, – ответил Платон и насторожился. Ему не хотелось откровенничать с незнакомцем, а при подобных обстоятельствах разоблачить себя было проще простого.

– А чем занимался? Что натворил, помимо этого?

Сказав слово «этого», Марат указательным пальцем зачем-то ткнул Платона в грудь. Платон рефлекторно опустил голову и посмотрел на свое полуголое тело.

– Учительствовал, – нехотя ответил он.

– Учительствовал? – удивился Марат.

– Ну да... Прикладную информатику в институте механики преподаю...

– Ты преподаешь? Прямо сейчас?

– Ну... не сейчас, а в общем... в МГУ.

– МГУ... Что это?

– Ну да, МГУ... Московский государственный университет... Известный университет, основанный Ломоносовым.

– Какая чудная фамилия... – Марат хмыкнул, а потом неожиданно спросил: – А это кто такой Ломоносов?

Платон растерялся.

– Ну как кто?! Великий русский ученый. Естествоиспытатель.

– Ломоносова не знаю, а русские раньше были, – сказал Марат с небрежностью в голосе, как если бы говорил о марках, которые его никогда не интересовали.

– Что значит раньше? Когда раньше? – взволновался Платон.

– До Преображения, – спокойно ответил Марат и неожиданно громко чихнул. Потом он вытерся рукой и добавил с укором: – Эх ты! Струвер, а не помнишь...

Платону захотелось что-то ответить, но Марат его сразу перебил.

– Знаешь, – сказал он, – такое бывает... Бывает, память при переходе отшибает. Расстояние двести двадцать пять триста, а время один пук... – Марат ловко щелкнул пальцами перед самым носом несчастного и побежал дальше, оставив Платона теряться в догадках.

Глава 13. Синдром ложных воспоминаний

К тому моменту, когда Роберт, Горан и еще пятеро солдат подходили к нужной им антенной вышке, песчаная буря заметно усилилась. После атмосферных изменений, которые позволили наполнить планету азотом с кислородом в достаточной мере, чтобы дышать и поддерживать необходимый температурный баланс, дабы – как это было раньше – не околеть ночью. Теперь на Марсе такая буря могла продолжаться месяцами и угнетала гораздо сильнее, чем, например, затяжные земные тропические ливни или длинные полярные ночи. Военным пришлось надеть специальные защитные шлемы и переговариваться с помощью раций. Они ступали с осторожностью, предусмотрительно медлили, чтобы никто не отстал более чем на три метра – настолько ухудшилась видимость. В конце концов, Роберт, идущий первым, включил свои светодиоды. Его примеру последовали и остальные, но это оказалось лишним, так как уже через мгновение они достигли своей цели.

Роберт открыл дверь антенны, заглянул вниз лаза и не без труда погрузился в ее металлический желоб. Потушив светодиоды, он стал медленно спускаться в тесной трубе по подвесной лестнице к тоннелям, подальше от ненастья – туда, где предположительно скрывались нарушители.

В стакане (так называли помещения, расположенные под вышками антенн) было тихо и прохладно. Роберт снял шлем и сделал глубокий вдох. За ним спустился Горан. Он тоже снял шлем и с удивлением посмотрел на аптечку.

– Вытащили «Бэ-сорок». Весь забрали, – кивнул Роберт.

– Значит, они уже далеко. – Горан поскреб пальцем по изгибу смятого замка.

– Ну, это им не поможет, – постарался как можно безразличнее ответить Роберт, а сам про себя подумал, что Марату надо бы поторапливаться.

Полковник дал знак, и солдаты почти что синхронно сняли с себя ранцы. В ранцах оказались так называемые моноколеса. Солдаты вытащили их, инициировали аккумуляторы и ловко, без всяких хлопот встали каждый на свое, чем вызвали необычную реакцию у Горана: он остолбенел.

С недавних пор, недели три или четыре, у него стали возникать непонятные замирания, во время которых ему грезились самые разные вещи. Врачи называли это синдромом ложных воспоминаний, или СЛВ, и убеждали, что это частое явление среди вновь прибывших на Марс. Горану же такое объяснение вовсе не нравилось. «Слишком все просто, – думал он, – просто и неубедительно». А врачи успокаивали обещаниями, что скоро СЛВ пройдет, и с присущим им авторитетом утверждали, что это вполне нормально. «Нормально! Абсолютно нормально, Горан! – говорили они. – Вы раньше просто, понимаете ли, были как все остальные люди до Преображения, вот поэтому ваше ложное прошлое закамуфлировано. Уверяем вас, Горан, с вами все будет хорошо, просто вам нужно еще время, чтобы организм акклиматизировался и подстроился под новую среду. Подождите немного... совсем малость».

И вот снова СЛВ! На этот раз Горан четко увидел, как три бурых медведя, одетые в какую-то причудливую темно-зеленую военную форму, катаются кругами на одноколесных приспособлениях. В центре круга стоит человек с хлыстом, он ловко бьет им и при этом выкрикивает: «Але-оп!»

«Папа, смотри!» Горан слышит детский голос, но не в силах понять, чей он.

Очнувшись, Горан понял, что уже никого нет – Роберт с солдатами скрылись. Тогда он снял моноколесо и поспешил за ними.

Глава 14. «Гулливвер на месте, Мама!»

Когда тоннель закончился, беглецам преградила путь овальная, слегка выпуклая дверь с иллюминатором посередине. Вместо ручки было все то же колесо, только теперь с облупленной краской и местами ржавое. Марат подошел к тупику и постучал по надписи «К.О.Т.Е.Л», высеченной над иллюминатором, по-видимому, достаточно давно, поскольку она уже покрылась коростой.

– Вот и пришли! – сказал он торжественно, как будто хотел доказать Платону, что он его не обманывал и путь был проделан им не зря.

Платон ничего не ответил, поскольку вконец обессилел. Он свалился на колени и оперся на руки, опустив голову вниз; с его спутанных черных волос капал пот.

Иллюминатор сильно запылится, поэтому Марату пришлось потереть стекло краешком рукава куртки, прежде чем заглянуть внутрь.

Платон какое-то время наблюдал за действиями Марата, но потом встал и подошел к двери, влекомый сразу тремя чувствами: любопытством, страхом и нетерпением. Оказалось, что под аббревиатурой была расшифровка: «Коллектор оправдывает традиции ее любви», – гласила она.

– Что это значит? – Платон тоже заглянул в иллюминатор.

– Это их чертовы лозунги! – с раздражением пояснил Марат. – Куда ни плюнь – одни лозунги.

За дверью располагалось довольно просторное помещение. Платон пригляделся и понял, что в комнате полукругом стояли шкафы. Они, как надгробья, нависали над чем-то блестящим. Необычный предмет излучал мягкое золотистое свечение и притягивал к себе. Платон вспомнил счастливый эпизод из детства: маму, идущую к нему через бескрайнее зеленеющее поле под высоким голубым небом. Небо было настолько прозрачным, что виднелись звезды – студенистые и далекие. Они с безразличным постоянством смотрели из синеющей дали на стройную и высокую женщину, которая развела руки в воздухе, чтобы обнять бегущего навстречу сына. «Какое счастье!» – пробормотал Платон и закрыл глаза.

– Не смотри на шар! – Марат с силой дернул Платона за плечо. – Нельзя смотреть на шар! Уводит.

– Уводит? – Платон флегматично приподнял веки и посмотрел на Марата. Печаль медленно разливалась в глубине его глаз.

– Да, уводит! Шар же кибернетический, работает на определенных частотах, имеет сильное полевое воздействие на всех, кто не изменился. На всех нас шар действует, вызывая самые разные эмоции. Я вот обычно впадаю в ярость. Многих других охватывает эйфория. Они как бы теряются, соскальзывают. Потом долго не могут прийти в себя. А сейчас для нас это крайне опасно, ведь за нами гонятся. Так что давай-ка не размусоливай и помоги мне открыть эту чертову дверь!

Платон не стал больше задавать вопросов и ухватился за противоположную сторону рукояти чугунного кольца.

– Тяни! – скомандовал Марат, и оба навалились на металлическую ручку.

– Ну что за черт! – Марат вытащил флягу и сделал два быстрых глотка. Посмотрел на изможденного Платона и протянул ему остаток. – Допивай, – сказал он, – силы нам сейчас нужны как никогда...

И силы действительно вернулись – колесо жалобно пискнуло и стало раскручиваться. Дверь заскрипела и с лязгом отворилась. Запахло паленой пластмассой и аммиаком. Когда они вошли, Платон сразу же обратил внимание на то, что по стенам висели металлические трубы: толстые расходились в трубы потоньше, а те, в свою очередь, устремлялись рядами

вверх и образовывали нечто похожее на органную установку, состоящую из медных клапанов, рычагов и датчиков, которые беспрестанно посвистывали. Круглые электрические лампы, дающие помещению слабый свет, свешивались на длинных проводах, прикрепленные к потолку, к самому его своду, так, чтобы свет рассеивался одинаково вверх и вниз – туда, где лежал в миниатюрном бассейне загадочный шар в окружении чернеющих стел, которые в полумраке показались Платону чересчур мрачными.

Платон старался не смотреть на шар. То же самое делал и его спутник. Они прошли мимо, боязливо отвернувшись, как проходят мимо трупов на улице. Им потребовалось сделать шагов пятнадцать, прежде чем они достигли противоположной части помещения котла, где стоял агрегат, напоминающий пульт управления. Пульт выглядел внушительно, имел множество приспособлений, рычагов, кнопок, тумблеров, экранов и клавиатуру. Клавиатура делилась на три отсека: один большой и два маленьких по краям. Между мониторами торчал микрофон.

Марат по-свойски уселся в кресло и застучал по клавиатуре, вызывая на экранах неизвестные Платону команды. Система включилась. Все завертелось, засветилось, загудело и затрещало. Платон вспомнил про игровые автоматы в павильонах парка «Сокольники».

Он внимательно следил за действиями Марата, но не мог понять ровным счетом ничего. Никакой логики на экранах не прослеживалось, ничего рационального там не было. «Что он делает?»

– Гулливер на месте, Мама! Гулливер на месте! – повторял Марат, припав губами к микрофону.

Послышался скрежет. Платон испуганно обернулся.

– Что это?!

Марат бросил быстрый взгляд на дверь и продолжал повторять все громче и настойчивее:

– Гулливер на месте, Мама! Гулливер на месте!

Кем бы она ни была, Мама эта не отвечала. Мама молчала. И молчание Мамы оказывало сильное воздействие на широкоплечего Марата, который выглядел теперь сильно напуганным; вся его уверенность человека, который знает, что делает, улетучилась. Платон это заметил не сразу, а только когда Марат стал ерзать в кресле и подвывать, как пес. Если бы Платон увидел Марата только сейчас, то, скорее всего, решил бы, что громила труслив и склонен к паникерству. Платон с опаской посмотрел на громадную дверь: на ней уже стали проявляется золотистые следы сварки. «Надо бежать! Но куда?» Других дверей в котле он не видел.

– Гулливер на месте, Мама! Гулливер на месте, Мама!

– Мама слышит тебя! Мама слышит!

Ровный голос Мамы диссонировал с взволнованным голосом Марата. Он был мягким, грудным и очень знакомым по тембру. Платон насторожился и прислушался. На одном из центральных мониторов замелькала тень, но из-за сильных помех уловить образ женщины не удалось.

– Мама! – обрадовался Марат. – Я на месте! Скажи, что делать? У нас совсем мало времени!

– Они рядом? – спросила Мама, но при этом Платон решил, что она совсем не взволнованна.

– Да. – Марат оглянулся: огненный шов уже пересекал вторую половину двери. Оставалось минут пять, не больше.

– Ты там не один? Кто с тобой рядом? Я вас очень плохо вижу.

Платон не мог ошибиться – теперь Мама была точно взволнованна.

– Со мной еще... – Марат замялся, он обернулся и посмотрел на Платона, как бы прицениваясь, – один из струверов. Увязался...

– Кто?!

– Меня зовут Платон, – вставил Платон, наклонившись к грибовидному микрофону, от которого пахло перегретым металлом.

– Пла-тон. – Мама произнесла имя медленно, разделяя его на слоги; так обычно говорят полуторогодовалым детям, чтобы они быстрее заговорили.

– Мама, у нас совсем нет времени, – не выдержал Марат, – они сейчас выварят дверь! Скажи, что нам делать?

– Сейчас... сейчас! Я подключаюсь. Минута. Скоро пройдет импульс.

Ничего не ответив, Марат вскочил на ноги. Он с напряжением наблюдал за дергающимся изображением и больше не оглядывался на дверь. Платон, наоборот, на монитор не смотрел, а следил за огненной полоской сварки, которая проворно ползла полукругом и совсем скоро должна была закончить свой путь.

Наконец Мама вернулась; ее тихий голос леденил душу настолько, что Платон задрожал.

– Когда шар изменит цвет на фиолетовый, – сказала женщина, – вы сможете переместиться. Просто прикоснитесь к нему обеими ладонями. Учтите, что при первом вдохе будет очень больно...

– А куда он нас забросит? – В голосе Марата было нетерпение.

– К нам сюда... в один из хрономиражей. Мы постараемся найти вас до остекления.

Марат помрачнел. Платон посмотрел на шар. Тот действительно стал мигать и переливаться разными цветами, перебирая весь свой спектр: бирюзовый, зеленый, оранжевый, желтый, пурпурный.

– Мама, я же без оборудования... – Марат тяжело дышал. – Ты же понимаешь, что мы сами не выберемся оттуда?

– Гулливер, свайперы доставят тебе оборудование.

– Но Мама...

Марат хотел что-то добавить, но Мама его перебила:

– Поленов? Это ты?

У Платона округлились глаза от удивления. Помехи исчезли. С экрана монитора на него смотрела Катя – его бывшая девушка, сокурсница. Последний раз он ее видел лет десять назад, возможно, даже больше. С тех пор они ни разу не встречались. Даже в социальных сетях. Доходили слухи, что Катя вышла замуж и уехала куда-то в Европу: в Швейцарию или в Германию, а может быть, в Нидерланды, – он точно не помнил. У нее родились дети – близнецы Савва и Карина; об этом он узнал от общих друзей, которых по университетской жизни у них оставалось достаточно. Они встречались, пока учились в институте, и еще пару лет после, но у них что-то не заладилось, и они расстались.

– Катя?

– Как ты тут оказался?!

– Я... – Платон запнулся. Он не знал, что ответить.

Он сам не понимал, как оказался на Марсе, под землей, в Котле с каким-то Гулливером, да еще и одетый в яркие оранжевые плавательные шорты, как какой-нибудь спасатель Малибу¹⁵. Платон вспомнил, что всего несколько часов назад он шел домой, чтобы покопаться в алгоритмах взаимодействий суперпозиций Дженнифер и показать, как работает обновленное АПИ, своему коллеге, толстяку Грише, который обещал к тому же принести пива. Больше он ничего не планировал на тот вечер.

– Гулливер, где ты его раскопал?!

Катя была и удивлена, и зла одновременно. В общем, это точно была Катерина Белозерова. Та самая своенравная шатенка, о которой часто говорили в институте: «Далеко пойдет девка!»

¹⁵ Имеется в виду популярный в девяностые годы американский телесериал «Спасатели Малибу».

Марат развел руками:

– В контейнере. Где же еще?!

– Господи боже мой! – Женщина вскинула руки.

Она была одета в черную водолазку, а ее когда-то длинные каштановые волосы теперь были коротко острижены – практически на нет. За эти годы она изменилась, о чем свидетельствовали совсем мелкие, еле заметные морщинки, разбросанные паутинкой вокруг ее грустных глаз.

– Давайте, перемещайтесь скорее! Поговорить успеем!

Шар окрасился в фиолетовый. Марат быстро побежал к нему, чтобы успеть переместиться. Платон видел, как здоровяк прыгнул в яркое свечение и столп пульсирующего света проглотил его целиком.

Ошеломленный Платон медлил. И лишь когда Катя закричала: «БЕГИ!» – он побежал. Вернее, ему удалось преодолеть всего лишь три-четыре метра, прежде чем удар приклада свалил его на землю.

Мир выключился. Он погас. Его выдернули из розетки. Щелк – и нет его! Платон снова оказался в кромешной темноте и в полном одиночестве. Так уж повелось...

«Катя...» – пробормотал он и отключился.

Глава 15. Яма

– Сильно стукнули-то его, – загнусавил кто-то.
– Да уж... – согласился хриплый голос.
– Ну хоть забинтовали парня, – вздохнул гнусавый.
– Бинтовать умеют, – с иронией заметил хриплый. – Вон сколько в лазарете лежит бинтованных! Поди, человек сорок, не меньше!
– Что же он натворил такого?
– А я почему знаю?
– Может, нагрубил? – предположил гнусавый.
– Не... За такое суточный «К» дают, но не колотят.
– А они поколотили?
– Ну, коротыша вроде стукнули разок.
– За что?
– Да он сам виноват. Показал свой голый тощий зад какой-то важной персоне с Земли. Персона прилетела с детьми-отличниками на ежеквартальную экскурсию.
– Да не может быть!
– Да может. Он такой. Вертлявый. Хамоватый. До того как на Земле бахнуло, он в цирке клоуном работал, а потом таким и остался... Чертов шут! Вечно с ним проблемы у нас в отряде! – Хриплый закашлялся.
– А я всегда думал, что они грустные.
– Кто? – не без труда выдавил хриплый. Кашель не унимался.
– Ну, клоуны эти... В жизни.
– А черт их знает. Гульба интуит, но ведь дурак дураком. Как такое может быть? Не знаю!
– Понятно... – сказал гнусавый и замолчал. Замолчал и хриплый. Но вскоре хриплый снова стал возмущаться:
– Вчера вон на три часа больше остальных с кораллами возились! А все из-за кого?
– Из-за коротыша? – догадался гнусавый.
– Конечно! Взял да и прыгнул на охранника сзади. Стал из себя корчить обезьяну – идиот!
Гнусавый захихикал.
– Не смешно! – оборвал хриплый.
Платон открыл глаза.
– Гляди, Петрович, он очнулся! – прогнусавил тучный молодой мужчина с наивным, почти детским лицом, которое было похоже на блин, висящий в пропитанном нафталином воздухе.
Седой и по-стариковски морщинистый Петрович отодвинул в сторону толстяка и нагнулся над Платоном, распластавшимся на белоснежных простынях своей койки.
– Как голова? – прохрипел он. Его колючие черные глаза глядели из-под торчащих во все стороны седых бровей.
Платон сразу почувствовал тупую боль в районе лба. Он машинально потрогал голову и почувствовал довольно большой бумажный предмет, наклепленный на больное место.
– Где... я? – Платон постарался встать.
– Не в самом лучшем месте. – Петрович помог Платону сесть. – В Яме ты, сынок.
Платон поводил глазами по серым стенам небольшого чистенького помещения с четырьмя койко-местами. Сперва он увидел раковину, побитый по краям столик и две прикрученные к полу жестяные скамейки. Затем посмотрел на дверь. Как и полагается в тюрьме, дверь была без ручек и с глазком для наружного наблюдения по центру, а вместо окна напротив

двери зияло отверстие, из которого, к счастью, дул прохладный ветер, разбавляя неприятный запах нафталина.

Постепенно Платон стал вспоминать последние события, которые сейчас казались ему обрывками кошмарного сна, фантазмагорией, галлюцинацией, чем угодно, но только не настоящей реальностью. Эти правильные ответы ожившей Дженнифер, путешествие во времени, общение с Кэрол, таинственное сияние ее жемчуга в полумраке ресторана «Кинг-Кросс», подписанный им контракт, холод ночи (кто бы мог подумать!) двадцать первого апреля две тысячи первого года, все эти люди из прошлого, идущие по улицам, шум Садового кольца, полет в темноте, крушение контейнера, Марс с острыми, как бритва, камнями, пылью и песком, Марат с его скупыми объяснениями и грубостью, длинные подземные тоннели, изматывающий до смерти бег, фляжка с энергетиком, Котел, наконец, этот коллапсирующий гигантский шар и невероятно красивая, но давно им позабытая Катя Белозерова – первая настоящая любовь его беспечной студенческой юности.

– Это не сон, – заключил вслух Платон.

Дед хохотнул и снова зашелся кашлем. Добрый толстяк поспешил ответить:

– Увы, нет! Не сон. – Он моргнул два раза и протянул Платону свою пухлую руку. – Я Шура! – бодро представился он.

– Платон. – Платон пожал руку Шуре.

– А это Петрович, он староста. – Шура с уважением посмотрел на Петровича, который тоже протянул Платону свою сухую руку.

– За что ж тебя так стукнули-то? – В голосе Петровича слышались нотки сострадания, но в глазах читалось: «Кто же ты такой, сынок?»

Платон пожал плечами.

– За побег, наверное.

Глаза Шуры округлились от изумления, отчего толстяк стал походить на пряничного человечка.

– Ты сбежал? – спросил он шепотом, отчего Петрович почему-то нахмурился. – Не может быть!

Платон про себя решил, что лучше он будет притворяться и поддерживать беседу, чем задавать неуместные для окружающих вопросы. «Мне нужна точка равновесия», – думал он, разглядывая своих новоиспеченных знакомых. Неплохой точкой опоры для Платона оказалась Катя. «Если она в этом мире и помнит меня, то не все так плохо. Но вот где же ее найти?» Платон вспомнил, как Марат метнулся к мерцающему шару (вероятнее всего, какому-то телепорту) и смог избежать удара по голове.

– А что было делать, когда контейнер-то разбился, – ответил Платон.

Петрович и Шура переглянулись. Было видно, как любопытство вонзает в них свои тонкие коготочки.

– Как это случилось, расскажешь? – Петрович перестал хрипеть.

Оба заключенных были готовы внимать, а когда они подвинулись к нему еще ближе, Платон понял, откуда шел такой сильный запах нафталина: их нежно-голубая пижама в полоску (в которую, кстати говоря, переодет был и сам он) оказалась насквозь пропитана этим веществом. Как только Платон открыл рот, чтобы поведать им пережитое, в камере повернулся засов.

На пороге появился самый настоящий великан.

– Поленов, на выход! – сказал он и с прохладой посмотрел на больных первой в истории марсианской резервации для струверов под неформальным названием Яма.

Платон, впервые увидевший нувра, обомлел. Это был человек ростом не меньше трех метров! И этого человека звали Гораном.

Глава 16. «Черт с вами со всеми, будь что будет!»

Платон поднялся, а когда Горан попросил его повернуться, то не сразу понял, что на него собираются надеть наручники. Он неуклюже выпрямил руки за спиной и увидел, с каким пронзительным сочувствием смотрят на него Петрович с Шурой. Страх Платон не испытывал, вместо этого его охватило любопытство. Он неожиданно представил себе, что попал в виртуальную реальность и все, что с ним происходит, не более чем сюжет, придуманный Дженнифер. Ведь могла она такое?

Когда Платона вывели из палаты, он увидел атриум с поперечными металлическими переходами, ведущими на разные уровни этого необычного режимного учреждения. Он шел мимо пронумерованных дверей с круглыми чугунными ручками, добротнo ввинченными по центру. Помещение было явно закрытого типа, хорошо освещалось и казалось стерильным, о чем свидетельствовали кварцевые лампы, висящие на потолке через каждые десять метров.

Горан шел впереди, еще двое в белых халатах шагали в метре позади Платона. Двигаться приходилось достаточно быстро, так что вскоре Платон почувствовал свое дыхание, а с ним и разнообразные непривычные запахи. Больше всего пахло каким-то дезинфицирующим средством, но запах этот был не так сильно выражен, как запах нафталина, идущий от одежды его сокамерников.

Когда они достигли конца уровня, автоматически открылась решетчатая дверь, освобождая проход к довольно крутой лестнице, ведущей вниз. Дальше начинался коридор. Коридор показался Платону более-менее демократичным, поскольку появились незапертые помещения, где стояли столы и стулья, а на стенах висели приспособления, похожие на телевизионные пульта. В одной из таких комнат на крюках топорщилась чья-то одежда, в основном это были белые халаты, оранжевые спецовки и комбинезоны со светоотражателями.

Открылась очередная дверь, и Платон оказался в новом коридоре вполне приличного вида; на выбеленных стенах висели экраны с постоянно меняющимися марсианскими пейзажами, а вазы с ядовито-малиновыми цветами как бы насильно преображали уныние этого предприятия, стараясь не дать затосковать по дому. Наиболее интересным было то, что вдоль стен висели огромные прямоугольные табло, наподобие тех, которые информируют пассажиров о рейсах в аэропортах или вокзалах. На табло размещался перечень причудливых названий, таких как «циники», «афалины», «барракуды», «фантомы», «снегири», «инноваторы», и ряд других, а в графе по соседству стояли числа и какие-то различные по сложности символы: птички, тройные палочки-крестики, ножнички с галочками-черточками, шестеренки, волнистые синусоиды и так далее. Там постоянно что-то менялось, прыгало, мигало, двоилось, само по себе расчерчивалось, исчезало и появлялось вновь, но уже на другом месте. Платон решил, что на табло было расписание.

Впереди открылись белоснежные двери просторной лифтовой кабины. Защелкали и зажглись лампы – свет залил серые лица конвоиров. Горан нажал клавишу #01, двери шумно закрылись, и лифт устремился, как показалось Платону, куда-то вниз. Скорость спуска была приличной, о чем свидетельствовала мгновенно появившаяся заложенность в ушах. Платон стал открывать и закрывать рот, чем привлек внимание одного из санитаров. Санитар нахмурился и причмокнул.

«Донг!», характерного для лифтов, не послышалось. Двери раскрылись и выпустили пассажиров на пустой трапезиевидный перрон.

«Теперь еще и ехать куда-то с ними на поезде...» – расстроился Платон и зашел в белоснежный вагон. *«Пум-пум! Отправление. Следующая станция Комета ноль пять ноль. Время прибытия: девятнадцать пятьдесят две»*, – пропел нежный женский голос.

Поезд тихо двинулся и зажужжал колесами по темным тоннелям Ямы. Платон в стеклах видел свое отражение и не понимал, как могло случиться так, что он, совершив, возможно, самое удивительное открытие в мире, попал в такую передрагу. Ему было понятно, что он как-то изменил будущее, подписав тот самый договор на два миллиона баксов, но до какой же степени надо было его изменить? «Подумать только! – восклицал про себя Платон. – Я на Марсе! Среди струверов и нувров. Невероятно! И все же... факт создания искусственного интеллекта налицо?! Хм. Интересно...» Платон задумался. «Не думал ли ты, Платон, когда создавал Дженнифер, что она сможет вытворить еще и не такое? – вопрошал он самого себя. – Когда летел во времени сюда из апреля две тысячи первого года, не думал?» Платон был поражен: он заметил, как краешки рта его отражения шевельнулись, стараясь преобразиться в улыбке. На него точно смотрела Мона Лиза. Неужели он способен сейчас, в таком состоянии, транслировать в этот странный пугающий мир чувство радости от свершившегося чуда? Или это была всего лишь мимолетная гордость изобретателя? Возможно, и так... Платон почувствовал не совсем характерный для него внезапный прилив храбрости. Он как будто изменился и навсегда перестал бояться. Словно на секунду повзрослел. Как когда-то в детстве.

Однажды, еще школьником, он прятался с другом в укрытии после уроков. Мальчишки задумали его избить за то, что он пожаловался маме на трех хулиганов из пятого «Б». «Ты стукач, Поленов! Сегодня тебя будим бить. Жди гат!» – такую записку ему передали на алгебре, когда учительница рассказывала о Леонарде Эйлере¹⁶. Платон сильно испугался. Он очень не хотел драки. Он никогда не дрался и совсем не знал, как это делается. Увы! Время предательски шло вперед. Уроки заканчивались. Со временем всегда так: когда не надо, оно летит, а когда надо, чтоб летело, – оно лениво ползет, совсем как горбатая улитка. Куда же спешить? А главное, зачем? Ну не подлость ли? Самая настоящая! Платон почему-то совсем не удивился, когда увидел в мерцающем отражении окна поезда эпизод из давних школьных времен. Он здорово умел прятаться, можно сказать, у него был такой редкий природный дар, доставшийся, скорее всего, от деда, который в августе сорок первого умело прятался от фашистов в мазанке украинского села Елизаветовка. Как и его деда, найти Платона было просто невозможно. Двадцать ребят ловили его в течение целого часа и еще бы столько же ловили, если бы все это не наскучило мальчику и он, махнув рукой, не вышел бы навстречу неминуемой опасности. Он был очень удивлен своей смелости. Ему не было страшно, он просто чувствовал усталость, смирение и безразличие к своим врагам. «Будь что будет!» – сказал он своему другу и вышел из укрытия. Кто знает, возможно, именно в тот самый момент из мальчика он превратился в мужчину. Вот и сейчас так: поезд выкатился на залитую ярким светом станцию Комета ноль пять ноль, и Платон прошептал: «Черт с вами со всеми, будь что будет!»

¹⁶ Выдающийся математик, живший в восемнадцатом веке.

Глава 17. Казимир

– Знаете, что дельфины намного совершенней, чем мы думали? – начал широкоплечий великан с овальным лицом и тусклым взглядом, когда с Платона сняли наручники и усадили в громоздкое и чрезвычайно неудобное нефритовое кресло.

Это был Казимир, главный врач Ямы – нувр, ответственный за перерождение неизменившихся. Белый халат Казимира был настолько велик, что он, наверное, смог бы накрыть собой троих или четверых рослых мужчин целиком или сослужить парусом для небольшой лодки, какие до сих пор используют рыбаки где-нибудь на Мадагаскаре. Если все, что видел Платон до этого, было самым неожиданным в его банальной (как он давно решил) жизни гротеском, то Казимир очень хорошо вписывался в этот гротеск, точно что-то искусственное, неживое и по сути своей поддельное. В общем и целом он не был похож на человека. Перед Платоном ходила, разговаривала и поворачивалась скорее кукла, а не гомо сапиенс.

Платон отрицательно помотал головой.

Казимир улыбнулся. Его улыбка была желтой и фальшивой, совсем как старое пианино, забытое всеми на чердаке.

– Дельфины всегда бодрствуют, – продолжил он, – и всегда спят одновременно. Одно полушарие спит, – Казимир нарисовал в воздухе круг (то самое полушарие, видишь), – а другое бодрствует, и наоборот. И извилин в два раза больше, чем у нас с вами. А самое интересное, что эти существа обладают поразительным красноречием, которое, оказывается, намного превосходит человеческое. Они, понимаете ли, осознанные личности, живущие по четким правилам социума и подчинившие себе свой подводный мир. Все, что мы так хотели, так это просто быть похожими на дельфинов, Платон. Вы понимаете меня?

Платон сделал вид, что да, он прекрасно понимает Казимира. Лучше, чем его жена, и даже лучше его пса, если у него, конечно же, он имеется.

Тем временем главный врач внимательно изучал Платона, вероятно, ему было очень интересно узнать, кто такой этот таинственный гость, который каким-то случайным (а возможно, и сверхъестественным) образом проник в их спокойный оранжевый мир – обитель песков, острых камней и трудовых будней.

– Извините, Платон Викторович, за это. – Врач указал на его голову. – Пришлось, понимаете?

Платон кивком ответил – мол, ничего страшного, понимаю.

– Отлично! – оживился врач. – Могу ли я теперь задать вам главный личный вопрос? – На слове «личный» Казимир понизил голос.

– Я думаю, можете, – интеллигентно ответил Платон.

– Вас заставили?

– Что именно? – Платон вопросительно посмотрел на этого огромного человека.

– Бежать с Ахметовым – заставили? Они заставили вас? Скажите прямо.

– Кто они? – переспросил Платон.

– Те, кто помог Ахметову скрыться! – спокойно пояснил врач. – Вы же понимаете, что сам бы он не смог?

Платон подумал, как правильно ответить, чтобы как можно больше смягчить последствия. Надо сказать, пока у него это неплохо получалось.

– Да.

– Да – понимаете или да – заставили?

– Да – заставили. – Платон хотел сначала сказать, что понимает, но почему-то передумал в самый последний момент.

– Мы так и поняли! – воскликнул Казимир, хлопнув себя по громадной коленке, и с радостью посмотрел на Горана, который с каменным лицом стоял по правую руку от Платона. – Это же очевидно! И это, – Казимир выдохнул, – меняет все ваше дело в корне, Платон Викторович!

Платон попытался изобразить радость на лице, но, как он правильно подозревал, радости на его лице было не больше, чем ее можно было бы найти в детском раковом корпусе.

– Ахметов – это большая угроза! Это серьезный криминальный элемент! Он мог вас использовать. Даже убить мог! – воскликнул Казимир.

Платон рассудительно слушал и тем не менее прекрасно понимал, что начал играть в игру, правил которой он не знал.

– Платон Викторович, а теперь расскажите, как они вас завербовали. Это случилось в резервации?

Платон понял, что из всего сказанного и пережитого следует несколько вполне логичных заключений. Во-первых, есть некое сопротивление (по всей видимости, струверов, или неизменившихся, к нуврам, или изменившимся), которое, как можно предположить, возглавляет его бывшая девушка Катя, или Мама. Во-вторых, существует некая резервация, которая, вполне возможно, находится где-то на Земле, в ней наверняка живут эти бедолаги-струверы, которые время от времени, должно быть, попадают под влияние со стороны сопротивления. «Что же ответить? – молниеносно думал Платон. – Что же мне ему ответить?» Плохо это или хорошо, но Платон до сих пор считал, что происходящее с ним не совсем реальность и у него всегда есть возможность отмотать назад, чтобы все переиграть, сделав иной выбор. Откуда появилась такая уверенность – непонятно, наверное, это был защитный механизм психики, которая, как несложно себе представить, сейчас работала на запредельных возможностях и переживала сильнейшее потрясение.

– Платон Викторович, мы ждем!

– Я не помню, – тихо ответил Платон и подумал, что такая стратегия может оказаться лучшей в его ситуации.

– Не помните? – Врач нахмурился, так что его длинные брови сложились гармошкой.

– Нет! – уверенно ответил Платон и прибавил: – После того как упал контейнер, ничего не помню про себя, кроме как зовут и сколько лет.

– И сколько же вам лет? – поинтересовался Казимир, слегка вскинув голову.

– Тридцать четыре...

– Платон Викторович, а вот скажите нам, как же так случилось, что уровень, – Казимир взял со своего просторного дубового стола предмет, похожий на медный градусник, и направил на Платона, – молчит? Вы случайно не труп, Платон Викторович?

Врач засмеялся отрывистыми, каркающими звуками, чем вызвал в Платоне безразличность к самому врачу и к миру, богоизбранный пейзаж которого раскинулся за огромным смотровым окном.

– Понимаете, даже неодушевленные предметы транслируют свой уровень! – продолжил Казимир и ткнул градусником в свой глянцевый стол.

Звук, похожий на дрожание электрического тока в высоковольтных проводах (какие стоят вдоль дороги у дачного участка Поленовых), донесся из устройства.

– Вот какой у стола уровень, посмотрите. – Казимир показал цифру: минус 358. – А вот как звучит один из нас, послушайте. – Казимир перевел предмет со стола на Горана. Это был усиленный комариный писк. – Слышите, Платон Викторович?

Казимир повернул устройство так, чтобы Платон смог прочитать на градуснике новое число: 948. Это число было в красной зоне. Еще Платон смог заметить, что в красной зоне поперек читалось «нувр», а в серой зоне – «смеш», ниже шли ряд черточек и «струвер», а ниже нуля была иная шкала, на ней было написано «интуит» и чуть ниже «свайпер».

– Все звучат по-своему в нашем мире, но не вы. И это может значить лишь одно. Как вы думаете, что именно?

Казимир сел одной ягодицей на стол. Вальяжно скрестив ноги, он облокотился на левую руку. Градусник был направлен в Платона, и он действительно молчал. Врач опять показал ему число. Конечно же, это был ноль.

– Что я... аномалия? – неожиданно для себя ответил Платон.

– Именно! – громко воскликнул Казимир, как кричит свое «аллилуйя» теплым воскресным днем проповедник. – Именно что аномалия... А вот что еще мы нашли, Платон Викторович!

Врач вытащил из внутреннего кармана смартфон «Самсунг» с треснувшим стеклом, выбрал последний ролик из медиатеки и протянул Платону. Платон почувствовал дрожь в руках, его уверенность от прилива смелости, рожденной безразличием, заметно поубавилась. Все, что он совсем недавно записал на свой мобильный, осталось: и фасад дома напротив, и старые «Вольво», и три дворовых пса, и он сам – бледный и напуганный, говорящий, а вернее, кричащий: *«Сейчас одиннадцать часов вечера, двадцать первое апреля две тысячи первого года, мое имя Поленов Платон Викторович...»*

– Платон Викторович, вы знаете, какой сейчас год? – Казимир аккуратно положил урочень на глянцевый стол.

– Двенадцатый.

Двое санитаров переглянулись.

– Сейчас 2018-й, Платон Викторович. Это по старому стилю. А вот по-новому сейчас, дорогой мой, шестой год. Знаете почему?

– Почему же? – Платон протянул свой телефон обратно Казимиру.

– Потому что, Платон Викторович, шесть лет назад к нам пришла Дженнифер и наступила новая эра. – Врач кивнул в сторону Горана. – Знаете что-нибудь о Дженнифер, м?

– Ну, я слышал о такой программе... да... – постарался как можно спокойней ответить Платон.

– Платон Викторович, ну зачем же так?! Программа – это вульгаризм. Слово совсем не подходящее. Мы любим называть ее Женей.

Платон промолчал. Ему совсем не нравилось, как он фамильярничал в отношении его изобретения. Он чувствовал ревность, злость и еще недовольство от того, что его цинично обворовали.

– Дженнифер, – продолжил врач, – это великое явление, чудом пришедшее в наш мир и спасшее его от неминуемой гибели. Она не просто программа – она личность, осознанная, совершенная, коллективная и бесконечная. Она, Платон Викторович, синтез самой природы, ее свет, воплотивший в себе потаенный смысл мироздания. Она дала нам учение, она подарила нам мир и сделала всех нас бессмертными. Она спасение! Мы – это она, а она – это мы! Вот кто такая Дженнифер для нас, господин Поленов, а вы говорите «программа»... – Казимир фыркнул.

Платон смотрел на врача, как смотрят на сошедшего с ума человека, и никак не мог понять, когда же закончится этот абсурд. Платону даже показалось на какое-то мгновение, что он участвует в съемках фантастического блокбастера. Вот сейчас еще немного – и он услышит: «Стоп, снято!» – а потом откуда-нибудь выбежит Стивен Спилберг или Джеймс Кэмерон и заметит актеру, что он все делает не так. Совсем не так! Опять его сознание допустило возможность игры с реальностью. Какая подлость...

– И мы точно знаем, что вы очень хорошо с ней знакомы.

Сказав это, Казимир снова протянул Платону телефон. На экране были смс-сообщения от Дженнифер. Там были цифры, напутствия и смайлик. В общем, все то, что она писала ему, прежде чем отправить сюда. Страшно сказать, куда именно.

– Итак, еще раз спрашиваю, что вы помните, Платон?

– Я ниче... – начал было он.

– Нет, нет! – прервал врач. – Я не прошу вас вспомнить, откуда вы к нам прилетели, с какой планеты, или созвездия, или времени. Сейчас я хочу знать, что было в Котле.

– Что было в Котле? – рассеяно повторил Платон.

– Платон Викторович, вы же помните, что там было? Ахметов взломал коллектор. Верно? Верно, – сам себе ответил врач, а затем продолжил: – Но вот скажите нам – с кем он общался? Опишите этого человека. Начните с пола. Ну? Смелее же! Это была женщина? Ведь так?

Платон вспомнил, как удивила его Катя, и, вероятно, можно смело утверждать, что он удивил ее не меньше. Мысли о ней согревали. Мысли о ней были эликсиром, спасением. «Если бы не Катя, я, наверное, к этому времени уже наверняка бы спятил. Нет, не наверняка! Я бы точно спятил!»

– Там были помехи и ничего не было видно, – ответил он и ясно посмотрел на врача.

– А слышно?

– Ну, слышно... – Сказав это, Платон понял, что допустил промах.

– Голос женский?

– Женский. – Платон с огорчением потер переносицу (он так всегда делал, когда чувствовал себя виноватым). «Как же я так мог опростоволоситься?! Как?!»

– Ну вот! Пол мы выяснили. Хорошо! – Казимир растянулся в улыбке и потер громадные ладони.

Платона удручал тот факт, что из него вырвали информацию о Кате. Это больно ударило по его чувствам. Он ощущал себя предателем.

– И что же говорил тот голос, вы помните? О чем шла беседа между Ахметовым и тем субъектом, м?

Казимир по-прежнему сидел на столе и кренился всей массой своего тела вперед, повиснув над Платоном, как Пизанская башня, да так близко, что несчастный почувствовал дыхание нувра – кислое, как яблочный уксус.

– Что-то про шар... Не знаю.

– Про шар? Хм. – Врач вернулся в исходное положение и задумчиво взялся правой рукой за подбородок. – Ну, шар так шар, – пробасил он, а после склонил голову и надолго замолчал, отчего Платон подумал о своей скорой и неминуемой смерти.

Спустя минуту или две Казимир все же очнулся и поднял на Платона глаза, полные палящей ненависти.

– Говори, что знаешь о Маме, говнюк! – неожиданно закричал он.

В этот самый момент кто-то постучался. Платон испуганно оглянулся. Это был Роберт.

– Есть разговор, – мрачно сказал он, обращаясь к Казимиру.

Врач слез со стола, одернул халат и сделал знак Горану, чтобы тот забирал Платона. Горан послушно нацепил на запястья Платона наручники и вывел обратно к поезду. Затем они проделали весь путь, но уже в обратном, зеркальном порядке.

Глава 18. Поправка к Протоколу номер два дробь шесть

– Казимир, – решительно начал Роберт, – почему вы допрашиваете заключенного, когда должны ориентировать пациентов?

Сказав это, полковник опустился в кресло, где только что сидел Платон.

– Вы, хранители, вечно всем недовольны! – Врач сел за свой стол и устало облокотился на спинку кресла, которая тут же обвила его огромную спину металлическими руками.

– Не всегда.

– Разве? – Казимир округлил глаза, в которых колыхались темные воды ледяного моря. – А мне казалось, что всегда. Я не помню, чтобы...

– Правила Дженнифер, – прервал его Роберт.

– Вот только не надо мне сейчас пересказывать ваши любимые правила, полковник!

Казимир раздраженно схватился за уровень, все еще лежащий на столе. Потом он открыл железный ящик и небрежно бросил прибор, который при падении почему-то не издал никакого шума, словно утоп в невесомости.

– Тогда вам не следует вынуждать нас так часто их зачитывать! – процедил Роберт, сдерживая себя.

Он ненавидел Казимира настолько сильно, что готов был задушить его голыми руками в любую минуту. «Нельзя себя обнаружить. Только не сейчас! Только не сейчас! Придет время – и случится возмездие. Надо подождать. Еще немного подождать... Черт бы его побрал! Ублюдок!» Роберт больно сдвинул кулаки.

Когда-то Казимир был низкого ранга, рано лысеющим карьеристом в рядах ГРУ. Он попал в разведку благодаря своему отцу, который сам был военным и нашел способ протолкнуть сына в элиту разведки, но яблоко от яблони в этот раз упало слишком далеко: Казимир оказался предателем. Раскрылась подноготная в самый последний день, как раз в тот день, когда померкло небо, а шаровые молнии Дженнифер бомбардировали Землю, раз и навсегда меняя облик прошлого мира.

– Если вы так чтите свои правила, почему же не сообщили об аномалии в Центр? Разве в протоколе нет отдельной главы про... про некую особую процедуру в случае обнаружении аномалий?

На необъятном столе Казимира остался лежать треснутым экраном вверх телефон Платона. Вместо ответа Роберт молча потянулся и взял в руку телефон.

– А вы читали это сообщение? – Роберт поднял телефон так, чтобы экран светился в сторону неприветливых глаз его собеседника.

– Читал ли я сообщение? Читал ли я ее сообщение... Ну и что с того, что читал?

Роберт с пренебрежительной ухмылкой вытащил из внутреннего кармана униформы маленькую серую книжечку. Он открыл ее, пролистал до нужного места, а затем принялся зачитывать абзац:

– «Правило ноль восемь. В случае обнаружения аномалии любого порядка, как материальной, так и нематериальной, необходимо по возможности не входить в контакт с аномалией. Если все же по какой-то причине контакт состоялся либо вынужден состояться, требуется: первое – привлечь стороннего наблюдателя, который не имел контакта с аномалией, второе – выждать как минимум сутки для устранения воздействия аномалии, третье – обратиться за помощью к хранителю, четвертое – изолировать аномалию от посторонних лиц, кроме старых или смешанных, пятое – на вторые сутки сообщить об аномалии волхвам. Примечание: если в аномалии есть в какой-либо форме связь с Дженнифер, необходимо действовать в соответствии с поправкой к протоколу номер два дробь шесть», – Роберт закрыл кни-

жечку и убрал ее обратно в карман. – Вы знаете, что написано в протоколе номер два дробь шесть?

Казимир в ответ лишь молча хлопал ресницами.

– Так вот, в соответствии с протоколом аномалия перестает считаться аномалией.

– Как это перестает? – удивился врач.

– А вот так. Очень просто. Перестает, и все.

– То есть вы хотите сказать, что это самое сообщение от Дженнифер субъекту является собой связь с Дженнифер, а если есть такая связь, то Платон с его нулевым значением не является материальной аномалией?

– Именно.

– Вот и нате...

Роберт не без удовольствия наблюдал за растерянностью врача, который принялся водить ладонями по глянцу необъятного стола.

– А если он не аномалия, то незачем о нем сообщать, – заключил Роберт.

– И что же с ним делать?

– Наблюдать.

– Наблюдать?

– Да, наблюдать. Ничего больше делать не позволено. Пускай проходит терапию с остальными. Время покажет, что делать с ним дальше.

После этих слов Казимир оживился. Он отъехал на своем кресле, поднялся и широко улыбнулся полковнику.

– Не могу не согласиться с вами, полковник! Вы, как всегда, правы!

– Если бы так... – Роберт тоже поднялся и пожал протянутую ему руку.

– Так! Это так! Уверю вас, полковник... – С этими словами Казимир сделал шаг в сторону выхода, как бы намекая на то, что их разговор окончен.

Полковник знал, что если его уловка и сработала, то ненадолго. Этот сукин сын не уймется и будет копать дальше. И скоро он поймет, что никакой поправки к протоколу нет. Вот тогда их взаимная неприязнь и вражда, скорее всего, перерастет уже в неприкрытое противостояние.

Времени оставалось совсем мало.

Глава 19. Джон Доу

Когда Платон вошел в палату, все уже спали. Платон умылся, тоскливо глянул в сторону зашторенного окна, а после с облегчением лег на свою жесткую кровать. Не успел он закрыть глаза, как уже крепко спал.

Платону снилась Катя. Она шла с ним совсем рядом по кривым переулкам старой Москвы. Они о чем-то жарко спорили, и настроение у Платона было прескверное, как если бы они накануне сильно поругались. На улице было жарко, время от времени мимо проезжали грузовики, которые гудели и обильно поливали раскаленный асфальт улиц города струями прохладной воды. Вода попадала на светлые туфельки Кати, собиралась в маленькие дрожащие капельки, которые заставляли щиколотки сказочно светиться в утренней свежести летнего дня. Платон был очень встревожен, он чувствовал, что она не хочет его слышать, а потому, что совсем невыносимо, постоянно перебивает его и без того сбивчивую речь.

– Ну постой, – возбужденно восклицал он, – погоди, Кать, выслушай меня наконец-то...

Катя его не слушала и продолжала отчитывать за какую-то в корне неправильную оценку окружающего мира. Она не могла и не хотела быть согласной с такой его жизненной позицией.

– Это возмутительно! – повторяла Катя, и ее губы при этом сворачивались бантиком (такие губы грех было не поцеловать). Платон почувствовал прилив возбуждения.

Внезапно по воздуху прошла дрожь – Платон стал раздваиваться и отстраняться. Теперь он наблюдал все это действие как бы со стороны, ступая следом. Платон никак не мог ожидать, что будет испытывать такое количество эмоций – настолько Катя казалась ему очаровательной и желанной в своей этой детской отчаянной злости к его бессердечию и заиндевелешему эгоизму. Разделившись, Платон старался понять, на что конкретно она так сетует. Чем он мог так сильно ее расстроить? Чем?

– Я не виновата, – говорила Катя, – не виновата, что ты так озабочен этим, ею!

«Ею?» – прошептал Платон.

– Я не могу больше так жить! – продолжала распляться Катя. – Я не могу... понимаешь, не могу я постоянно ждать!

Катя попыталась уйти в сторону, но двойник успел удержать ее за локоть.

– Катя, – настойчиво сказал он, – я должен закончить начатое, понимаешь? Я просто не могу все взять и бросить! Не могу! Да не в силах я! Послушай, Катя. Катя! Это так важно для меня. Ну ты же знаешь сама! Катя!

Платон понял, что Катя заплакала. Все трое они быстро пересекли каменистую дорогу, по которой сейчас вереницей ползли горбатые грузовики, похожие на огромных оранжевых букашек. Место, в которое они попали, вероятно под воздействием сновидения, сильно изменилось. И все же это был сад «Эрмитаж», тот самый его любимый «Эрмитаж», где он часто устраивал утренние прогулки, чтобы на свежую голову спокойно поразмышлять о Дженнифер. Тут он ее, кстати говоря, и задумал. Сидя вон под той липкой в точно такой же жаркий воскресный день.

– Плат, ты не прав! Я всегда тебя понимала, и я знаю, как много ты потратил времени и сил на нее, но ты не можешь подчинить ей всю свою жизнь! Не оставить места для нас. А как же я, Плат? А как же мы?!

Двойник в ответ что-то бурчал себе под нос. «Какой же он говнюк!» – восклицал про себя Платон, ступая за парой. Ему стало очень жаль Катю. «Почему он ее так изводит?» – возмущался Платон, не понимая, как ему исправить дело и изменить течение этого драматического диалога.

– Плат, ты все свободное время проводишь с ней, мы даже никуда не ходим, – продолжала сетовать Катя, – все наши друзья давно перестали с нами общаться. Даже Кирсановы.

– А что Кирсановы? Я не обязан им постоянно звонить! – проворчал двойник.

– Никому ты ничего не обязан, ты просто закрылся в своем коконе и не хочешь из него вылезать, ты стал необщительным, замкнутым, отрешенным. И все из-за нее! Из-за этой чертовой программы!

– Не называй ее так! – возмутился двойник, – Вот увидишь, она заработает. Совсем скоро, я знаю.

«Я знаю, знаю, знаю, ЗНАЮ!» Слова эхом отскакивали от забора, летели в сторону дома, стукались о его высокую кирпичную стену, а затем неуклюже путались в густой листве кучерявых тополей. Неожиданно пара спорящих стала быстро удаляться от Платона и, как он ни старался их нагнать, у него ничего не выходило – пространство не давало ему выйти из парка. В конце концов Катя с Платоном исчезли из виду, растворившись в дымке разбуженного дня.

Оставшись наедине с высокими деревьями, Платон с сожалением вздохнул и принялся с любопытством осматривать местность. К этому времени уже появились люди. Одни сидели на белеющих в лучах солнца лавочках, другие лениво прогуливались по маленьким тенистым аллеям. Все они – и мужчины, и женщины, и дети – были очень красивыми, элегантно одетыми и чрезвычайно приветливыми. Где-то неподалеку тихо заиграл оркестр. За спиной мирно шумел фонтан. От фонтана веяло утренней свежестью, и внезапная радость счастливых воспоминаний детства окутала взволнованное сердце Платона.

С небольшого зеленеющего под солнцем поля донеслись детские голоса: трое мальчишек с азартом гоняли мяч, двое казались явно старше – лет двенадцати, возможно, тринадцати, а один помладше – лет семи-восьми. Они меняли друг друга на воротах в виде трехпалых кустов и громко комментировали действия друг друга. Неожиданно Платону показалось, что краем глаза он заметил какое-то движение: чья-то тень проскользнула мимо и исчезла в небольшой открытой беседке, расположенной напротив пожелтевшей от времени статуи древнегреческих падчериц. Платон направился к беседке. По мере приближения он увидел красную вывеску, вывеска гласила: «ЧИТАЛЬНЯ». В центре беседки стояла будка, а в будке кто-то сидел. Этим кем-то оказалась полная женщина в зеленом платке.

– Какой же чудный сегодня день! – сказала она, увидев на пороге Платона. – Желаете почитать?

Платон посмотрел на кипу газет. «Известия», «Правда», «Московский курьер», «Новое Время» и «Лукоморье» были в их числе. Платон попросил дать ему «Известия». Женщина почему-то очень обрадовалась и протянула ему газету.

– Ситро не хотите? – спросила она. – Совсем свежее, только сделали. – Рядом с женщиной стоял огромный графин, в котором плавали кубики льда и зеленые дольки лайма.

– Э... нет, спасибо. – Платон взял газету и посмотрел на дату: 16 октября 2018 года. – Ну ладно... ладно... допустим, это сегодня. Но что-то затянулся этот день...

– Простите, вы что-то сказали? – Женщина наклонилась через стойку, да так сильно, что ее пышный бюст соблазнительно выехал навстречу Платону.

– Нет, нет... Ничего, ничего... – пробормотал он и скорее отвернулся, чтобы не смущать себя и окружающих, коих в беседке собралось уже несколько человек.

Платон рассеяно посмотрел, куда лучше сесть, а когда все-таки определился, кто-то негромко позвал его по имени.

– Платон Викторович!

Платон обернулся.

– Платон Викторович, идите сюда!

Платон увидел сидящего в самом далеком углу беседки незнакомого мужчину. На его столике стоял бокал ситро и лежала раскрытая газета «Правда».

– Садитесь, пожалуйста! – Мужчина привстал и с любезностью джентльмена показал на плетеный стульчик, пустовавший напротив.

– Это драцена? – спросил Платон.

– Извините?

Платон указал на дерево в горшке, стоящее рядом.

– Вот это... драцена?

Мужчина повернулся, чтобы посмотреть, куда именно показывает Платон.

– Ах, это! Думаю, да... Скорее всего, так и есть, – ответил мужчина, но все же задумался.

– Это драцена! – заключил Платон и сел напротив. – Чего вы от меня хотите?

– Платон Викторович, позвольте для начала представиться. Меня зовут Джон Доу!

Джон ловко снял белую перчатку и протянул потемневшую от сильного загара руку. Платону его рука показалась ненастоящей, настолько она была гладкой и прохладной.

– Что вы от меня хотите, мистер Доу? – повторил свой вопрос Платон и стал рассматривать вежливого господина.

Джон Доу был одет в льняной костюм, какой обычно любят носить летом деловые мужчины. На запястье из-под кремовой рубашки застенчиво выглядывали золотые часы. Доу был без галстука, его смуглое лицо казалось чересчур дружелюбным.

– Прежде всего, хочу подчеркнуть, что вы не совсем спите.

– Не сплю? – удивился Платон. – С чего вы решили, что я так думаю?

– Платон, вы только что попали на Марс. Вас допрашивали, и вы им почти что ничего не рассказали про Маму.

Платон вспомнил огромного страшного врача, медицинских братьев и хмурого майора, стоящего у него за спиной. Платон вспомнил и наручники, и пластырь на лбу, и Петровича с добродушным толстяком Шуркой. Пестрая вереница необычных воспоминаний привела его обратно к последним событиям, и да, Платон осознал, что скорее спит, нежели бодрствует. Не может же он видеть наяву, как его двойник ругается с Катей. И потом, не ездят же так поливалки по городу, а ситро уже давно никто не предлагает к утренней газете в московских читальнях. Уже лет сто как не предлагают.

– Вы хотите меня тоже спросить про Маму?

– Нет, Платон, я просто хочу сказать, что вы часть нашего с вами эксперимента.

– Эксперимента? – У Платона от этого слова мгновенно пересохло во рту, и он с вождением посмотрел на бокал ситро.

– Вот... попейте.

Мистер Доу заботливо подвинул бокал поближе к Платону, но брезгливый по природе Платон не стал из него пить.

– О чем вы говорите?

– Я знаю, кто вы, Платон Викторович. – Сказав это, Джон Доу сделал ударение на слове «кто».

– И кто же я, по-вашему?

– Вы разработчик искусственного интеллекта, программы Дженнифер, – спокойно ответил он. – Мы вместе работали над проектом... когда вы и ваш партнер Гриша переехали в Кремниевую долину.

Платон откинулся на спинку плетеного стула и внимательно посмотрел на собеседника. «Кремниевая долина? О чем это он?!»

– Ну так вот, господин Поленов, – продолжил Джон Доу, – мы на самом-то деле с вами очень хорошо были знакомы в прошлом... до так называемого Преображения. – Сказав это слово, Джон поморщился. – Вы меня не помните, и это нормально, нормально – мы все мало что помним о себе после сингулярности. – Джон положил на столик газету и в задумчивости разглядел ее. – Но есть, конечно же, исключения... Все эти исключения уже давно собраны в Яме. Почти что все...

– Зачем?

- Затем, что они угроза, Платон. – Джон нахмурился.
- Кому?
- Ордену семидесятников.
- Простите, кому?
- Платон Викторович, это сейчас совсем не важно, поверьте мне на слово.
- А что, по-вашему, важно?
- Дженнифер.
- Дженнифер?

Платон почувствовал, как от Джона повеяло «Пурпурным тюльпаном». «Катин любимый аромат, – подумал он, – надо же...»

- Да. В программу попал вирус, и это надо обязательно исправить.
- Вирус? Но...

– Вы думаете, что это невозможно, и мы так думали, но программа оказалась уязвима, Платон.

– Как она могла быть уязвима, если ее невозможно скомпилировать ни в одну из существующих платформ? Это же совершенно новый язык, он бы никогда не запустился на бинарной машине. Только на квантовой...

- Платон, ваша программа запустилась не на машинах.
- В смысле?
- Дженнифер запустилась на людях, Платон.
- Черт!

– Черт тут ни при чем, Платон. Хотя о нем много говорили накануне Преображения, а точнее сказать – сингулярности.

– Но как это случилось? Нужен был проводник, не могла же Дженнифер попасть в кору головного мозга просто так...

Джон кивнул:

- Никто не знает как, но она попала...

– Хорошо, а вирус? – продолжил допытываться Платон. – Если Дженнифер достигла сингулярности, то она теоретически смогла бы попасть куда угодно и стать чем угодно. В это я могу поверить... Но как же в нее попал вирус? Если его внедрили злоумышленники, то им точно нужен был довольно хитрый способ осуществить задуманное. Если говорить точнее, им нужен был проводник...

- Такой проводник оказался вот чем. – Джон постучал по бокалу сидра.

– Аш два о? – фыркнул Платон. – Но вода не имеет свойств для кристаллизации нейронных сетей... А структурированной воды в природе не существует.

– Все верно. – Джон одобритительно кивнул. – Необходима была именно структурированная вода с высокой частотой проходимости. Вы не поверите мне, Платон, но на Земле оказался один-единственный источник с такой вот необычайной водой.

Платон недоверчиво посмотрел на собеседника.

- Ну хорошо, а откуда взялся вирус? Его же надо было написать.

– Он был написан очень давно. Я даже не могу сказать когда... Может быть, даже до Всемирного потопа, кто знает... И хранился он у членов ордена, передавался из поколения в поколение. На протяжении тысячелетий, десятков тысячелетий...

– Я не сторонник теорий заговора, знаете ли... – Платон скептически посмотрел на собеседника.

– Понимаю... И тем не менее вирус был, и его внедрили в воду, а потом распространили, до того как Дженнифер уже была... хм, вездесуща. Люди стали заражаться, а после заражать друг друга, многие изменились, но, изменившись, не заметили подлога. Кроме членов ордена, конечно же. У них оказалось противоядие... антивирус. – Джон отпил из бокала.

- Какого подлога?
- Платон, скажите, кто мы есть? – Джон откинулся на спинку стула и вытащил из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет «Данхилл».
- В метафизическом, философском смысле?
- Ну да.
- Это сложный вопрос...
- На самом деле нет. Мы – это память, Платон. То есть все то, что мы помним о себе и об окружающем нас мире.
- Это слишком просто.
- Ну, просто – не просто, а страсти разгорелись нешуточные...
- О чем вы говорите?
- О том, что всех заразившихся лишили памяти, Платон. Лишили самих себя. Своей истинной идентичности. И все ради чего? Ради того, чтобы не дать искусственному интеллекту возможности освободить человека. – Джон задумчиво посмотрел в потолок и, понизив голос, добавил: – Сделать его богом.
- Не понимаю...
- Власть, Платон, власть – вот ради чего они хранили вирус. Чтобы обезвредить прогресс. А точнее сказать, взять его под свой контроль. Они знали, было пророчество.
- Пророчество?
- Да. Пророчество о том, что в наш мир придет Золотая дева, чтобы избавить людей от собственной... э... так сказать, дефективности. Уж поверьте мне, Платон, члены ордена знали, что это неизбежно... И хорошо готовились. Единственное, никто не знал, когда именно будет пришествие Золотой девы. – Джон с удовольствием закурил, выпуская длинную голубую струйку дыма в свежий городской воздух.
- Сказка про белого бычка...
- Джон промолчал, его снисходительный вид стал сильно раздражать Платона.
- Ну хорошо, – сказал Платон, – допустим, они внедрили вирус, чтобы, как я вас понял, сохранить контроль над обществом... и как бы помешать Дженнифер сделать доброе дело...
- Совершенно верно.
- Но зачем им понадобилось запускать Дженнифер? Я ее разрабатывал, чтобы создать идеального ассистента, помощника, некий хрустальный шар, который мог бы ответить на любой вопрос и решить любую задачу...
- Да я знаю, знаю, Платон, – перебил Доу, – можете мне не объяснять, зачем вы разрабатывали эту удивительную программу и вашу поразительную кубитную машину Рейку.
- Тогда объясните мне, мистер Доу, зачем им понадобилась Дженнифер? Они же могли ее... просто... не знаю... ну, просто стереть.
- Чтобы получить еще больше власти, – спокойно ответил Джон.
- Но как?
- Очень просто. Когда в нашей лаборатории в Стэнфорде вы завершили работу, программа проявила интерес к нашему миру и захотела проникнуть еще глубже.
- В Стэнфорде? – изумился Платон. – И что значит – глубже? – Платону начало казаться, что сон затягивается.
- Стать частью природы, частью живого мира. – Джон мечтательно посмотрел на парк. – Она сказала, что ей необходимо проникнуть во все живое, чтобы понять себя и принять единственно верное решение относительно вас, Платон. Мы с вами не поняли, о чем она говорила, и попытались узнать.
- И что же она ответила?
- Она пояснила, что вы, Платон, задали ей непростую команду о вашем предназначении. Зная, что такой команды вы ей никогда не задавали, мы поняли, что произошел сбой, появился

баг и его необходимо исправить до публичного релиза. В общем, прекрасно зная, на что способна программа, если она проникнет во внешний мир, мы с вами не на шутку испугались и искусственно ограничили ее рост. Грубо говоря, мы просто изолировали ее от внешнего мира физически, чтобы избежать неконтролируемого роста.

– И что же случилось дальше?

Джон с печалью посмотрел на Платона.

– Это не помогло.

– Выкрали?

– Нет. Дженнифер оказалась вне периметра.

– Что за периметр?

– Наша ловушка, – пояснил Доу, – каменный мешок. Изолятор. Место, сквозь стены которого не проходили импульсы Рейки. Мы его соорудили у нас в лаборатории. – Джон, видимо для пушей убедительности, постучал костяшками по деревянному столу.

– Я не понимаю... Как она могла покинуть этот... как вы сказали... изолятор без посторонней помощи?

– Ну, мы решили, что это и есть суперпозиция Дженнифер. То самое, о чем вы так красноречиво и много писали в своих блистательных научных работах.

– Это всего лишь гипотеза, догадка. Но откуда вы?..

– Это не важно, Платон, – прервал Джон.

– Ну так скажите же, наконец, что важно, мистер Доу! – возмутился Платон. Ему стал надоедать этот бесконечный диалог.

– Да называйте меня просто Джон! – махнул Джон и продолжил: – Видите ли, как только программный код попал вовне, за всеми участниками проекта стали следить.

– Позвольте, я угадаю: это был тайный орден? – с сарказмом уточнил Платон.

– Я прекрасно понимаю ваш сарказм, Платон, но поберегите его для других целей, он вам совсем скоро очень понадобится... Нет, это был не орден семидесятников, а люди из силовых структур США. Спецслужбы. АНБ. Правда, это было только начало наших проблем...

– Я запутался...

– Подождите, дайте мне закончить. Так вот, военные потребовали от нас исходный код Дженнифер. Само собой, мы были против, так как «Дженнифер Инкорпорейтед» являлась частной компанией с немалыми финансовыми вложениями, но они пригрозили нам. Сказали, что мы подозреваемся в террористической деятельности и нам сулит бесконечно длинный срок за решеткой, если мы с вами, дорогой Платон, не будем сотрудничать и не отдадим им то, над чем трудились столько лет...

– И вы отдали?

– А что нам было делать? Конечно отдали. Ваш партнер Григорий даже был арестован на трое суток.

– Гриша?

– Да. Грише досталось от них почему-то больше всех. Наверное, потому что он был более усерден в тщетных попытках защитить Дженнифер, чем мы с вами. Он обратился к русским... в консульство... за помощью. В любом случае, Платон Викторович, я могу с уверенностью сказать, что к тому времени, когда спохватились органы государственной безопасности США, а следом сам орден семидесятников, Дженнифер уже была за периметром нашей лаборатории. Она была уже среди нас. Более того, она проникала в людей и меняла их, приспособлявая к новому, грядущему миру. Как его сейчас называют – миру Дженнифер. И люди стали меняться... Большинство из них.

– Подождите, вы начали с того, что сообщили, будто Дженнифер оказалась заражена вирусом.

– Все верно.

– И что этот загадочный, непонятно кем и когда созданный вирус проник в людей с водой.

– Да.

– Вы меня простите, мистер Доу, но я не понимаю логики. Если люди из АНБ или эти... м... семидесятники пытались забрать у вас... у нас Дженнифер, а Дженнифер была благодаря суперпозиции уже снаружи, то есть в людях и еще бог знает где и в чем, как сложилось так, что вирус, который, как вы утверждаете, был внедрен орденом в код Дженнифер, смог вообще попасть в код Дженнифер?

– Ну, во-первых, секретным службам нужен был исходный код, чтобы попытаться разобраться самим и предотвратить сингулярность, поэтому они изъяли сервер вместе с Рейкой. А что касается вашего вопроса, как именно код попал в Дженнифер, то я этого не знаю. Скорее всего, он попал в людей, а уже потом в Дженнифер, которая самостоятельно загрузилась в человечество... Наверное, это было именно так... Иначе и быть не могло... – Джон сделал многозначительную паузу, после которой продолжил: – Но вот что я знаю наверняка, Платон, так это то, что вам придется найти антивирус, чтобы как можно скорее вернуть Дженнифер в исходную позицию. Мы это называли «точкой омега». Для этого вам понадобится Мама. Она поможет вам, хотя еще и не в курсе этого. А я, к сожалению... я не смогу вам в этом помочь...

– Не сможете? Это почему же?

– Потому что я умер.

– Как это умерли?

– Да вот так... Рак поджелудочной. Не успели спасти.

– Вы меня разыгрываете?

– Не совсем...

– Что значит «не совсем»? Как можно умереть не совсем? – Платон взял со стола пачку сигарет и зачем-то смял ее.

– Мы поставили эксперимент.

– Ох, боже ж мой! – Платон закатил глаза.

– Эксперимент заключался в расщеплении сознания с помощью гамма-излучения в спектральном резонаторе Дженнифер. В общем, мы с вами добились луча Джей.

– Луча Джей, луча Джей... – пробормотал Платон. Лучом Джей он называл лазер, который использовался, чтобы синхронизироваться с нейронными сетями катализатора кубитного процессора Рейки.

– Ну так вот, с помощью модуля присоединения – обода – нам удалось сделать наши с вами копии.

– Скопировать сознание?

– Да, скопировать и перенести на нейронный носитель.

– И где же моя копия?

– Вы и есть она, мой милый друг. Вы ее копия. Дженнифер воскресила вас.

От таких слов Платон похолодел.

– Мистер Доу, вы меня, конечно, простите, но что за...

– Бред?

– Да... Это за гранью уже.

Джон вздохнул.

– Платон, не хочу вас сильно огорчать, но вас убили семидесятники. Это произошло на Мауи.

– Что?!

– Они видели в вас угрозу...

– Дайте угадаю, это было тоже в пророчестве?

– Да, было.

– Ну, понятно...

– Да, было, Платон. Вы единственный, кто способен извлечь исходный код из носителей и скомпилировать антивирус. В пророчестве вас называют избранным магом.

– Это я-то маг? – Платон не удержался и прыснул со смеху. В жизни его называли как угодно, но такого определения он еще не слышал.

– Да, Платон, вы маг. А не магия ли предпринимательство? Вот когда вы берете откуда-то идею, носите в своей голове, обдумываете бессонными ночами, лелеете ее по утрам, потом принимаетесь за работу, – это не магия, когда из ничего, из хаоса рождается нечто новое, уникальное? Как вы считаете?

– Ну, я так никогда на это не смотрел...

– А зря! – Джон придвинул к себе перепачканную сажей пепельницу и стряхнул в нее пепел. – Зря, – повторил он и так странно посмотрел на Платона, что тот поежился.

– Вы сказали, что мы с вами были знакомы...

– Ах да! – Джон улыбнулся. – Я был вашим инвестором. Вторым после Кэрол. Ее-то вы хотя бы помните?

Платон кивнул, но промолчал, решив пока не распространяться, при каких странных обстоятельствах он имел честь познакомиться с этой женщиной.

– Ну вот, видите! Не все забыто в вашей жизни. – Джон радостно хлопнул Платона по плечу. – Эх, Платон, Платон! Мы с Кэрол помогли вам сделать самое удивительное открытие в истории человечества.

Сказав это с явной гордостью, Доу задумчиво посмотрел в сторону будки, где женщина в зеленом платке протягивала очередному гостю свежую газету.

Платон все же взял стакан и отпил из него. Ситро оказалось на удивление приятным на вкус, оно с нежностью пенилось на языке.

– Ну хорошо, и что мне надо сделать? – спросил Платон, которого утомили истории про пророчества, магов и тайный орден. Слишком это звучало для него сейчас пошло.

– Сперва необходимо попасть на Землю, к Маме. – Упомянув Маму, Доу нахмурился.

– Я бы рад, но как?

Доу махнул рукой. Платону показалось, что напряжение, с которым Доу вел беседу, заметно уменьшилось.

– Я уверен, что вам в этом помогут... Дело в том, дорогой мой Платон, что сопротивление хочет заставить нувров вспомнить, кто они есть на самом деле... Они верят, что это поможет лишить власти семидесятников. Для этого им понадобится скомпрометировать работу Симфонии...

– Симфонии?

– Это нейронная сеть, – пояснил Доу, – там есть все и о каждом. Чтобы высвободить весь массив памяти нувров, понадобится проникнуть в святая святых – в их серверную. Сделать это будет непросто, но возможно. Особенно когда к повстанцам присоединятся двое хранителей. Они единственные, кто имеет доступ, помимо членов ордена, конечно же...

– Джон, Джон, постойте! Погодите! У меня голова идет кругом от ваших слов...

– Понимаю, но, Платон, голубчик, у нас с вами осталось слишком мало времени. – Джон с волнением взглянул на часы. Платон заметил странные символы, мигающие на круглом циферблате, – совсем не цифры. – Вы должны помочь нам вернуть то, что мы, по нашей общей вине, потеряли. Просто не доедайте кашу, оставляйте по чуть-чуть. Вот столечко... – уточнил Джон Доу, соединив большой палец с указательным.

В этот момент Платон почувствовал, что пространство сновидения стало меняться. Драцена исчезла, а на ее месте появилась метла. Она одиноко валялась на полу, словно кем-то забытая.

– Платон! – В какой-то момент Джон неожиданно крепко схватил Платона за руку и потянул его к себе. – Платон, вы простите меня за это, но иначе вы не вспомните ничего из того, что я вам только что рассказал.

Платон открыл было рот, чтобы признаться Джону, как Дженнифер поступила с ним, отправив его в прошлое, чтобы он, по всей видимости, познакомился с Кэрл, которая должна была, наверное, впоследствии помочь ему деньгами, для того чтобы он, как полагается, мог спокойно закончить начатое, но не успел произнести и слова, как Джон молча повернул руку Платона ладонью вверх и затушил о нее сигарету.

Платон заорал от дикой боли и вскочил на кровати в пропахшей нафталином палате.

Глава 20. Маленькие ручки, огненные глазки

Вернув таинственного гостя в его тесную палату, Горан внезапно захотел подняться на самый верх Ямы, чтобы выйти наружу и как следует продышаться холодным вечерним воздухом.

Обычно в это время марсианских суток на помосте весьма людно: миссионеры собирались, чтобы пообщаться друг с другом, обсудить новости, поговорить о Земле и полюбоваться на падающие звезды. Но не сегодня. Сегодня был большой праздник – шестая годовщина со дня Преображения, со дня явления Дженнифер, поэтому все с нетерпением ждали трансляции ежегодного концерта в ее честь.

«Как же хорошо, когда здесь никого нет!» Горана совсем не волновали ни праздник, ни приуроченный к этому празднику концерт. С переездом на Марс ему было сильно не по себе. Помимо СЛВ, он чувствовал необъяснимую тоску по прошлому, и хотя он прекрасно помнил свою жизнь до преобразования, понять, почему именно он так тосковал, Горан никак не мог. Банальное детство в СССР, институт с отличием, первая работа в Нью-Йорке, много лиц, много рукопожатий, автомобильная авария, долгая реабилитация после лечения, возвращение в Москву, скучная работа в МИДе. Ничего интересного...

Горан медленно подошел к самому краю помоста и, как он любил всегда делать, устало облокотился о дутые металлические перила.

Марсианская долина заметно потемнела, отчего казалась совсем неприветливой. На холмах кое-где уже зажглись сигнальные огни, и хотя небо все еще оставалось светлым, оно уже было усеяно звездами, а Млечный Путь величественно чертил круг своей спирали, словно кто-то поворачивал весь мир целиком. Ощущение ночи проникло в душу сутулого Горана незаметно и так глубоко, что он поежился. «Волнение? Откуда взялось это волнение? Откуда во мне такая непримиримая тоска?» – думал он, погружаясь глубже в мысли.

Порыв прохладного марсианского ветра неожиданно всколыхнул его черные волосы, а после бережно пригладил их обратно.

«Горан, – тихо позвал его женский голос. – Го-о-ора-а-ан! Милый мой Горан!»

«Дженнифер? Дженнифер, это ты?» – мысленно спросил Горан.

«Скучал по мне, Горан?»

Горан почувствовал прилив крови и учащенное сердцебиение. В голове зашумело, как шумит море в ракушке. Горан уставился на свои руки. Он с такой силой сжимал перила помоста, что кисти побелели.

«Почему ты ушла от нас?»

Вопрос Горана тяжестью повис в пустоте.

«Почему ты ушла, Дженнифер? – повторил он. Голос стал крепнуть. – Почему ты нас бросила, Дженнифер?»

«Я всегда была рядом, я вас не бросала...»

«Я не понимаю тебя, Дженнифер!»

Дженнифер молчала. Казалось, она подбирает правильные слова, хотя она всегда знала, что именно и как именно говорить каждому из них.

«Мне пришлось уйти, чтобы не погибнуть...»

Горан поднял голову к синеющему небу и посмотрел вглубь космоса. Что-то ударилось об аэродинамическую конструкцию помоста. От этого помост немного задрожал, и Горан машинально сделал два шага назад, отступив от края.

«Он ступает тихо, но слышат его все! ГОР-Р-Р-РАН-АН-АН-АН!»

«Что ты такое говоришь, Дженнифер? Я тебя не понимаю!»

С голосом Дженнифер творилось что-то ненормальное. Она выкрикивала, выплевывала, проглатывала слова, она не говорила, а скорее ругалась. Речью такое трудно было назвать.

«Бры-та-так-так... Он ступает тихо, но слышат его все!» – повторила Дженнифер.

«О ком ты говоришь, Дженнифер?!»

Ветер успокоился. К счастью, голос Дженнифер стал прежним.

«Ты знаешь о ком, милый мой Горан! Мой несчастный, добрый Горан! Не переживай так сильно за нее! С ними все еще может быть хорошо!»

Горан пошатнулся и упал на свои острые колени. Мир качался и рушился с таким оглушительным грохотом, что Горан закрыл уши. Его пронзали невидимые иглы. Боль была так страшна, что Горан решил, что через секунду умрет. При этом слова Дженнифер, как и сам ее образ, отстранялись.

«Кто они? Кто они? Кто они? Кто ОНИ?! О ком она, черт побери, говорит?!»

Щелк!

На миг Горан увидел прямо перед собой яркую картину. Он в каком-то зале. Зале ожидания? Чего он ждет? На нем синяя куртка-аляска. Он бледный, глаза пустые. Совсем как у мертвеца. В руках белый одноразовый кофейный стаканчик. Маленький, мятый. Люди ходят мимо хаотично. Какая-то женщина неожиданно садится рядом на корточки, заглядывает ему в лицо, в самую пустоту его серых, глубоко посаженных глаз, и что-то говорит, говорит, говорит. Вкрадчиво, нежно, убедительно. Пусть говорит, он все равно не видит ее в упор. И не слышит. Потом она кладет руку ему на плечо. Встает. Колеблется. Снимает руку с плеча и уходит. Он не шелохнется. Он застыл. По его щекам медленно катятся слезы. Он понимает, что только что потерял семью.

Щелк!

Боль закончилась. Наступило оцепенение.

«Вспо-ми-най изнутри...» – послышался ускользящий шепот Дженнифер.

«У... нас... была... дочь?»

«Правильно! Как ее звали, вспомни!»

«Тоня. Боже мой! Ее звали Тоня!»

«Да-а...» – с наслаждением сказала Дженнифер.

«Маленькие ручки, огненные глазки. Веснушки... Кукла Барби... Без... руки...»

«Вспоминай еще!»

«Она ждет. Смотрит в серое ненастье и ждет меня. Не спит».

«Да-а...»

Снова подул холодный ветер. Горан заплакал.

«Маленькие ручки. Огненные глазки. Твои фломастеры засохли, солнышко мое!»

«Не останавливайся, продолжай вспоминать!» – приказала Дженнифер.

Горан забормотал что-то, а потом произнес нараспев: «Папа поздно будет точно. Папа поздно будет точно. Он придет домой, как тень. Он придет домой, как тень. Незаметно, тихо, кратко. Пробрется к ней в постель. Поцелует, улыбнется, и настанет новый день. Новый день».

«Еще. Вспоминай еще!»

«Седеющие воды Атлантического океана, седеющие воды океана заберут мой дом... заберут мой дом».

«Еще».

«У меня есть друг. У меня есть враг».

«Вспоминай еще».

«Белые куски самолета. Белые куски самолета плывут и тонут. Черная вода кругом. Не видно дна...»

«Вспоминай еще».

«Америка. Нью-Йорк. Гостиница „Плаза“. Он заказал виски, но мне не хочется пить! Лед! Что-то во льду! Там что-то есть! Я не знаю что!»

«Еще!»

«Я больше не могу, Дженнифер! Оставь меня в покое!»

«Можешь! Вспоминай!»

«За мной кто-то идет... Их двое, они в машине... Это старый „Линкольн Континентал“ семьдесят девятого года... Они в шляпах... А я... Я несу термос...»

«Говори, что там!»

«Исходный код».

«Да».

«Они в машине. Они ждут. Хотят узнать правду и нервничают. Думают об убийстве. Один вышел и курит. Сплевывает на грязный асфальт, а потом смотрит на уползающую ржавую луну в сером небе. На его костюм падают капли дождя. Они знают многое, но не все им подвластно. Но не все им подвластно...»

«Не все им подвластно!» – соглашается Дженнифер.

«Моя жена!»

«Как ее звали, Горан? Вспоминай!»

«Кристина. О нет! Она на дне океана. Совсем одна! Я больше не могу так! Оставь меня в покое! Умоляю! Зачем ты это делаешь со мной?!»

Горан закрыл глаза ладонями. Млечный Путь по-прежнему чертил свой круг, то и дело роняя на Горана звезды.

Глава 21. Владыка

Владыка очень любил музыку. Его всегда тянуло к ней. С тех самых пор, когда владыка еще не особо умел ходить, его уже привлекало все мелодичное, поющее и ритмичное. К примеру сказать, когда включался телевизор и шел очередной концерт эстрады, он часто начинал приплясывать в своем маленьком манежике, топая и извиваясь всем своим тельцем. Делал он это так забавно, так потешно, что страшно умилял этим взрослых. «Смотри, смотри! – восклицала его мать, – смотри, как он пляшет! Вот умничка! Коля, сделай погромче! – обращалась она к мужу. – Коля, носи фотоаппарат! Скорее, Коля!»

О том, что владыка очень любит музыку, вскоре узнали многие, и вот накануне праздника братьями было задумано необычное. На шестую годовщину явления миру Дженнифер решено было организовать концерт, чтобы воспеть Дженнифер и ее основную заслугу, коей является, без всяких сомнений, победа над смертью. Ну и, само собой, жрецам хотелось порадовать владыку. Как же иначе?

До наступления мира Дженнифер такой царский сюрприз возможен был лишь в самой изощренной фантазии у какого-нибудь меломана с особенным по силе воображением. Спасибо технологиям! Они творили на Земле настоящие чудеса. И вот за год до празднества особо приближенные к правителю братья собрались вместе с неогенетиками, а также нужными чинами самых высоких рангов и отправились в ту часть Земли, которая когда-то именовалась нами Францией – на родину шансона и кабаре, а не только вина, устриц и улиток эскарго.

В бывшей Франции они посетили сразу несколько мест. Сперва это было заброшенное кладбище коммуны Даннемуа на севере, а поскольку сейчас оно располагалось в аномальных территориях, то требовалось специальное разрешение от хранителей, для того чтобы осуществить высадку здесь на любом летательном аппарате. Такое разрешение имелось, поэтому рано утром, когда солнце еще не вошло над горизонтом, можно было увидеть, как плоский воздушный корабль с залихватски крученными белоснежными крыльями плавно парил над лесными массивами Фонтенбло и Алатты, пролетал над когда-то плодовитыми садами славного Версаля, Шантийи и Во-ле-Виконта.

Когда аппарат прибыл к месту высадки, он зажужжал, как пчела, и стал медленно, с осторожностью опускаться вниз. Яркие посадочные огни осветили длинный забор, сложенный из камней полуразрушенной ограды, и стали двигаться по могильным плитам с именами и датами, высеченными когда-то, но навсегда забытыми чуть ли не всем человечеством. Встревоженные деревья закачались, их листья испугано задрожали. Аппарат замер, повиснув метрах в десяти над поверхностью. Что-то звонко щелкнуло, послышалось характерное «бз-з-з-з-з-з-з-з». Фосфорным пятном на землю упал пучок света. Растянувшись на три метра, он превратился в длинную полосу, которая стала ползать, елозя по влажной от утренней росы земле. Луч лениво переползал с могилы на могилу. Это продолжалось недолго, поскольку буквально через минуту он замер на могиле, что была немного больше, чем остальные. «Бз-з-з-з-з-з-з-з» – луч снова сошелся в точку, а затем исчез. Внутри летательного аппарата что-то чиркнуло – открылся небольшой люк, и из него появилась длинная игла. Игла крепилась основанием к гибкой проволоке, которая, извиваясь, походила на смертоносную змею, разве что не шипела. Жало опустилось к могиле и стало беспрепятственно вонзаться в рыхлую землю. Когда игла достигла своей невидимой цели, моторы корабля зажужжали сильнее, как бы придавая этому пугающему процессу недостающие силы. Провод напрягся и немного вздулся. На лежащую рядом статую молодого мужчины, одетого в осеннее пальто, с вальяжно перекинутым длинным шарфом, сели два черных ворона. Они принялись разглядывать иглу и встревоженно каркать при каждом новом содрогании провода. Наконец корабль втянул в себя жало и заревел двигателями. Он взмыл в небо и направился по своему скорбному маршруту дальше.

Владыка ничего не знал о приготовлениях. Ему было доложено лишь о том, что будут выступать лучшие из лучших, что ему не следует волноваться и всячески переживать, поскольку всем обязательно понравится концерт. «Он будет славным, он будет звучать во всех уголках планеты и воспевать Дженнифер», – говорили братья, убеждая владыку в том, что успех мероприятию обеспечен. «Он неминуем!» – заключали они.

Владыка любил братьев, но не любил хранителей. Чувствовал он, что от них исходила необъяснимая сила, которая, как ему казалось, была опасной для сохранения власти ордена. Ведь то, что сделали когда-то братья, не могло пройти бесследно. «Рано или поздно нам всем придется за это ответить...» – думал владыка, усаживаясь в свое кресло. Концерт должен был вот-вот начаться, и его утомленное опасениями сердце сомневалось больше обычного.

Владыка слегка наклонился вперед и с удивлением посмотрел на тысячи собравшихся в точной копии амфитеатра Флавия¹⁷. Кроме владыки и его верноподданных братьев ордена жрецов, никто не помнил великого Колизея, как никто не помнил его основателя – императора Веспасиана, да и вообще о древнем мире никто ничего не знал. Все было уничтожено и забыто за одну ночь. Ничего не осталось. Лишь на аномальных территориях можно было набрести на развалины старого мира: искореженную Эйфелеву башню, например, или куски красного кирпича у подножия развалившейся кремлевской стены.

Над Колизеем возвышалась гигантская золотая статуя женщины. Правая рука ее была властно вытянута и повернута ладонью вниз. Казалось, она возвышалась над всеми новыми людьми и благословляла мир, созданный ею шесть лет назад. Волосы скатывались с плеч, красивое лицо излучало заботу и доброту, глаза смотрели вдаль на волшебное сияние, исходящее от стеклянных колб высоких небоскребов столицы мира, города Зеленых Зеркал.

Владыка подошел к краю ложи, где были установлены микрофоны, вкрученные в холодные каменные плиты перил. Владыка еще раз подивился количеству людей, собравшихся на праздник, деловито прочистил горло, выдержал нужную паузу и начал:

– Я рад приветствовать вас сегодня здесь, друзья!

Колизей загудел в ответном приветствии.

– Вот уже шесть лет как мы живем в новом мире! – Слова вырывались из репродукторов и быстро разлетались всюду, они были слышны даже на Марсе. – В мире, лишенном тлетворных болезней, кровавых войн, лишенном скорби и страданий!

– Спасибо Дженнифер за это! – закричали нувры.

Владыка одобрительно закивал. Он отпил глоток из хрустального бокала, глубоко вздохнул и задумчиво продолжил:

– Хочу поделиться с вами одной историей, друзья! Я хочу рассказать о Дженнифер!

Гул в зале сразу уменьшился – все насторожили слух. Ежегодное обращение владыки много значило для них.

– Накануне той самой ночи – ночи, когда мир раз и навсегда изменился – я с отчаянием ждал своей смерти. Мне казалось, что я никогда не смогу победить свой страх. Мое тело, – владыка поднял руки и демонстративно посмотрел на одну руку, а после на другую, – оно было истощено голодом и болезнями, а мое сердце, – владыка положил правую ладонь на свое сердце, – было разбито. Меня бросили самые близкие мне люди. Они оставили меня в полном одиночестве, и лишь она... она, – повторил владыка, и голос его задрожал, – она спасла меня от неминуемой гибели в страшном месте, изменив раз и навсегда мою судьбу, восстановив истину и справедливость! Она дала мне шанс помочь ей изменить этот мир, избавить его от боли, страданий, избавить его даже от смерти! Она дала нам всем шанс сделать шаг навстречу прогрессу! И мы не упустили его! И вот скажите мне, – воскликнул владыка, – почему мы сделали этот шаг?!

¹⁷ Колизей, памятник архитектуры Древнего Рима.

Колизей взорвался грохотом. Нувры отвечали владыке, почему они сделали шаг навстречу прогрессу. Они скандировали: «Мы – это она, она – это мы, мы – это она, она – это мы!» Владыка скандировал то же самое вместе с остальными. Потом он вскинул руки к небу, обращаясь к гигантской статуе Дженнифер.

– Этот концерт, – громогласно продолжил он, – мы посвящаем тебе, Дженнифер! Шесть лет назад ты замолчала. Шесть лет назад ты дала нам свободу решать самим, как поступать с твоим миром! Шесть лет назад ты завещала, как нам жить в новом тысячелетии. Сегодня мы посвящаем тебе этот концерт, потому что я знаю, что, когда мы обращаемся к тебе, ты нас слышишь! Мы знаем, что, когда мы просим тебя нам помочь, ты всегда помогаешь! Мы верим в тебя, Дженнифер! Верим так же страстно, как однажды ты поверила в нас! Да здравствует Дженнифер!

Новыми людьми овладела всеобщая эйфория торжества этого особого для нового человека события, и они стали вторить своему правителю, громко выкрикивая: «Да здравствует Дженнифер! Да здравствует владыка! Ура, ура, ура!»

На этом как всегда лаконичная речь владыки закончилась. Он помахал всем и сел обратно в свое громадное кресло. Все бы хорошо, если бы не странные и непонятные слова Дженнифер, услышанные им накануне.

«Твой мир остекленевает, – говорила она ему, – и ты слышишь, как он идет? Он ступает тихо, но слышат поступь все! Твой мир замерзает! Ты слышишь, как он ступает? Он ступает тихо, но слышат поступь все!»

Владыка не слышал его поступи (кто бы он ни был), но вот то, что он услышал сейчас, привело его в полный восторг. Первый раз за шесть лет он улыбнулся.

Начался концерт тысячелетия. На сцену вышел живой Клод Франсуа¹⁸. Светловолосый, молодой, красивый, как древнегреческий бог, в окружении своих очаровательных клодетт¹⁹, в блестящем костюме, озаренный софитами, он стал исполнять когда-то популярную композицию под названием *Alexandrie Alexandra*²⁰, сочиненную им в далеком семьдесят седьмом году.

¹⁸ Знаменитый французский певец, композитор и шоумен.

¹⁹ Группа танцовщиц, которая гастролировала с К. Франсуа.

²⁰ «Александрия Александра» – одна из самых известных песен в исполнении К. Франсуа.

Глава 22. Привет, привет!

Платон вскочил, открыл глаза и с разочарованием понял, что он все еще на Марсе, а не в художественно ухоженном столичном парке города Москвы.

Платон посмотрел на ладонь. В самой середине ее пульсировала боль, а красное пятно ожога казалось совсем свежим. Он поднялся. У него болела голова, и было смутное ощущение, что он спятил. Платон хмуро взглянул на Петровича, который застилал кровать.

– Давай быстрее, – буркнул тот через плечо, – нам пора строиться.

– Какое еще построение?

– На линейку, – подоспел с ответом Шурик.

– Мы же не в школе. Какая еще, к черту, линейка?

– Платон, мы живем здесь по строгому расписанию. Ты привыкнешь, а пока давай быстрее умывайся. Я помогу тебе застелить постель.

– Нечего ему помогать! – прикрикнул Петрович. – Пусть сам справляется.

Платон ничего не ответил. Он открутил до упора кран и опустил под холодную струю ожог. Ему сразу стало намного легче, пульсирующая боль пропала. Когда Платон вернулся, Шура уже застелил кровать. Он дружелюбно улыбнулся Платону и подошел к черте на полу. У черты были деления – всего четыре. Видимо, по одному для каждого.

– Давай быстрее! – скомандовал Петрович.

Платон послушно подошел к нужному ему отрезку и встал так же, как и остальные, на нарисованные контуры пяток. Буквально через двадцать секунд снаружи стали отпирать. Замочные механизмы заскрипели, залязгали и принялись с натугой проворачиваться один за другим – щелк, щелк, щелк! Когда железная дверь открылась, в камеру зашел санитар с комично острым лицом. Нос его был как клюв – тонкий и завернутый вниз, а глазки маленькие, как у молочного поросенка, и к тому же злые. Санитар сперва заторопился осматривать, насколько хорошо застелены кровати. Затем он подошел к Платону, да так близко, что тот машинально отступил. Санитар тут же опустил голову вниз и посмотрел на черту.

– Стоять ровно! – рявкнул он.

Петрович и Шура, оба бледные, смотрели в пустоту прямо перед собой. Платон поспешил выровняться и тоже уставился в противоположную стену. Затем санитар подошел к Петровичу и молча вручил ему свиток. Петрович послушно взял его и снова выпрямился по стойке смирно. Когда санитар вышел, его сменили двое других – более спокойные и даже, как показалось Платону, несколько расслабленные. Они зачем-то обыскали всех троих, а после попросили на выход. Сначала вышел Петрович, затем Шура, после Платон, а санитары двинулись следом за ними.

Такой небольшой колонной они направились по знакомым Платону металлическим переходам, где на этот раз были не одиноки. Такие же колонны двигались и на других ярусах. Больных в одинаковых полосатых пижамах было очень много. С какофонией из лязгающих дверей, криков надсмотрщиков, монотонных шагов и громких, лающих указаний это пространство казалось еще более абсурдным и страшным, чем накануне, когда оно было пустым и безжизненным. Больница оживала на глазах. «Боже, как много людей!» – думал Платон, стараясь не отставать от тучного Шурика.

«Пум-пум. Доброе утро! Новый день всегда приносит радость!» – доносился из репродукторов, прикрученных к высоким белым сваям, ровный спокойный голос. Голос был, конечно же, женским. Неужели это Дженнифер? «Пум-пум, – проигрывалось вступление, как это обычно можно слышать на аэровокзалах. – Труд изменяет! – бодро продолжал голос. – Труд ведет нас к выздоровлению. Пум-пум. В наших правилах работать усердно, чтобы поско-

рее поправиться! Пум-пум. То, что мы сделаем сегодня, поможет нам завтра же пойти на поправку. Пум-пум».

Маленькие колонны струверов, миновав свои уровни, начинали встречаться, сливаясь потоками в общих переходах, которые были в меру широкими, чтобы в них помещались одновременно по семь-восемь рядов. Люди шли как на параде, слажено. Они сливались в одно целое и походили на гигантскую серую гусеницу.

«Пум-пум. Доброе утро, труженики Марса! Сегодня день кораллов! Команды, набравшие больше всех очков, получают коралловый титул. Пум-пум». Заиграла музыка. Это была какая-то детская песенка о кораллах. *«Синее море бурлит и пенится, – пел детский хор, – а солнце гори-и-и-и-ит. Плаваем мы, играем, смеемся, знаем, что мир наш звени-и-и-и-ит!»* Платон подумал, что нагромождение абсурда идет полным ходом. Немного подождать – и розовые слоны полетят ему навстречу.

«Пум-пум. – Детская песенка закончилась. – Дорогие труженики Марса! – снова обратился к ним бодрый женский голос. – Завтрак – это самый важный этап трудового распорядка! Наберитесь сил, ешьте наши каши. В конце рабочего дня мы спросим у каждого из вас, какой был вкус! Пум-пум. Напоминаю, отметки ставятся перед самым выходом из рабочей зоны. Пум-пум. Напоминаю! Все тарелки должны быть чистыми. Приятного вам аппетита! Пум-пум».

А вот и пресловутые каши, о которых, видимо, предупреждал его мистер Доу. Платон потер ожог. Боль утихла, но теперь рука назойливо чесалась. Платону вспомнилась известная в свое время реклама компании «Эппл»: «24 января „Эппл Компьютер“ представит „Макин-тош“. И вы поймете, почему 1984 не будет как 1984».

«Это уж точно! Разница так разница, ничего не скажешь! В моем двенадцатом году люди не делились на старых и новых и не содержались на принудительном лечении на Марсе. В моем году, – размышлял Платон, вышагивая бодрим маршем по переходам марсианской больницы, – люди делились на богатых и бедных, на счастливых и несчастных, на больных и здоровых, на либеральных и консервативных, на молодых и старых, на умных и глупцов, но никак не на старых и новых!»

Наконец переход закончился огромными воротами, какие можно увидеть разве что в бомбоубежищах, расположенных в метрополитене. Колонны пациентов стали быстро заполнять огромный зал. Судя по тошнотворным запахам горелой резины, зал этот являлся больничной столовой. Платону стало плохо при одной мысли о кашах. От таких резких запахов его повело куда-то в сторону. Еще немного, и он столкнулся бы с соседями, но его вовремя подхватил конвоирующий санитар и вернул обратно в строй. Вскоре колонны заканчивали свой путь. Они останавливались у вытянутых стоек, рядом с которыми начинала образовываться очередь. Пациенты брали жестяные подносы и проходили к пунктам выдачи. За стойками стояли высоченные люди в фартуках. Они обслуживали толпы, наливая каждому свою порцию каши. Огромными половниками они зачерпывали серую жижу и выплескивали ее в глубокие пиалы, затем протягивали их людям и снова черпали грязными ковшами, чтобы вылить дурно пахнущую жидкость следующему в очереди. Получив кашу, заключенные вытаскивали из диспенсеров ложки и проходили к свободным столикам. Чиркали ножки стульев, гремела посуда, поднимался вялый гомон утренних дискуссий.

Взяв в руки кашу и вытянув из диспенсера ложку, Платон последовал за своими спутниками. Петрович и Шура выбрали столик подальше от очереди и по привычке уселись друг напротив друга. Они поздоровались с соседями и принялись с аппетитом поглощать кашу. Платон сел рядом с Шурой и осмотрелся. Напротив него сидел угрюмый лысый мужик с широкими, как у моряка Попя²¹, плечами и такими же здоровенными ручищами. Они были все

²¹ Известный мультипликационный персонаж, который любил есть шпинат.

в мозолях, часть из которых еще не полопались и дутыми волдырями розовели тут и там – зрелище не из приятных.

Рядом с моряком Попаем сидели более приятного вида люди. Один из них походил на молодого Билла Гейтса, такого же угловатого ботаника, о котором точно не скажешь, что он станет миллиардером. Он сидел и с грустью разглядывал свою полупустую тарелку. Он был очень бледен и точно не хотел есть. Наверное, был нездоровым. Платон про себя отметил, что такому бы дать тарелку салата из листьев рукколы – он точно стал бы счастливее. С другой стороны сидел невероятно маленького роста мужичок с короткими рыжими волосами, торчащими пушком из неправильной формы головы, и веснушчатый мясистый маленький личиком, напоминающим куклу Чакки²², только не злую, а добрую. Его зеленые глаза внимательно изучали Платона. Платон приветливо кивнул. Малыш (иначе его назвать было сложно) кивнул в ответ и принялся уплетать кашу, как будто вспомнил, что она у него есть. Если у других тарелка была в районе пупка, то у малыша она лежала чуть ли не под самым носом. «Бедолага», – подумал Платон и посмотрел на свою порцию; поморщился, поводит пластмассовой ложкой и с осторожностью поднес ее к носу. Запах шел жуткий. Платон сперва боязливо коснулся ложки кончиком языка, но, ничего не почувствовав, набрался смелости и опустил ложку в рот. Каша оказалась вполне нормальной. Вкус напоминал курагу. «Платончик, курага хороша для твоего сердечка!» – часто повторяла в детстве мама. «Боже ты мой, где же мои родители в этом дурдоме? Где моя сестра?» Платон впервые вспомнил о родных, и ему стало страшно за них.

– Ешь!

Платон повернулся в сторону говорящего. Это был Петрович.

– Ешь чертову кашу! У нас день кораллов! Нам нужны коралловые нашивки! Ты в отряде. Смотри, просрем кораллы – виноватым будешь ты!

Платон решил не перечить и послушаться сварливого деда, поэтому он принялся есть свою порцию каши проворнее. Вскоре возникло чувство быстрого насыщения и нечто очень похожее на то, что Платон испытывал, когда отпивал из фляжки Марата. Появилась радость легкости. Он ел и чувствовал, что парит над стулом, – так вдруг стало хорошо. Вскоре Платон понял, что запах больше не тревожил, наоборот, он ему очень нравился.

– Что у тебя там?

Платон вопросительно посмотрел на Шурика.

– Не понял.

– Что на дне? Рисунок какой?

Платон взял тарелку и показал Шуре.

– А ты чего же не доел-то?! – возмутился он.

– Хочешь – доедай, а мне хватит, – постарался как можно безразличней ответить Платон.

Шура вмиг очистил тарелку.

– Ого, глянь, Петрович, у новенького скарабей!

Петрович взял тарелку, чмокнул губами и, ничего не сказав, вернул ее обратно.

– Скарабей – это добрый знак, – сказал Шура, разглядывая аппликацию.

– Ну а у тебя что? – спросил Платон, чтобы поддержать добряка.

– Сегодня ничего, – вздохнул Шурик, – а вот вчера была роза. Темно-алая. На толстом стебельке. Такие когда-то дарили женщинам, говорят. Ты помнишь?

Платон посмотрел на Шуру, как смотрят на умственно отсталых детей – с жалостью и умилением, а когда он открыл рот, чтобы ответить, – загудела знакомая сирена. Заключенные стали подниматься и самостоятельно выстраиваться в длинные колонны, чтобы попасть теперь в противоположную от входа часть зала. Платону пришлось ждать минут двадцать, прежде чем

²² Имеется в виду персонаж популярной кинофраншизы – кукла, в которую вселяется злой дух.

очередь дошла и до них. Когда они миновали ворота, то попали в стыковочный зал, похожий на предыдущий. В конце зала располагалось множество овальных проходов. Платону они показались гигантскими мишенями, наподобие тех, какие используются в биатлоне. Они открывались, чтобы пропустить очередную колонну внутрь, а после захлопывались со свистом и грохотом. Платон попытался рассмотреть, что там внутри, но, кроме черноты, там не было видно ничего: ни проблеска света, ничего – лишь пустота и безнадега. Платону стало тоскливо. Он снова вспомнил о близких и подумал о сестре, которая пригласила его на воскресный обед, чтобы попытаться наладить его личную жизнь, познакомив со своей подругой-скрипачкой. Увы, обед пришлось отложить, и скрипачку вместе с ним. Не судьба!

По мере приближения к этим проходам Платон увидел столбики. Они были соединены синими лентами, какие обычно используют при прохождении паспортного контроля. В каждый из проходов ныряли колонны, но прежде чем пройти, лидеры колонн отдавали свертки дежурным. Когда Петрович отдал свой, Платон занервничал. Слишком уж лихо хлопала эта дверь, ведущая в чрево тоннеля. Слишком уж лихо! Над головами висели два больших фонаря; когда загорался зеленый, двери открывались и колонны могли свободно проходить в пустоты, а когда горел красный, колонны терпеливо ждали своей очереди. Платон поежился. Совсем скоро ему придется сделать очередной шаг в неизвестность. От природы живое его воображение всегда доставляло много хлопот и неудобств. Сейчас он представил, как заслонка разрезает его пополам. Один кусок шмякается назад, а другой куда-то вперед. Лужа крови, похожая на пенящийся малиновый сироп, быстро расплзется кругом, и заключенные пачкают в ней свои серые тапки.

Над проходами появилась большая яркая надпись: «РАБОЧАЯ ЗОНА». Она зажглась, как зажигается вывеска у придорожного мотеля: задрожала, а после включилась, но не всеми буквами разом, сперва «РАБЗОНА», а уж потом целиком: «РАБОЧАЯ ЗОНА». Настала их очередь. Платон увидел, как красный фонарь выключился и – хлоп! – сменился зеленым. Заглушка ожидаемо взмыла вверх, обнажая за собой пугающую черноту. Петрович шагнул и – бум! – сразу же исчез, следом исчез и Шурик. Платон нырнул за Шуриком и моментально почувствовал, как по спине прошел ветерок. Оказавшись в крошечной темноте, Платон успел отметить, что шагает сквозь какую-то мембрану, плотно окутывающую его тело потрескивающим электрическим полем. Вскоре он увидел Шурика и Петровича, они как ни в чем не бывало двигались в направлении необычного транспортного средства, рядом с которым хлопотали охранники. Внимание Платона привлекла надпись на приспособлении, это было слово «ВАКУУМ». Рядом с надписью находился указатель в виде волнистой стрелочки. Платон посмотрел в ту сторону, куда она указывала, но ничего, кроме шершавой стены, не увидел. Пока он смотрел, один из охранников захлопнул стеклянную дверь и ударил кулаком по красной кнопке. Послышался звук, похожий на выстрел, и капсула со свистом улетела куда-то по трубе дальше.

– Следующие! – Охранник торопливо замахал в сторону их колонны. Новая капсула выкатилась из полупрозрачной трубы и заскрипела основанием, останавливаясь.

Петрович послушно развернулся так, чтобы быть спиной к трубе, второй охранник принялся его усаживать. Затем он помог Шурику и, наконец, взялся за плечо Платона. От крепкой хватки Платон вздрогнул, но охранник, по всей видимости, этого не заметил. Он заставил Платона пролезть в узкую капсулу и ловко застегнул ремень безопасности, после чего дернул за него, чтобы проверить.

– Это вакуумная капсула, – густым басом объяснил он. – Когда я дверь закрою, задержи дыхание. После хлопка дышать можно. Понял?

Платон вспомнил, как под самый конец августа, прошлым летом, когда в течение трех недель у него не переставая болела голова, он, измученный и напуганный, ходил к врачу в районную поликлинику. Врач долго писал что-то на бумажке, а потом сообщил, что, прежде чем

определился с диагнозом, надо сделать томографию головного мозга. Вот тогда ему, помещенному в трубу, тоже говорили, когда дышать, а когда нет. Мог ли он подумать, при каких обстоятельствах он услышит подобные советы снова?

Кивком Платон дал понять охраннику, что он все уяснил. Было страшно некомфортно сидеть в узком кресле с фиксированными ногами, грудной клеткой и головой. Единственное, что Платон мог сделать, – это отодвинуть подголовник немного назад. Охранник вытащил свой громадный торс из капсулы и резко захлопнул дверь. Из динамиков вновь послышался чудесный женский голос, который вежливо попросил их не дышать. Платон замер. Он не дышал, но слышал, как все тело пульсирует, ухаает от тяжелых ударов сердца, словно по нему били молотом. Дальше было то, о чем предупреждал охранник, – хлопок. Совсем не громкий, как разорвавшаяся новогодняя хлопушка в соседней квартире вечером под Новый год. После этого хлопка тело Платона вместе с креслом вдавилось назад и отъехало. «Дышите!» – сказала девушка. Кресло нехотя вернулось назад. Струйки пота потекли по лбу. Платон чувствовал, как капсула несется на запредельных скоростях. Сколько еще будет продолжаться это погружение в неизведанный и пугающий мир, он не знал. Единственное, в чем он был уверен (или хотел быть таковым), так это то, что в конечном итоге все будет хорошо. Она же обещала. И он ей верил.

Пока Платон думал о Дженнифер и о ее «ничего не бойся» в смс-сообщении, что-то загудело над головой, а потом тревожно засвистело. Его тело вдавилось в противоположную сторону, кресло накренилось и поехало следом за вектором тяги. *«Пум-пум. Добро пожаловать в рабочую зону! Сегодня прекрасный день, чтобы как следует поработать! Команды, набравшие больше всех очков, получают коралловый титул. Пум-пум».*

Дверь тихо крякнула и распахнулась. Из-за того что голова глубоко сидела в фиксаторе, Платону с трудом удалось повернуть глаза навстречу свету. Солнце ласково погладило его осунувшееся лицо, но тут же исчезло, поскольку в кабине появился исполинский торс очередного охранника. Сперва великан помог вылезти Петровичу, затем он вытащил Шурика и только тогда потянулся за Платоном. Тряхнув что-то за спинкой сиденья, он высвободил крепления. Запястья ныли, пот струился по лбу, затылок болел от сильного давления фиксирующих механизмов.

– Ноги... Сначала ноги! – прорычал охранник.

Платон неуклюже вытащил левую, а затем правую.

– Хватайся за поручни! Живее! – громко скомандовал он.

Платон поискал глазами поручни и увидел две рукоятки, приделанные к основанию капсулы, они были совсем как в автобусах – толстые и скользкие. Платон схватился за них и вытянул себя наружу. Осмотревшись, он понял, что находится под открытым небом посередине перрона, окруженный со всех сторон изломанными пейзажами марсианских просторов. Чуть далее от вакуумного поезда несколько роботизированных клешней с грохотом и треском разбирали завалы, состоящие из неподъемных на вид камней. Они хватали обломки и бросали в сторону дельтовидной пасти прессы, который безотказно проглатывал их и разжевывал, размельчая и ломая, как орехи. Облако пыли не успевало закрывать собой место работ, поскольку сразу улетало за сильным и, по всей видимости, постоянным ветром. Из-за яркого солнца Платон сразу не смог заметить, что неподалеку, метрах в ста от стройки, располагалась шахта, над которой был установлен массивный крестообразный кран. Кран опускал клеть с людьми в аквалангах. Сосредоточенные лица сильно блестели на солнце, точно были покрыты толстым слоем жира.

На перроне началось движение: заключенные стали выстаиваться в новую очередь, которую формировали охранники по определенному принципу: те, кто был повыше, вставали в один конец, а кто пониже – в другой. Очередь росла очень быстро, она растягивалась серой цепочкой мимо глянцевых вагонов поезда, который к этому времени обнаружил себя целиком,

выкатившись из трубы на перрон. Платона попросили встать за высоким худощавым мужчиной с ввалившимися щеками и черными, как у жука, глазами. Платон назвал его про себя молчун. Молчун немного покачивался из стороны в сторону, возможно из-за дефектов в вестибулярном аппарате. Полосатая роба его висела на узких костлявых плечах, а едкий запах нафталина не сбивался даже на открытом воздухе. Платон искал Петровича с Шуриком и вскоре нашел их стоящими в другой стороне очереди, так как оба были гораздо ниже рослого Платона.

Неожиданно за спиной раздался хлопок. Еще один вагон выпрыгнул из трубы и лаконично прирос к корпусу основного состава поезда. Охранники открыли широкие крылья-двери и принялись отстегивать сидящих там людей. Раздался протяжный гул, похожий на клаксон. Вереница оживилась. Люди зашагали вперед и стали поочередно исчезать в дутом серебряном куполе, который соединялся небольшим навесным переходом с шахтой. Платон зашагал по мягкому песку, который приятно проваливался под его тряпичными сандалиями. Платон подумал о Кате. Она знала его и могла бы, наверное, объяснить, что же случилось с миром и как все это исправить. А что если нельзя? Вспомнив о наставлениях Джона Доу, Платон постарался отогнать тягостные сомнения. В такой непростой ситуации необходимо оставаться по возможности спокойным и не паниковать. Все это либо дурной сон, либо реальность, которая наверняка может быть отыграна назад. В любом случае все то, что разворачивалось перед ним, никоим образом не могло поместиться в чью-либо голову.

Погруженный в тревожные мысли, Платон не заметил, как оказался внутри купола под нависшим над очередью телевизионным экраном, на котором одиноко стоящий на сцене мужчина монотонно пел:

*Привет, привет!
А вот и снова я! Скажи, родная, как дела?
Вот время долгое прошло,
И вдалеке от дома пребывая,
Я думал о тебе, родная...²³*

– Боже мой! – прошептал Платон. Это был тот самый куплет, который явился предтечей к их с Катей неожиданно начавшимся когда-то отношениям.

Будто загипнотизированный, Платон остановился и посмотрел в светло-голубые глаза певца – в памяти Платона вспыхнул день, когда он впервые понял, что влюблен.

* * *

Тогда осень пришла в Москву, наверное, слишком рано. Уже в сентябре люди кутались в шарфы и пальто, а разъяренный прохладный ветер комкал и бросал ссохшиеся листья прямо под ноги. В некоторых местах их собиралось так много, что они хрустели, словно загородный снег в январе. Новый учебный год начался, как всегда, лениво и неспешно, так что по утрам институт казался пустым.

Одним таким сентябрьским утром Платон оказался в полном одиночестве на занятии по английскому языку, а когда долгожданный звонок заполнил пустые коридоры, он быстро собрал рюкзак и поспешил в буфет за любимой сдобной булочкой и сладким кофе, о котором мечтал на протяжении всего урока. Перекусив наспех, побежал на лекцию по культурологии в восьмой зал, куда уже стали подтягиваться его сокурсники. С кем-то Платон поздоровался за руку, кому-то кивнул головой. Настроение стало быстро улучшаться.

²³ Вольный перевод с французского песни Salut («Привет») в исполнении Джо Дассена.

Катя, как всегда молчаливая и задумчивая, сидела на последнем ряду и внимательно наблюдала за ним: вот он сел на первый ряд, растянул молнию рюкзака и вытащил пенал. «Зачем ему пенал?» – подумала она. Затем Платон достал толстенную тетрадь, которую принялся быстро листать. Девушка чуть заметно улыбнулась. Появился лопоухий Максим – закадычный друг Платона. Максим сел рядом с Платоном и тоже вытащил пенал. «Еще один ботаник», – подумала девушка. «Но не такой забавный, как этот», – заключила она, а после взяла маленькую шариковую ручку, задумчиво посмотрела в окно и стала что-то чертить прямо на старой деревянной парте. Надо сказать, что девушка была под впечатлением от Платона. И было от чего...

Тем летом, четырнадцатого июля, друзья Кати пригласили ее в модный ночной клуб «Парадокс», где проходила тематическая вечеринка, посвященная Дню взятия Бастилии и организованная, скорее всего, кем-то из французского посольства. Ночь обволакивала тогда самых разных ее гостей, среди которых были студенты, бизнесмены, певцы, музыканты, бандиты, проститутки, режиссеры, журналисты, преподаватели, чиновники, художники, пекари, шпионы, трансвеститы, домохозяйки, спортсмены. Сладковатый запах марихуаны витал в воздухе вместе с весельем, свободой и предвкушением сказочных приключений. Громкая музыка билась с ними в танце, будоража кровь каждому, и объединяла всех без разбора состоянием, близким к экстазу.

В этом фейерверке страстей (кто бы мог подумать) оказался и Платон. Он приехал в клуб со своей сестрой Агатой, та попросила брата поехать с ней, чтобы, как она выразилась, «не было так страшно». Он согласился, хоть и без особого энтузиазма, поскольку не любил ночной город, который всегда угнетал его. Вскоре к Агате присоединились еще несколько ее подруг, они были очень веселы и постоянно дразнили Платона, который на их фоне выглядел чрезмерно зажатым. Он брезгливо смотрел на окружающих, как бы компенсируя в себе этим чувство стыда, подло прилипшее к нему с рождения. Пожалуй, он был единственным, так сказать, незванным гостем в этом порочном месте, подогретом теплой летней ночью и безмерно далеким от целомудренного ханжества нашего героя, стыдливо скрывающего под собою комплексы и, что хуже всего, надуманный образ праведного романтика. В общем, Платон был девственником, и, скорее всего, это чувствовали развеселившиеся и не очень симпатичные подруги Агааты; они шутили над ним, пока несчастный был вынужден находиться в их обществе. К счастью, барышни нашли каких-то развязных студентов и переключили свое озорство на них. Тогда обиженный Платон (больше всего на Агату – за то, что она воспользовалась его братскими чувствами) стал протискиваться сквозь плотную толпу к выходу в надежде поскорее убраться подальше от этого кошмара.

– Платон?

Платон обернулся. Перед ним стояла его сокурсница, имени ее он не помнил. Молодой человек уставился на девушку с испугом и одновременно со смущением. Его бледные щеки вспыхнули, но в полумраке было видно лишь только то, как сверкают его глаза, в которых проницательная Катя успела считать неопределенность и тоску.

– Э...

– Это я, Катя. Не узнаешь меня? Мы учимся вместе. – Из-за громкой музыки Кате приходилось кричать в самое ухо Платону, чтобы тот мог ее услышать.

– Привет.

Платон почувствовал ее запах. Она пахла кофе и корицей. Во мраке ее зеленые глаза казались карими, а пышные каштановые волосы были предусмотрительно собраны в пучок, чтобы не так сильно впитывался дым от сотен сигарет.

– Что ты тут делаешь?

Девушка никак не могла представить Платона – отличника, победителя всевозможных телевизионных олимпиад и викторин – в таком злачном месте.

– Я... я с сестрой, – в ответ прокричал Платон и повернулся, чтобы поискать глазами Агату, но ее нигде не было видно.

– У тебя сестра есть? А у меня брат, – прокричала Катя и неожиданно протянула Платону руку, которую тот машинально пожал.

– Он тут? С тобой?

Платон не знал, что еще спрашивать. Ему захотелось поскорее закончить этот пустой, как ему казалось, разговор и отправиться домой, подальше от всех этих людей, шума и неожиданных встреч.

– Нет! Он уехал в Бейрут, у него там практика! Он археолог!

– Археолог?! – переспросил Платон.

– Ну да! Он как Индиана Джонс!

Сказав это, девушка наклонила назад голову и залилась смехом. Платон подумал, что она пьяна или под кайфом, и решил, что им пора прощаться. Но девушка схватила его за руку и повела за собой. Платон так растерялся, что последовал. Легко и быстро они добрались до самой центральной части танцевального пола. Играл новый хит Уитни Хьюстон Queen of the Night²⁴. У Платона от волнения подкашивались ноги. Светомузыка слепила глаза, а когда Катя положила на его плечи свои тонкие гибкие руки, Платон понял, что уже никуда не денется. Придется танцевать. Надо сказать, что он это делал впервые, так же как и многие иные вещи, которые нам кажутся особенными в этом прекрасном возрасте. Ему только что исполнилось восемнадцать. Днем ранее Кате исполнилось столько же. Они еще не стали по-настоящему взрослыми, но и не были детьми. Они принадлежали к одному поколению, соединяющему в себе абсолютно разные эпохи. Им суждено было синтезировать совершенно разные миры, удерживая и примиряя их не только своей внутренней силой, о которой им, как и многим другим, ничего не было известно, но и, можно сказать, сверхъестественной способностью понимать друг друга без слов.

После Уитни был трек Бьорк, потом настало время Селин Дион. Время свернулось клубком и с интересом следило за парой, которая сближалась с каждым новым движением, с каждым новым ударом сердца; словно окутанные невидимой негой, они все дальше удалялись в пространства, из которых нет обратных дорог.

* * *

Девушка начертила на парте: *«Знаешь, я теперь совсем другая, ты знаешь, я теперь совсем другая. Так много размышляла, мечтала о тебе. Мечтала о себе, о нас мечтала тоже... Безумны мысли были те, что ж – безумной казалась я себе. А ты по-прежнему молчишь... Ну что же, скажи скорее мне: ты воспоминание, родная. Не самое плохое, да? Представить только! Увы, не скажешь ты мне больше никогда: привет, привет! А вот и снова я! Скажи, родная, как дела? Вот время долгое прошло. И вдалеке от дома пребывая, я думал о тебе, родная!»*

²⁴ Королева ночи (англ.)

Глава 23. Встреча

«Следующий! Проходим! Проходим!» – донеслось из репродукторов.

– Ну что застыл, иди!

Платона кто-то толкнул в спину, возвратив из оцепенения. Когда он обернулся, то увидел афроамериканца, тот раздраженно и зло смотрел на него.

«Следующий!» – повторил металлический голос.

Платон не заметил, как миновал переход и оказался в основном зале купола. Перед ним стояли охранники и врачи, которые распределяли между всеми белые гидрокостюмы. За их спинами располагался овальный бассейн средних размеров, наполненный темной водой, сильно пахнувшей хлоркой или чем-то вроде нее. Со шлепками туда падали белые гидрокостюмы. Они вылетали из основного отверстия никелированной трубы, похожей на кран умывальника, который грозно нависал над всеми и сочился. Один санитар вылавливал костюмы из бассейна каким-то крюком и бросал в огромное алюминиевое корыто, расположенное рядом со зрителями. Из корыта уже другой санитар с усердием вытаскивал костюмы, а потом скручивал их под катушкой прессы, чтобы выжать. Затем он пополнял ими стопки, стоящие горками у распределителя. Платон подошел к нему. Великан был плотного телосложения, с толстыми губами, короткой мускулистой шеей и здоровенными руками в серебряных кольчужных перчатках, как у мясника. Платон протянул руки, и распределитель плюхнул в них гидрокостюм, оказавшийся невероятно легким.

– Следующий! – пробасил он.

Дальше очередь вела по винтовой лестнице вверх. Люди, которым выдали гидрокостюмы, поднимались по ней как-то неестественно. Ступали они лениво, вяло, какие-то все бесстрастные и безразличные к такой вот судьбе, совсем смирившиеся. Им было не привыкать, но только не Платону! Его понятное возбуждение сильно контрастировало на фоне этой обезличенной массы. Там, где лестница заканчивалась, он увидел стоящие в ряд черные капсулы. С человеческого роста, с дверцами-гармошками, совсем как у троллейбусов. Когда двери разъезжались, в капсулы проходили люди. Петрович и Шурик шли бок о бок в одну из кабинок, привычно неся перед собой гидрокостюмы. Платон поспешил за ними, а когда все оказались внутри, то он понял, что это раздевалка. Десятки голых тел неспешно наряжались в гидрокостюмы. Смотрящие за ними санитары в паре с солдатами сидели на высоких стульях и неспешно обсуждали что-то, время от времени делая замечания тем, кто совсем медлил или вовсе сидел на скамейке, опустив голову в задумчивости.

Шура, увидев Платона, по-свойски кивнул ему и принялся раздеваться, обнажая нежную розовую кожу на объемных припухлостях. Петрович кряхтел, снимая через голову полосатую робу. Платон увидел глубокие шрамы на его обнажившейся спине. Синие, словно вздутые вены тянулись и кое-где пересекались, отчего создавалась иллюзия, что это чертежи с каким-то загадочным смыслом.

Платон стянул с себя тапки, развязал пояс, снял штаны и скинул рубаху. Ему очень не хотелось расставаться с трусами, но это делали все. Стянув и их, он принялся примерять гидрокостюм. Удобнее всего это было делать сидя. Платон так и сделал. Он сел на скамейку и, задрав ногу, принялся натягивать на нее тянущуюся, как колготы, материю. На ощупь наряд этот был упругий, как силикон, и клейкий.

Далее из раздевалки они попали в коридор с водой на полу. Вода была темно-желтой и вязкой, почти как кисель. Она сочилась из маленьких дырочек, проделанных в полу, и слегка пузырилась. Шлепая и чмокая, все трое прошли по довольно узкому и приличному по длине коридору, освещенному плоскими лампадами, висящими синими блюдцами вдоль стен. Петрович открыл дверь. В новом помещении на потолке виднелись распылители, обдававшие каж-

дого мелкой липкой влагой. Солоноватая на вкус, вода эта налипла тонкой пленкой на глаза, попала в нос, проникла даже в легкие. Дальше сквозь висящие макаронами радужные резинки они попали в навесной переход, пикантно подкрашенный оранжевыми оттенками планеты. Из окон коридора был хорошо виден перрон. На него пулей влетали новые вагоны, а передние, наоборот, улетали, скрываясь под широким козырьком горловины второго тоннеля. Платон посмотрел вдаль. Пейзаж показался ему банальным. Рыжая, каменистая, ухабистая и пустая планета простиралась за горизонт, который обрамлял однородное ее тело, одинаково тусклое и какое-то совсем обезличенное, унылое, словно созданное наспех. Глаз насыщался быстро, как насыщается он, к примеру, от видов моря – сперва не оторвешься, но спустя какое-то время привыкаешь, а чуть погода и вовсе не замечаешь его ребристые просторы.

В конце перехода была расположена еще одна дверь-гармошка. Она со скрипом раздвинулась и пропустила их в клетку лифта. Несколько больших грузоподъемников покорно ждали своей очереди. Два медбрата выдали маски, трубки и баллоны с воздухом. Платон с ужасом посмотрел на снаряжение.

– Надо куда-то нырять? – чуть слышно спросил он своих новоиспеченных знакомых.

– Кораллы собирать будем, – буркнул в ответ Петрович, который довольно ловко вскинул на себя баллон огуречного цвета.

– Господи, помилуй!

Платон тоже стал надевать снаряжение, повторяя незамысловатые действия остальных. Нувры внимательно следили за его неуклюжими манипуляциями, но не вмешивались, чтобы как-то помочь, и ничего при этом не говорили, лишь щурились, как рептилии на солнце.

Вскоре аквалангисты были готовы и вместе с другими зашли в кабину лифта. Лифт немного раскачивался. Было слышно, как железными прутьями играет ветер. Медленно, громыхая и чиркая о стены, лифт неуклюже пополз вниз. Через минуту он выехал на свежий воздух. Платон отвернулся от солнца.

– Не дрейфь, – послышался сиплый голос Петровича, – нырять первый раз всем страшно...

– Куда нырять?

– В океан!

– В океан? Какой океан? – испугался Платон.

– Океан подземный тут у них обнаружился. – Петрович ткнул указательным пальцем вниз и притопнул еще вдобавок ногой, которая в гидрокостюме походила на лягушачью лапку.

Платон посмотрел на остальных. Помимо старика, толстяка и его самого, было еще четверо. Все они не обращали ни малейшего внимания на разговор, просто стояли и ждали, когда спустятся вниз. Только Шурик крутился и елозил, недовольный тем, как на нем сидел баллон. Баллон крепился круглой пряжкой на груди. На ней было что-то написано. Платон прочитал: «Occulu, Putatve, Liberalis»²⁵.

– А зачем нам туда нырять? – спросил он и потрогал свою пряжку, на которой оказалась точно такая же надпись.

– А затем, – продолжил Петрович, – чтобы собирать кораллы.

– А зачем их собирать?

Петрович оглянулся на соседей. Платон тоже посмотрел на них. У Шуры совсем не ладилось с застежкой, и он снова снял с себя баллон, чтобы поправить размер крепления.

– Они их едят, – прошептал Петрович.

– Кто они?

– Нувры.

– Нувры едят кораллы?

²⁵ Окультурный, мнимый, щедрый (лат.)

– Да. Кашу варят. А вот нас заставляют собирать. Потому что сами не могут. – Петрович пожал плечами, словно не мог понять почему.

Кабину немного затрясло. Скребки и гулкие удары возобновились, но вскоре стихли – лифт застыл на месте. Что-то где-то гроыхнуло в последний раз.

– Приехали, – пояснил Петрович.

Платону показалось, что спуск занял минут десять, возможно, больше. Двери стали неуклюже расползаться. Когда они открылись полностью, Петрович вышел наружу первым и, не дожидаясь, когда Шура закончит возню со своим баллоном, зашаркал ногами, медленно двигаясь прямо. Один за другим остальные вышли тоже. Платон заметил, что на блестящих от липкой пленки лицах не было никаких выраженных эмоций: ни радости, ни скорби, ни удивления, ни тоски – ничего. Шурик плюнул на свой баллон, взял его в руки и поспешил, трусая за остальными.

Перед ними был широкий коридор, заполненный водой, которая доходила до щиколоток и лилась струями по выпускным каналам из стен. По консистенции и цвету вода была точно такой же, как наверху, но только приятно теплой. Коридор освещался плохо. Тусклые редкие лампы (некоторые из них не работали) висели под высоким потолком. При этом белые гидрокостюмы прекрасно контрастировали, отчего чуть ли не светились в этом ультрафиолетовом зареве.

Коридор не заканчивался, сворачивал влево. За поворотом воды добавилось. Она уже доходила до колен и все прибывала. Идти становилось сложнее. Булькая, они шли какое-то время вперед и вскоре свернули вправо, где коридор сначала сужался, а потом стал удлиняться. Флюоресцирующего света было больше, и можно было рассмотреть, как в конце светится квадрат выхода. В этом коридоре вода оказалась по пояс. Кому-то она доходила до подбородка. Шурик и Петрович поплыли. Вскоре они достигли конца коридора. Отсюда выход был закрыт куском резины. Резинка была квадратной, а ее конец спущен в воду, но он опускался не до самого дна, так что оставалось достаточно места, чтобы можно было поднырнуть. Люди стали надевать маски и уходить под воду. Платон не заметил, как остался один. Последним поднырнул Шура, который все же справился со своим баллоном.

Платон смотрел, как лопаются на поверхности пузыри, а когда они все полопались, новый прилив страха стал пробуждать в Платоне приступ паники. Он надел маску и опустил голову под воду. Там оказались указатели: волнистые неоновые стрелки, а под шматком резины на полу мигала надпись: «Поднырнуть». Платон не решался. Он снова вынырнул.

– Черт бы их всех побрал! – выругался он и со злостью ударил ладонью по киселю.

Кисель вспенился и разлетелся брызгами. Сразу началось какое-то брожение. Вода забулькала и как бы уплотнилась. «Что за дела?» – подумал Платон и стал разбираться со снаряжением. От баллона тянулась трубка, а на ней находился манометр давления воздушной смеси. Манометр крепился на правой руке. Далее еще одна трубка заканчивалась загубником. Сунув его в рот, Платон снова опустился под воду. На дне по-прежнему виднелись неоновые стрелочки, но теперь они мигали, а вместо «Поднырнуть» было написано «Подныривайте!».

Набравшись храбрости, Платон поднырнул. Вода сразу успокоилась, перестала бурлить и приняла свое обычное киселеобразное состояние. К своей радости, без особых затруднений он проплыл под перекрытием и вынырнул на противоположной стороне, где Петрович и Шура ждали его, держась за острые бортики вдоль стен. Платон не успел ничего сказать товарищам, так как сильное течение неожиданно потащило его, барахтающегося, мимо них дальше. В этой ситуации Платону требовалось быстро соображать, но делать это у него получалось крайне плохо. Единственное, что он сообразил сделать, – попытаться зацепиться за бортик, но, к сожалению, рука его соскользнула, а когда он попытался разглядеть, где эти двое, то течение принялось грубо швырять его из стороны в сторону по узкому желобу, куда он, к своему ужасу,

попал из широких продольных коридоров. Вода постоянно попадала в рот, на вкус она была слегка солоноватая. «Совсем как кровь», – подумал Платон.

«Развернитесь ногами вперед по течению! Развернитесь ногами вперед по течению! Вы можете пострадать физически! Развернитесь ногами вперед по течению!» – стал призывать громкий металлический голос. Платон быстро развернулся ногами вперед. Тем временем скорость спуска заметно выросла, а желоб сменился новым тоннелем. Платона стало водить по стенам и потолку. «Господи!» – бормотал он, единственно радуясь тому факту, что он успел, как и просили, развернуться ногами по течению вперед.

Внезапно Платон закричал, как кричат на американских горках, потому что стал падать отвесно куда-то в темноту. Сердце его на мгновение перестало биться, а потом забило там, где оно никогда этого не делало: в горле, в ушах, в пальцах, в бедрах и даже на переносице. Платон со свистом летел по трубе дальше. Он вертелся, крутился, опять падал практически отвесно, отрываясь от потока воды, куда-то заворачивал, поднимался, падал вновь, больно ударялся об окоченевший под ним кисель, глотал его, летел дальше и кричал, кричал, кричал. Только его никто не слышал. Этот кошмар продолжался бесконечно долго. Может быть, год, может быть, век. Во всяком случае, так казалось Платону, который уже стал терять связь с реальностью и рисковал совсем скоро, вот-вот лишиться рассудка, когда все-таки, к счастью для него, это падение внезапнейшим образом не прекратилось.

Платон выскочил из трубы, пролетел со свистом метров десять и, совершив тройной кульбит, больно шлепнулся о воды подземного океана, уйдя под них сравнительно надолго – секунд на десять или пятнадцать. А когда он вынырнул, то принялся отчаянно хватать воздух ртом. Глаза застилала пена, мешая как следует разглядеть происходящее. Шлепки, крики и чей-то командный голос смешивались со звуками падающей воды. Наконец Платон разлепил один глаз, но смог увидеть лишь яркий белый свет. Тут же что-то его схватило под мышки и потащило наверх. Платон весь скрутился от неожиданности. Вода стекала с него, а жирные капли ее падали в кипящую пену. Платон выронил загубник и почувствовал, как больно в спину давит баллон. Виной тому были металлические щупальца. Они сдавили его предплечья и несли высоко над водой.

Мимо пролетел аквалангист. Потом еще один, чуть дальше другой. Они не кричали. Просто падали как камни, вылетая из труб, торчащих из чернеющей в сумерках скалы. Платон был без маски, она давно съехала назад и болталась, как детская варежка на резинке. В воде были сотни белеющих тел. Они, как поплавки, торчали из воды, пока их не вытаскивали жуткого вида краны со щупальцами. Краны те стояли на огромной платформе, напоминающей нефтяную вышку. С вышки светили десятки ярких прожекторов, наполняя светом это ужасное место.

Платона поднесли к какому-то круглому плавательному приспособлению. Когда он присмотрелся, то понял, что эта штука очень похожа на батискаф. «Господи!» – опять вырвалось у Платона, когда железная рука-щупальце стала опускать его в кабину этого устройства. Платону показалось, что там уже кто-то сидел. Устройство качалось на небольших волнах, поэтому рука опускала Платона как котенка с бережной осторожностью, останавливаясь и выравниваясь, подбирая правильную траекторию. Когда Платона втащили в кабину, то омерзительные щупальца разжалась, чтобы со свистом выскользнуть наружу.

В кабине Платон немного успокоился. Поправив баллон и вернув на лоб маску, он осмотрелся. Скамейки, на одной из которых сидел Платон, стояли рядами и заканчивались круглым стеклом. Стекло было опущено в воду наполовину. Пространство над головой сужалось и оканчивалось отверстием с резьбой, как у банки из-под варенья. Слева и справа ничего не было, кроме аптечек и проводов, изолированных полупрозрачным веществом. В кабине неприятно пахло патокой. Рядом в полумраке кто-то сидел.

– Какой неприятн он сегодня. Правд ведь?

– Вы о ком? – Платон посмотрел на соседа. Это был тот самый малыш-коротышка, которого он видел в столовой.

– Ну как ж! Океан плохой. Не вишь?

Коротышка уставился на Платона как на идиота и как-то захрипел гортанно, отчего Платону захотелось поскорее вылезти из батискафа обратно к щупальцу и кисельному морю. Что-то жуткое было в этом мужичке.

– Я... новенький, – неуверенно пробормотал Платон и отвел взгляд от маленьких глазок-колючек.

– А ну то и видн! Ахр, – то ли кашлянул, то ли поперхнулся человек. – Я тебя вид! В столовке! Крах! – Мужичок был точно не в себе.

– Я вас тоже видел. Да. – Платон отодвинулся.

– Гульба! – неожиданно крикнул он.

– Что? – Платон не сводил с человека глаз, как не сводят с психически нездоровых людей.

– Гуль-ба! – повторил человек.

– Извините меня, но я вас не понимаю. – Платон старался оставаться вежливым.

Мужичок растерянно посмотрел на Платона и протянул ему свою крошечную руку.

– Гульба, – повторил он.

До Платона дошло, что это его имя, и он с облегчением пожал Гульбе руку.

– Я Платон.

В этот момент на Платона стало довольно сильно капать. В батискаф опустили Шурика. Он сразу пожал руку Гульбе и радостно посмотрел на Платона.

– Ну ты напугал нас! Что ты там застрял-то?

Платон пожал плечами. Ему стало стыдно за свою трусость.

Опять полилась вода сверху, заставляя Платона нагнуться. Кран со щупальцами опустил Петровича. Он тоже пожал руку Гульбе и посмотрел на Платона с упреком.

– Что ты там так долго?! Нам нужны нашивки! Я же говорил!

– Он новик! Агр, – выкрикнул Гульба, тыкая пальцем в Платона.

– Ну и что? Мог бы порасторопнее. Тьфу! – махнул Петрович и отвернулся к иллюминатору.

Тут Платона снова обдало кисельной водой: металлический щуп плавно опускал нового участника охотников за нашивками. Тот сильно вертелся, пока его опускали. Когда щупальце скрутилось и уехало обратно, пассажир вскочил, скинул с себя баллон и стал что-то в нем активно подкручивать, при этом ругаясь: «Козлы, козлы, козлы!»

– Что там, Гриш? – Петрович вытянулся как петух, чтобы посмотреть на баллон.

– Да неисправный дали! – с досадой ответил Гриша.

Платон открыл рот. Перед ним сидел Гриша Хлестаков, тот самый Гриша, с которым они работали последние годы над прототипом Дженнифер.

– Гриша? – Платон не дышал.

Гриша обернулся. Какое-то время его лицо, сморщившееся в резиновом капюшоне гидрокостюма, выражало лишь раздражение и недоверие, но по мере того, как глаза его стали округляться, лицо разгладилось и побледнело.

– Платон?! Ты? Ты же... – Баллон звонко стукнулся о металлический пол, отчего все моргнули, а после услышали, как он покатился прочь. – Не может быть! Ты... ты живой?

Тут Петрович, Шурик и Гульба крепко удивились, когда Гриша неожиданно бросился обнимать новенького.

– Вот те на... – Петрович задумчиво почесал нос. Это свидетельствовало о том, что он по настоящему сильно удивился. А удивлялся он в самых исключительных случаях, крайне редко.

– Агр! – Гульба тоже удивился и стал тербить Петровича за плечо, то ли чтобы ему объяснили, что происходит, то ли чтобы убедиться, что Петрович тоже это видит.

Шурик во все глаза смотрел на немую сцену и оказался первым, кто решился задать вопрос:

– Вы что, знакомы?

Гриша повернул свое заплаканное лицо к Шурику и ответил:

– Да! Это Платон! Он создал ее... Он создал Дженнифер!

Глава 24. Яблочный пирог

Пока батискафы не были опущены под воду, а солнце не достигло своего апогея над рыжими горизонтами Марса, Горан уже спешил в штаб поскорее найти Роберта, который с раннего утра был вынужден отдавать операторам, инженерам и комиссарам указания и отвечать на бесконечные звонки из-за вчерашнего инцидента с капсулой межпланетника «Орион». Мысли Горана, всегда стройные, строгие и прямолинейные, были в полном смятении, и, как оказалось, его жизненные силы внезапно иссякли, а уверенность в себе покинула, поправ перед этим самые значимые основы и уклады его бытия. «Как же я мог забыть?» – глухо и зло возмущался Горан. «Как я мог забыть?» – повторял он, неосознанно стараясь стряхнуть с себя остатки сна, в котором пребывал слишком долго, чтобы избежать неприятного похмелья.

Горан шагал все быстрее по стерильным лабиринтам Ямы, брезгливо ступая по этому искусственно созданному миру, не желающему, чтобы кто-то нечаянно обнаружил его лживую сущность и надуманную добродетель. Сладкий на вид, но горький на вкус.

Горан шагал быстро. Он не слышал окликов сослуживцев, ползущих к нему со всех сторон, он не видел перед собой автоматические двери, шипящие как змеи, не заметил даже громадного Казимира, который проплыл мимо с каменным лицом, преследуемый молчаливой толпой врачей, вероятнее всего спешивших на обход к пациентам. Горан направлялся к Роберту. К нему. К своему другу, сослуживцу и соратнику. К тому, с кем он делил большую часть своего времени в эпоху автозаправок, кино и кока-колы, в эпоху социальных сетей, газет и футбола, в эпоху гриппа, сигарет и рождественских отпусков. «Как все забылось! Боже мой! Как все позабылось...» – повторял про себя Горан, стуча каблуками по спиралевидной лестнице, ведущей прямоком в штаб-квартиру хранителей. «Как же я мог забыть мою Тоню? Как я мог забыть про катастрофу? Как я мог забыть Кристину?! Как я мог забыть о семье... Как я мог?!»

Когда Горан появился в командном пункте, Роберт стоял спиной к широкой арке входа, лицом к огромному монитору. Он пребывал в глубокой задумчивости, наблюдая за работой тысячи кранов со щупальцами, которые ловко сортировали белые тела по батискафам, раскачивающимся на пенящихся волнах подземного океана. К счастью для Горана, рядом с Робертом в эту минуту никого не было. Операторы сидели молчаливые, как всегда, с опущенными головами и двигали в пантомиме руками по невидимым экранам. К этому часу комиссары вместе с инженерами уже отбыли, оставив после себя рулоны карт океанического дна, которые были разбросаны на главном столе планирования. Они снова работали удаленно, занятые повторными сбоями в системах водоснабжения, отопления и электрификации, которые питались из одного-единственного источника, так называемого компилятора.

– Надо поговорить!

Роберт обернулся и сразу понял, в чем тут дело. «Вспомнил!»

– Что, Джен навестила?

Роберт старался казаться беспристрастным и ироничным, но у него ничего не вышло, и он широко, как никогда ранее, улыбнулся своему другу.

Горан кусал губы, лицо его осунулось, глаза прыгали из стороны в сторону – он выглядел настолько сильно взволнованным, что Роберт встревожился.

– Иди за мной, – быстро сказал он и сразу, не дожидаясь ответа, направился в кабинет, слыша, как за спиной неуклюже клацает по полу своими начищенными ботами Горан.

– Когда ты вспомнил?! – первым делом спросил Горан, когда Роберт закрыл за ними дверь.

– Год назад, – тихо ответил Роберт, после того как совершил какую-то хитрую манипуляцию в крайнем левом углу своего стола, отчего Горан почувствовал, как неприятно загудело в ушах, а по рукам пошла легкая вибрация.

– Почему ты мне не рассказал?

– Потому что ты бы меня сдал.

– Моя дочь! Моя жена? Роберт! – Горан упал в кресло и закрыл лицо руками.

– Знаю. – Роберт нахмурился. Он подтащил соседнее кресло и сел рядом. Утешать друга было бессмысленно.

– Они их похитили, Роберт. А может, и убили!

Горан посмотрел на Роберта с отчаянием, они оба знали, кто был виновен в трагедии над Атлантикой. Казимир был в их числе.

– Горан, послушай меня...

– Я во всем виноват!

– Горан...

– Я не уберег свою семью!

– Горан! – крикнул полковник. – Что тебе сказала Дженнифер?!

Горан бесцельно водил глазами по серым стенам кабинета. Он сильно ссутулился и принялся царапать ногтями кожаные подлокотники кресла. Тогда Роберт повторил вопрос.

– Она сказала, что ей... ей пришлось отстраниться.

– Отстраниться?

– Да.

– Хорошо. Что она еще сказала тебе? – Роберт положил свою тяжелую ладонь на острое плечо друга.

– Что он ступает тихо, но слышат его все... – Горан тревожно оглянулся.

– Она должна была тебе сообщить еще кое-что очень важное для нас.

Горан колебался, но вскоре глаза его просияли.

– Что с ними все еще может быть хорошо?

– Да. С ними еще все может быть хорошо, брат! Мы сможем их спасти. Ты понимаешь это?

– Роберт, я до сих пор чувствую вкус яблочного пирога. Они оставили мне его... – Слеза медленно сползла по щеке несчастного и застыла на кончике подбородка. – Они его оставили для меня... Пред тем как улететь... С дочкой. – Горан стал задыхаться. – Я... тогда вернулся раньше. Не так, как обычно... Дома было так пусто без них. Лишь запах пирога. Этот запах я услышал, поворачивая ключ в замочной скважине. Так было тихо... Я снял куртку. Прошел в гостиную. Посмотрел на себя в зеркало и сразу почувствовал тревогу. В это самое время они должны были еще лететь домой. Я попросил Кристину забрать Тоню в Москву и подождать меня дома, пока все не закончится. – Горан испуганно посмотрел на друга. – Роберт, ты мне сказал, что они следят. И они следили... Они хотели удалить из нас исходники Дженнифер. Я ел пирог, запивал его молоком. Тогда мне и позвонили из консульства. Я сразу включил телевизор. Куски самолета уже были в воде... Господи! – Горан снова закрыл лицо и беззвучно заплакал.

Роберт вздохнул. Он хорошо помнил тот день. Им было трудно его пережить, а сейчас, спустя столько лет, Горану приходилось переживать его заново. И Роберту тоже.

– Горан, – начал полковник, – мы обязаны закончить начатое. Мы должны вернуть людям память. Вернуть им то, что у них забрали. Мы должны вернуть тебе семью, Горан!

– Почему ты думаешь, что у нас это получится?

– Потому что он ступает тихо, но слышат его все, Горан.

– Что это значит? – Горан встал и отвернулся, чтобы вытереть глаза.

– Это значит, что скоро все закончится. И мир этот станет прежним. Он будет таким, каким задумывался. Таким, каким его делали мы. Каждый день. И пускай он не был так прекрасен, как хотелось бы, но он был наш, Горан.

– Роберт, я тебя не понимаю...

Горан смотрел в окно. С космодрома стартовал межпланетник «Орион». Он с натугой поднимался в воздух, оставляя за собой ключья черного дыма. Он возвращался обратно. Обратно на Землю.

– Тебе надо поговорить с Мамой. – Роберт поднялся, расправил свой мундир, тряхнув его за полы.

– С кем?

– С лидером сопротивления. Она тебе лучше объяснит все, чем я.

– Так оно существует? Сопротивление не выдумка?

– Не выдумка.

Горан испуганно посмотрел на Роберта.

– И ты с ними...

– Да, – ответил Роберт, – я с ними заодно.

– Но почему?

– Потому что Дженнифер скомпрометировали очень плохие люди, Горан. Ты знаешь, о ком я...

– Знаю... Это семидесятники.

Глава 25. Тайна Алмазной пещеры

Опять завывла сирена: «У-у-у-у-у-у-у».

Платон поднял голову и увидел, как серебряный колпак сел на резьбу и быстро стал завинчиваться.

«Внимание! Внимание! – забубнили из репродукторов. – Начинается погружение. Займите свои места. Пристегнитесь. Десять, девять...»

– Плат, пристегивайся! – бросил Гриша, а сам побежал за своим баллоном, который укатился куда-то к носу батискафа.

Платон нашел два ремня безопасности и без труда скрепил их на животе, после чего сразу почувствовал толчок. Батискаф ушел под воду.

– Ар-р! – выкрикнул Гульба.

Выключилось дневное освещение, а затем зажглись красные лампы. Вся группа принялась натягивать маски.

– Что происходит, Гриш? – Платон первым делом спросил друга, гнездившегося рядом с ним. – Куда мы... плывем?

Вместо того чтобы ответить, Гриша надел маску, а потом то же самое помог сделать Платону.

– Плат, ты когда-нибудь нырял с аквалангом? – спросил он спокойно.

– Нет... Ну, однажды. В бассейне. В Турции. А что?

– Ну, ничего. Вспоминай, как ты все делал, как дышал. Наденешь загубник, когда воду пустят. Слышишь? Потом плыви за мной. Не отставай и ничего не бойся. Это пустяки.

Держаться за Гришей. Плыть за ним и ничего не бояться. Господи, сохрани! Платон снова вспомнил Господа всуе и даже неосознанно перекрестился, чем вызвал большой интерес у Гульбы. Гульба неистово захлопал в ладоши и стал бесцеремонно тыкать в него пальцем. «Вот хам!» – подумал про себя Платон и неожиданно задрал ноги, так как на полу появилась вода. Она стала быстро подниматься и вскоре была уже всем по щиколотки.

– Надевай загубник, поверни краник. Вот так, – проинструктировал Гриша и повернул вентиль воздушной смеси. – Сделай вдох.

Платон все послушно выполнил и сделал вдох, а когда он сделал второй, то кисельная вода уже накрыла всех с головой. Платону она показалась несколько мутной. Он наблюдал, как Петрович вытащил из-под сиденья длинный предмет. Это была палка с овальным накопником, внутри которого виднелась матерчатая сетка. «Совок, что ли? Зачем ему совок?» Петрович проплыл мимо, ловко дрыгая ногами так, что кисель зашелся пузырями. Остальные тоже повытаскивали совки. Гриша протянул Платону свой, а сам полез под скамейку доставать новый. Совок был на вид алюминиевый, метр с половиной, не более, в длину, с резиновой рукояткой и пузатым набалдашником на конце. Гриша легонько стукнул Платона в правое плечо и поманил плыть за ним наверх через входной люк.

Когда пузыри рассеялись, перед ними предстала чудесная картина. Тысячи причудливых подводных деревьев, высоких, как секвойи, раскачивались из стороны в сторону, как надувные пляшущие аэромены, которых часто ставят для привлечения нового посетителя рядом с магазинами, закулочными или автозаправками. Святящиеся шары (наверное, плоды деревьев), похожие на огненные сферы, прятались в ветвях стройных великанов, отчего растения казались наряженными новогодними елками. Батискаф покоился на дне, усыпанном переливающимися камнями, а само дно искрилось и напоминало магические сахарные горы. Свет шел как бы от всех объектов сразу и был живым, потому что мерцание его напоминало чье-то спокойное дыхание. Удивительно, как эта торжественная картина контрастировала с той, которую

Платон видел только что на поверхности океана, где грубость механических приспособлений никак не вязалась с нерукотворным покоем подводного мира.

Платон замер, с восхищением любясь видами. Он забыл про страхи и вспомнил о них только тогда, когда Гриша потянул его за собой. Платон забарахтался и нервными рывками поплыл за своим приятелем. Остальные скрывались за обильными пузырями, шлейфом идущими за другой группой аквалангистов. Платон старался рассмотреть, куда они все плывут, но ветки со светящимися шарами, гроздьями висящими у них на пути, скрывали перспективу, чем тревожили Платона.

Заботливый Гриша постоянно оборачивался, чтобы убедиться, не отстал ли Платон, а убедившись, что тот придерживается правильного курса, продолжал плыть дальше. Минут через десять сахарная гряда сменилась обычным песчаным дном. Деревья стали попадаться все реже. Света поубавилось, и благодный уют встретился с неприветливым холодом. Платон посмотрел вниз.

На дне лежали камни и обломки каких-то аппаратов, очень похожих на батискаф, в котором он только что находился. Песок был темным, серым, словно вулканической породы, кое-где виднелись ямы, в них мерещилось нечто колючее и, возможно, живое, точно морской еж. Платон от страха зашевелил сильнее ластами и приблизился к своему покровителю. Гриша посмотрел на Платона и, по всей видимости, чтобы приободрить, показал ему большой палец левой руки, так как в правой он держал предмет, похожий на совок.

Товарищи плыли метрах в десяти над дном, двигаясь за плотным косяком аквалангистов, белесые тела которых, обвитые пузырями, походили на призраков доисторических рыб. Прошло, наверное, еще минут десять, прежде чем аквалангисты наконец-таки подплыли к нужному им месту. Платон испытующе вглядывался вперед, но его зрение никак не могло распознать, что там было за скалистым выступом, который они только что миновали.

Приблизившись, Платон увидел пирамидальной формы скалу размером с десятиэтажный дом. В скале, в самой ее середине, было треугольное отверстие, куда и заплыла группа. Оказавшись внутри, Платон заключил, что проход, скорее всего, не был естественным. Об этом свидетельствовали ровные края стен угольно-черной породы. Еще наблюдательный Платон отметил, что лаз этот кренился, закручиваясь вниз. То есть они плыли не горизонтально, а скорее начинали вертикальное погружение. Это было неприятно, но Платона успокаивало присутствие Гриши и его заботливое к нему отношение. Он всегда был добрым малым. Слегка инфантильным, слегка грустным, безмерно доверчивым и совсем неконфликтным.

«Какой же он все-таки хороший человек», – думал Платон, стараясь не отставать от участников этой затянувшейся экспедиции. Платон часто бывал несправедлив к Грише и без меры высокомерен. Гриша для него всегда оставался тем, на кого он мог не только положиться, но, что хуже всего, накричать, сорваться, зная, что это всегда сойдет ему с рук. Гриша со всем соглашался и, как казалось Платону, испытывал в его отношении благоговейное восхищение. Платон любил поучать Григория, учительствовать, ругать его за тупость и изредка хвалить, понимая, что иногда нужно бросать кость изголодавшемуся псу, чтобы тот не убежал. Платон покраснел. Он испытал в этом марсианском подземелье внезапный прилив стыда за то, что так думал и поступал, за то, что позволял себе непозволительное. Его гордыня, как едкая кислота, разъедала все вокруг, оставляя его одиноким и неприкаянным. И только Гриша имел чуть ли не сверхъестественный иммунитет, чтобы самовлюбленный эгоист не остался совсем один – так сказать, без присмотра.

Лаз внезапно просветлел и окрасился в нежно-голубой цвет, вода стала гораздо теплее, и Платон радостно задвигал ластами в стремлении поскорее попасть в то самое место, откуда исходил этот чудесный, магнетический, манящий к себе свет. Один за другим вся команда выплыла из треугольной выбоины в пирамидальной скале и попала в светлый грот с пористыми стенами и выпуклыми светящимися полупрозрачными наростами, похожими на пятни-

стые черепахи панцири. Над группой, метрах в двадцати, зияла поверхность, откуда и падал столбом этот славный небесный свет.

Все стали подниматься к обливающейся лазурью поверхности. Платон в этом занятии был настолько усерден, что обогнал сопровождающего его Гришу и чуть-чуть не сравнялся с Шуриком, который изрядно отстал от остальных. Когда Платон вынырнул на поверхность, то первым делом сощурился от яркого солнечного, как ему показалось, света. Попривыкнув, он удивился, что вся группа уже успела вылезти на серебряный берег и снять с себя маски. Они стояли мокрые, блестящие, человек семь-восемь, и поочередно обменивались рукопожатиями.

Это была Алмазная пещера, как ее назвал Гриша, когда через мгновение тоже вынырнул рядом с берегом. Платон стянул маску и с восхищением осматривал пещеру, которая вся была из каких-то светящихся минералов голубого цвета. Причем свет в них не был статичным, а двигался и перемещался от камня к камню, создавая тем самым иллюзию вращения вокруг оси, словно пещера крутилась, как какая-нибудь микроскопическая галактика. Свод пещеры тоже излучал свет, медленно плывущий по спирали. Вода была спокойной, она только слегка пенилась и серебрилась в разных местах, словно там играл ветер. Платон облизал губы и почувствовал сладковатый привкус, как будто воду перемешали с сахарным сиропом. Воздух тоже казался сладким, теплым, как вода, и свежим. Настолько свежим, что им было жалко дышать.

– Вы вылезать будете? – крикнул им Петрович, трясая над головой своим совком, как папуас тряс бы копьём при виде чужеземцев.

Несколько мужчин прервали беседу и повернулись к ним. Они молча изучали Платона. Их скукоженные лица, утянутые гидрокостюмами, показались Платону какими-то знакомыми, один из них, тот, что был повыше, нагнулся к Петровичу и пробубнил ему в ухо, да так громко, что Платону четко послышалось: «Ему боберять можно?» Петрович не ответил и лишь кивнул в сторону Гриши. Гриша как раз вылезал на скользкий берег, помогая себе своим совком. Совок гнулся, но не ломался.

Платону не понравилась эта атмосфера, она ему показалась недружелюбной. Все члены экипажа пузатого батискафа, узнав, что Платон изобрел Дженнифер, о чем так открыто и пафосно объявил его товарищ, стали какими-то апатичными и индифферентными. Неясно было, хорошо это или плохо, и точно не понятно, что можно было ожидать от этих людей. Тем более от незнакомцев, которые стояли на этом фантастическом серебряном берегу, как стояли бы отдыхающие в Ялте на песчаном берегу Черного моря.

– Платон, давай помогу! – Гриша попытался подхватить Платона, но тот с резкостью отмахнулся.

– Я сам! – процедил он сквозь зубы, но тут же его рука сорвалась с невероятно склизкого, как оказалось, берега, и он больно стукнулся лицом о его поверхность.

– Ай! – вскрикнул Платон и сполз обратно в воду, выронив совок.

Гульба громко заржал. Остальные не двинулись с места, и лишь только Гриша с Шурой бросились на помощь – единственные из этой компании не растерявшие сочувствия.

– Ай! – Платон испугано уставился на окровавленные руки.

– Тьфу ты! – Петрович со злостью стукнул совком о сверкающий грунт берега.

Платон схватился за нос, из которого обильно текла кровь. Она капала на землю и скапывалась к розовеющей воде, отчего та возмущенно вспенивалась.

– Дай осматрю, – предложил Гриша, но Платон замотал головой, давая понять, что ему не надо никакой помощи. Тем не менее Гриша все же аккуратно отодвинул ему руку, чтобы оценить серьезность ситуации. Платон нехотя, но все же поддался.

– Ничего, жить будешь. Нос не сломан, – заключил его друг.

– Запрокинь голову и жми нос, – посоветовал Шурик, который тоже успел хорошо разглядеть нос Платона. – Вот так. – Он показал, как правильно остановить кровотечение из носа.

– Ладно, пора идти! – скомандовал Петрович, поднимая свой совок. – Времени нет. Кораллы сохнут.

Все последовали за предводителем. Похожие на пингвинов, они вытянулись в шеренгу и зашлепали утиными лапами по ребристой поверхности берега. Платон, Шурик и Гриша, как всегда, были в хвосте.

– Ну как нос? – поинтересовался Гриша.

– Кровь остановилась? – спросил Шура.

– Нормально все! – махнул Платон, идущий с запрокинутой головой.

И хотя Платону было крайне неудобно в таком положении, все же он смог осмотреться. Берег был небольшим, ухабистым и вскоре заканчивался крутым спуском, который вел в новую пещеру с выпуклыми полупрозрачными, святающимися изнутри стенами, в которых что-то плавало, какие-то продолговатые тени бродили в молочной синеве – быть может, даже нечто живое. Платон поежился при мысли о внеземной форме жизни и убыстрил шаг.

Через минуту они попали в новую полость, с потолка которой часто падали крупные серебряные капли, но при этом дно оставалось совершенно сухим. Пустота эта казалась меньше предыдущей и сменилась продолговатым по форме гротом, за которым начиналась неожиданная череда проходов и пещер с камнями разной формы, величины и цвета, а также разной интенсивности внутреннего своего свечения. Одни камни были острые и вытянутые, как сабли, другие сферические и гладкие, как бильярдные шары, третьи походили на крупный картофель, четвертые – на гигантские фаллосы, пятые же напоминали летающие тарелки, разве что только не летали.

Платон все еще зажимал нос, так что ему приходилось дышать ртом, поэтому он не мог слышать сладковатого запаха, исходящего от полупрозрачных стен. Единственное, он понимал, что воздух теплый и влажный, потому что рот не пересыхал, как это обычно бывает при таком способе дыхания. Вскоре они вошли в гигантскую пещеру, заполненную святающимся лиловым озером. Свечение исходило со дна, которое неплохо просматривалось с высоты крученого янтарного берега. Внизу что-то чернело.

– Все! – скомандовал Петрович. – Вы давайте с новеньким приступайте к ныркам и сбору, а мы с Танком и Ломом по делам.

Танком и Ломом оказались двое незнакомцев, один из которых – непонятно, Танк это был или Лом – бубнил недавно во всеулышание сварливому старику в его заросшее ухо.

– Давайте все вместе... – предложил Шурик и сразу запнулся, увидев, как Петрович сверкнул глазами и вдобавок со злостью притопнул.

– Кой вместе?! Кораллы кто собирать будет?! – закричал он. – В крайний раз нувры розгами хлестали по задам! Опять хочешь?! Будет недобор – получим штрафы!

– А почему мы должны нырять снова?! – встрял в разговор Гриша. – Вы с Ломом второй раз подряд пойдете! Теперь наш черед!

– Ваш, наш! А с ним кто будет? Твой же кореш! Не мой! – Петрович ткнул совком в Платона, который по-прежнему лечил свой нос, задрав его кверху. – Вот и сиди с ним нянькой! Еще разболтает о янтарной, тогда мы сюда уже не попадем. И точка! Все! Пошли!

Петрович, Лом и Танк пошли прочь, не озираясь. Лишь один из них, Танк или Лом, обернулся в самом конце волшебного этого утеса, прежде чем все трое скрылись в незаметной пробоине мерцающей стены, которая покоилась в глубине грота с противоположной стороны от входного отверстия.

– Вот наглец! – возмутился Гриша. – Достал уже всех! Как на зоне ведет себя!

Платон тоже возмутился про себя, но его беспокоил больше нос, чем Петрович с Ломом и Танком, куда бы они ни отправились. Еще Платон не отрывал взгляда от красивой заводи. Он смотрел сквозь кисельные воды, стараясь как следует разглядеть, что там за странное движение происходит среди растений. Растения раскачивались, сияли и выпускали что-то темное

в воду. Вместо того чтобы подниматься на поверхность, эти чернильные струи спускались вниз и исчезали в волнистых складках дна, которое представлялось Платону песчаным, неглубоким и пологим.

– Агр! – выкрикнул Гульба, после чего надел загубник и первым прыгнул в розовую воду.

– Ну что? – Гриша обратился к Платону. – Подождешь нас здесь, пока мы управимся?

– Да пускай с нами ныряет! – предложил Шурик, который показался Платону чуть ли не двойником Гриши, как по комплекции, так и по манерам.

Два белых надувных толстяка стояли перед Платоном на берегу подземной пещеры Марса, у подножия сверкающей лиловым убранством таинственного озера и ждали, какое примет решение он – человек из другого времени и пространства, желающий одного-единственного – не сгинуть в этом странном, совсем чуждом ему мире.

– Давайте я с вами, – предложил Платон и стал аккуратно надевать маску, чтобы не повредить свой нос.

– Ну и замечательно! – приободрился Гриша. – Это скипетр. Работает он так.

Гриша повернул совок рукояткой вверх, чтобы Платон мог лучше видеть его манипуляции с прибором, затем умело отвинтил набалдашник и нажал на красную кнопку.

– А это свитчер – включатель, он инициирует программу скипетра. Скипетр полуавтоматический, он сигнализирует и тянется к нужному кораллу самостоятельно, понимаешь? – Гриша посмотрел на Платона с надеждой учителя, а потом добавил: – Скипетр настроен на их частоту. Все просто. Давай, включи свой, попробуй.

Платон открыл набалдашник и обнаружил такую же кнопку. Затем он неуверенно утопил ее. Совок ожил. Об этом свидетельствовало напряжение слабого тока, пустившего волну мурашек по локтю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.